

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

МИХАЙЛОВ Сергей Александрович

**СЕПАРАТИЗМ В СЕВЕРО–ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ (1998–2021)**

Специальность 5.6.2 Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, профессор
Китинов Баатр Учаевич

Москва – 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА I. СЕПАРАТИЗМ В СЕВЕРО–ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ	39
1.1. Причины возникновения сепаратизма в Северо–Восточной Индии	39
1.2. Эволюция сепаратизма в Северо–Восточной Индии	63
1.3. Сепаратизм и особенности религиозно–политической культуры Индии в XX–XXI веках.....	76
ГЛАВА II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ИНДИИ И СЕВЕРО–ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ В РАМКАХ БОРЬБЫ С СЕПАРАТИЗМОМ.....	102
2.1. Экономическая политика центрального правительства в Северо– Восточной Индии	102
2.2. Социальная политика Индии в Северо–Восточной Индии	122
2.3. Военно–политические методы решения проблем сепаратизма в Северо– Восточной Индии	138
ГЛАВА III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН РЕГИОНА ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА.....	148
3.1. Геополитические аспекты регионального сепаратизма.....	148
3.2. Взаимодействие стран региона в рамках решения проблемы сепаратизма.....	154
3.3. Перспективы решения проблем регионального сепаратизма.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	184
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопросы, связанные с историей и региональными особенностями сепаратизма, являются актуальной и существенной темой. Это проявляется как в самом процессе и природе данного явления, так и наличии внутренних (экономических, социальных и иных) и внешних проблем, связанных с процессами глобализации. Также это проявляется в колоссальном давлении на традиционные общества, включая их политические элиты и население.

Проблеме сепаратизма в целом уделяется достаточно большое внимание, однако регион Северо–Восточной Индии (далее также «Северо–Восток») в данном аспекте исследован недостаточно, особенно в контексте современного состояния этого явления. В этой связи степень актуальности данной проблемы как в теоретическом, так и в практическом плане, весьма высока. Вопросы целостности государства в современном мире и возможность распада страны рассматривается любой властью в качестве основной угрозы национальной безопасности. Успешные примеры опыта других государств, справившихся с подобными проблемами, требуют изучения и могут применяться в мировой практике.

В этом контексте особенно важным и актуальным является изучение опыта Индии, которая удержала внутренний конфликт в пределах своей территории и не допустила его превращения в глобальную проблему. Распад таких стран, как СССР, Югославия, Сомали, Ливия, стал катализатором для целого ряда подобных событий, активизировал рост сепаратистских настроений в мире, которые зачастую были спровоцированы масштабным вмешательством извне. В оценке данного явления применяются разные точки зрения и подходы. С одной стороны, выражается мнение, что сепаратисты являются «повстанцами» и «борцами за свободу», с другой – «террористами» и «преступниками». Такие полярные оценки в определённой степени стимулируют потенциал сепаратизма и его широкое распространение.

Опасность сепаратизма и его проявлений состоит в том, что он, изначально проявляясь как протест общества против существующих в стране порядков, может «переходить» внутренние границы, представляя угрозу как отдельному государству, так и сопредельным регионам. В целом ряде случаев сепаратизм, радикализм, терроризм и экстремизм становятся реальной угрозой, поскольку их практические проявления связаны с насилием и разрушением государственности, традиций, морали. Следует отметить, что государство не может полноценно развиваться в подобных условиях, и сепаратизм становится одной из первых ступеней на пути его «заката». Это может проявляться как в узком (территориальном) смысле, так и более широком, включающим в сферу своего воздействия историю и культуру.

Индия – одна из немногих стран, которая имеет собственный и весьма ценный опыт противоборства сепаратизму. Следует подчеркнуть, что данное диссертационное исследование посвящено изучению влияния этого явления на процесс развития Северо–Востока, новейшая история которого непосредственно связана с историей местного сепаратизма, а также условий, при которых в регионе возникла межэтническая и межконфессиональная напряжённость. Кроме того, в работе анализируются различные способы и методы противоборства государства этому процессу, способствующие снижению уровня сепаратизма и иных деструктивных влияний. Также автором были изучены основные проблемы Северо–Востока, инициировавшие негативные процессы и явления, происходившие и происходящие в данном регионе. Для достижения этой цели был изучен ряд работ зарубежных и отечественных историков, политологов, аналитиков, журналистов.

Волнения и восстания, распространившиеся на территории Северо–Востока практически сразу же после провозглашения независимости Индии в 1947 году, стали вполне логичной реакцией общества на внутренние проблемы, связанные с государственным переустройством после ухода британцев из региона. Очаги сопротивления федеральному правительству возникли в таких регионах Северо–Востока, как Ассам, Нагаленд, Манипур,

Трипура, Аруначал–Прадеш, Мизорам и Мегхалая, и локально сохранились в той или иной форме и по настоящее время (при этом наиболее длительное противостояние с федеральным Центром отмечено в Нагаленде и Манипуре).

Следует подчеркнуть, что сложное положение народов, проживающих на данных территориях, не ограничилось экономическим, социальным и культурным отставанием. Это сказалось на моральных и этических установках этнического и конфессионального порядка, что и сегодня препятствует консолидации индийской нации в рамках единого федеративного государственного устройства. Это, в частности, проявилось в виде деградации общественных отношений, что вполне естественно в условиях вооружённого противостояния, длящегося уже более семидесяти лет.

Причины местного сепаратизма многоаспектны, тем не менее, существуют общепринятые критерии в их оценках и понимании. Как правило, это наличие исторических, этнокультурных политических, социально–экономических и иных конфликтов в переломные периоды истории в условиях разрушения старых и создания новых форм государственности и управления. Начиная с 1947 года данные аспекты явились предпосылками для усиления сепаратистских тенденций в регионе, когда осуществлялся пересмотр властных полномочий и административно–территориальных границ Индии, установленных ранее Великобританией.

Изучение истории местного сепаратизма позволяет разработать сценарии и модели реализации политических, экономических, правовых и культурных мер для урегулирования внутренних конфликтов. В этой связи важным представляется глубинное понимание исторических особенностей развития, культуры населения, проживающего на данной территории. Помимо этого, достаточно востребованной является обработка и систематизация опыта, накопленного Индией в урегулировании и нивелировании разногласий на территориях, где сепаратистские тенденции остаются актуальными.

Таким образом, актуальность данного диссертационного исследования определяется следующими аспектами:

- Выявлением особенностей местного сепаратизма как уникального процесса эндогенного характера, практически не выходящего за границы региона, сохранившего свою индивидуальность и специфику, связанную с особыми характеристиками Северо–Востока, а также его историей (основной период рассмотрения – 1998–2021), хронологическими рамками и так далее;
- Выявлением характеристик и специфических черт современного общества Северо–Востока, связанной с полиэтничностью и влияющих на формирование и перспективы развития радикальных движений региона;
- Оценкой конфессиональной составляющей современного общества Северо–Востока с целью определения влияния религиозного фактора и разнообразных его проявлений на мировоззрение народов региона и их протестный потенциал;
- Оценкой влияния религиозного фактора на внутривнутриполитические процессы Индии на различных исторических этапах развития страны, а также поиском компромисса в виде «рационального выбора» правящих элит с целью корректировки религиозных противоречий и учётом планов с целью достижения стабильного экономического и социального развития;
- Оценкой результативности экономических, социальных, силовых и иных методов и путей решения проблем местного сепаратизма, а также эффективности предпринимаемых управленческих решений правительства Индии в отношении рассматриваемого региона на современном этапе;
- Вниманием, уделяемым современной внешнеполитической деятельности Индии в рамках осуществления и реализации совместных проектов с Бангладеш, Китаем, Мьянмой и Бутаном с целью достижения безопасности и стабильности в ЮА (Южная Азия), ЮВА (Юго–Восточная Азия) и ВА (Восточная Азия), а также необходимостью создания общей системы безопасности и урегулирования межгосударственных противоречий, связанных с пограничными конфликтами.

Степень научной разработанности проблемы.

В отечественной историографии ранее уделялось внимание изучению проблем, связанных с историей сепаратизма в изучаемом регионе. Об этом свидетельствует ряд научных работ и монографий, изданных в основном до 2010-х годов. Однако исследований, рассматривающих современные проблемы и текущий уровень сепаратистской деятельности, не очень много. В этих работах, как правило, рассматриваются темы узкой специализации, включая политические и юридические аспекты. И если история сепаратизма в регионе, а также события, предшествовавшие этому, освещены в достаточной мере, то тенденции последнего времени, экономические и внешнеполитические шаги и действия в рамках борьбы с ним, относящиеся к деятельности премьер-министра Нарендры Моди (с 2014 года), изучены мало.

Возможно, это вызвано существенным снижением остроты конфликта и падением интереса исследователей к этому затяжному конфликту. В силу небольшого объёма информации по региону (который даже в последние десятилетия остаётся достаточно закрытым от мира) малоисследованной остаётся и степень влияния различных международных структур и организаций на деятельность местных сепаратистских группировок, а также взаимодействие сепаратистов Северо-Востока с радикальными группировками стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Историография исследуемой проблемы. В рамках исследуемой темы в отечественной и зарубежной историографии представлено не так много материалов, рассматривающих сепаратизм в регионе как одну из ключевых проблем индийского радикализма (в сравнении, например, с конфликтами в Джамму и Кашмире, Пенджабе или Южной Индии). Многие фундаментальные исследования проводились ещё советскими учёными-индологами, ощущается недостаточность аналитических и критических материалов, в частности, по периоду 2014–2021 годов. Это связано с малым объёмом информации о происходящих в регионе событиях, которая во многом является обособленной и изолированной территорией для мира, по крайней мере, в информационном поле. В качестве основы обзора использовался метод

тематического подхода, посвящённый различным аспектам исследуемой темы (культурным, социальным, экономическим, политическим и иным критериям)

Первую группу работ составляют труды индологов, связанные с общими вопросами истории и развития индийского общества, культуры и политики, дающие объективную картину взаимосвязанных исторических процессов, пересекающихся с проблемами сепаратизма этого региона.

В них освещаются вопросы по истории Индии с XVIII века по период Новейшей истории включительно. Это работы Л.Б. Алаева¹ и А. Ландау². Политическая история страны, проблемы исторического раздела Индостана в XX веке, сложности внутренней политики, связанные с сепаратизмом, представлены работами Л.А. Черешневой³, Ф.Н. Юрлова и Е.С. Юрловой⁴, Е.Ю. Ваниной⁵, Дж. Зубжицки⁶. В них рассматриваются такие понятия, как «исторический нарратив», «историческое сознание», «идентичность», «коллективное прошлое», hindutwa («индусскость») и другие.

В монографии Б.У. Китинова «Цивилизационные основы политического процесса» акцентируется внимание на том, что конфессиональные и цивилизационные процессы определяют кризисные тенденции в рамках политических процессов, влияя на принятие решений и достижение соответствующих целей⁷. В свою очередь, в исследовании И.Ю. Котина религиозное противостояние индусов и мусульман рассматривается как цивилизационное столкновение интересов, анализируются риски радикальной исламизации Бангладеш как ещё одного вызова для индийской цивилизации⁸.

¹ Алаев Л.Б. Историография истории Индии (2013). URL: <https://book.ivran.ru/f/polnyjtekst-alaev-istoriografiyaistoriiindii2013.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

² Ландау А. Краткая история Индии. М., 2020. – 576 с.

³ Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии. М.: Восточная литература, 2012. – 391 с.

⁴ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии (XX век) (2014). URL: <https://book.ivran.ru/f/istoriya-indii-20-.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М., 2014. – 343 с.

⁶ Зубжицки Дж. Краткая история Индии. М., 2023. – 304 с.

⁷ Китинов Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. М., 2019. – 368 с.

⁸ Котин И.Ю. Ислам в Индии, Пакистане и Бангладеш. СПб, 2019. – 216 с.

К этой же группе исследований относятся работы А.Д. Воскресенского и С.И. Лунёва⁹, О.А. Митрошенкова¹⁰. Выводы авторов позволяют систематизировать знания по истории религий, языков и кастовой системы страны, что необходимо для понимания проблем этнических и конфессиональных противоречий на современном этапе развития индийской государственности (включая регион Северо–Востока).

Вторая группа работ объединяет исследования направлений, связанных с конфессиональными и этническими проблемами. Специалистами в этой области являются такие учёные, как С.А. Горохов и Т.Т. Христов¹¹, Р.В. Дмитриев¹². В их исследованиях представлена актуальная теоретическая и статистическая база по истории религий¹³, а также динамика изменений этнических и конфессиональных параметров и показателей, влияющих на социально–экономическое развитие страны¹⁴. В работах В.И. Корнева¹⁵ и А.С. Разина¹⁶, Ф.И. Щербатского¹⁷ анализируется феномен религии и её влияние на формирование социальных отношений в обществе.

⁹ Воскресенский А.Д., Лунёв С.И. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально–политическое и экономическое развитие (2016). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-vozdeystviya-tsivilizatsionnyh-osobennostey-sverhkrupnyh-stran-na-sotsialno-politicheskoe-i-ekonomicheskoe/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁰ Митрошенков О.А. Культура и цивилизация (материалы лекции) // Журнал «Личность. Культура. Общество». 2000. Т. 2, вып. 2 (3).

¹¹ Горохов С.А., Христов Т.Т. Религии народов мира: учебное пособие. М., 2016. – 584 с.

¹² Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI века (2016). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-demografii-religioznyh-obshchin-indii-v-nachale-xxi-v/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).

¹³ Горохов С.А. География религиозно–общинных конфликтов в Индии. Дисс...к. г. н. М., 1999. – 196 с.

¹⁴ Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI века: мир, регион, страна (2017). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-dinamiki-chislennosti-hristianskogo-naseleniya-v-nachale-xxi-v-mir-region-strana/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁵ Корнев В.И. Феномен религии // Азия и Африка сегодня. 1994. № 1. С. 33–39.

¹⁶ Разин А.С. Специфика этноконфессионального фактора и формирование этноконфессиональных отношений (2010). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-etnokonfessionalnogo-faktora-i-formirovanie-etnokonfessionalnyh-otnosheniy> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁷ Щербатской Ф.И. Философское учение буддизма (лекция при открытии первой буддийской выставки в Петербурге 24.08.1919). URL:

В свою очередь, конфессиональные проблемы общества Индии рассматриваются в трудах Л.Р. Гордон–Полонской (ислам и индуизм)¹⁸, А.М. Родригеса¹⁹, Е.С. Юрловой²⁰, К.А. Меликовой (конфуцианство)²¹, И.Ю. Котина (ислам)²², Д.Б. Абрамова²³, Б.И. Ключева²⁴, М.К. Кудрявцева²⁵, Т.Л. Шаумян (индуизм)²⁶, Б.У. Китинова (буддизм)²⁷. В них анализируется эволюция религиозной и социально–политической мысли в странах Востока, раскрывается положение различных слоёв общества в Индии, степень их участия в политической жизни страны. Также там рассматриваются такие проблемы, как кастовость, что позволяет понять сложный спектр проблем и вызовов, связанных с темпами массовой христианизации региона (Нагаленд), переход из традиционной религии (индуизм) в мусульманство и буддизм.

Также были выделены исследования, рассматривающие этнические и этнографические особенности социальной и культурной организации местных народов. Это труды этнографа С.А. Маретиной²⁸ и её совместные проекты с И.Ю. Котиным²⁹ (авторы являются специалистами в области истории и

https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=1035 (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁸ Гордон–Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., 1963. – 326 с.

¹⁹ Родригес А.М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX – XX век): монография. М., 2011. – 224 с.

²⁰ Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике (2017). URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=9632> (дата обращения: 10.01.2022).

²¹ Меликова К.А. Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае (2014). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianstvo-i-vzaimootnosheniya-pokoleniy-v-drevnem-kitae/viewer> (дата обращения: 10.02.2022).

²² Котин И.Ю. Ислам в Индии, Пакистане и Бангладеш. СПб, 2019. – 216 с.

²³ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁴ Ключев Б.И. Политический индуизм // Дерево индуизма. 1999. С. 452–469.

²⁵ Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М., 1992. – 264 с.

²⁶ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

²⁷ Китинов Б.У. Буддизм и национализм в идентификационных процессах в Азии в конце XIX – начале XX веков (2022). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-i-natsionalizm-v-identifikatsionnyh-protsessah-v-azii-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov/viewer> (дата обращения: 10.02.2023).

²⁸ Маретина С.А. Этногенез и этническая история народов Южной Азии (Ассам, Мегхалая). М., 1994. С. 157–185.

²⁹ Котин И.Ю., Маретина С.А. Племена в Индии. СПб, 2011. – 150 с.

этнографии народов Индии). В работах представлены сведения о происхождении народов, общественном устройстве, культуре, религии, психологии, ритуалах и идентификации местных племён и народов, имеющих особый статус *scheduled tribes* / «зарегистрированные племена» и *adivasi* / «коренные жители».

В проекте И.П. Глушковой³⁰, исследованиях Г.М. Бонгард–Левина³¹ и К.З. Ашрафян³², а также Л.А. Баширова³³ рассматривается природа этнического и религиозного феномена, даются определения понятий «территория» и «принадлежность». В этом контексте существенный интерес представляет работа В.Л. Цымбурского, посвящённая созданию концепции «лимитрофных государств»³⁴.

Своеобразной представляется гипотеза финского политолога Тату Ванханена, который утверждает, что возникновение и эволюция этнических конфликтов в действительности не объясняется культурологическими, политическими или историческими причинами. По его мнению, корни этих конфликтов скрыты в таком специфическом явлении, как «этнический фаворитизм»³⁵. Автор в своей работе анализирует и проблемы, связанные с этногенезом и происхождением народов Индии.

³⁰ Глушкова И.П. Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее. Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. – 816 с.

³¹ Бонгард–Левин Г.М. Индия: этнолингвистическая история, политико–социальная структура, письменное наследие и культура древности. М., 2003. – 326 с.

³² Ашрафян К.З. Феодалное государство и город в средневековой Индии (XIII – начало XVIII веков) // Сборник «Государство в докапиталистических обществах Азии». С. 229–238. М., 1987. – 332 с.

³³ Баширов Л.А. Онтологическая природа этнического и религиозного феноменов (2011). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskaya-priroda-etnicheskogo-i-religioznogo-fenomenov/viewer/> (дата обращения 20.05.2023).

³⁴ Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями (1997). URL: http://www.intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 20.06.2023).

³⁵ Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М., 2014. – 287 с.

Вопросы, связанные с кастовостью, затрагиваются во многих исследованиях, поскольку варно–кастовая система – это краеугольный камень и фундаментальная основа для индийского общества, цементирующая его в более или менее единое целое³⁶. В этой связи существенный интерес представляют работы Е.С. Юрловой³⁷, Е.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева³⁸, которые способствуют пониманию закономерностей общественного развития Индии с учётом определённых кастовых установок и традиций.

Третья группа работ объединяет исследования внутригосударственных отношений «Индия – Северо–Восток» и направлена на изучение динамических характеристик сепаратистского противостояния: стадии, фазы, детерминанты конфликта. В работах С.А. Баранова³⁹, К.А. Лихачёва⁴⁰, Ф.А. Попова⁴¹, С.А. Михайлова⁴² сепаратизм рассматривается как целостное явление и процесс, имеющий свои свойства и причины возникновения, внутреннюю динамику, взаимосвязь с социально–политическими и этнокультурными процессами в стране. В монографии К.С. Гаджиева анализируются пути и перспективы преодоления фрагментарности отдельных территорий и решение других проблем, неизбежно возникающих в условиях сепаратистской деятельности⁴³.

³⁶ Лебедева В.В. Политизация кастовой системы в Индии в XX веке (2017). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politizatsiya-kastovoy-sistemy-v-indii-v-xx-v/viewer> (дата обращения: 05.05.2023).

³⁷ Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике (2017). URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=9632> (дата обращения: 10.01.2022).

³⁸ Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. – 351 с.

³⁹ Баранов С.А. Сепаратизм в Индии. М., 2003. – 238 с.

⁴⁰ Лихачёв К.А. Проблемы терроризма в Южной Азии в конце XX – начале XXI века (на примере Республики Индия и Исламской республики Пакистан). Дисс...к. и. н. СПб, 2010. – 300 с.

⁴¹ Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. Дисс...к. г. н. М., 2010. – 502 с.

⁴² Михайлов С.А. Проблемы современного общества и этнический сепаратизм в Северо–Восточной Индии // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. Т. 11. № 4. С. 315–328.

⁴³ Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2012. – 344 с.

В этом же ключе выстроены исследования Дж. О. Локлина, Сюнь Цао и Майкла Д. Уорда⁴⁴, а также О.И. Вендиной, В.С. Белозерова и Эндрю Густафсона⁴⁵, – учёных, изучающих процессы воздействия сепаратизма на общество как внутри, так и периметру границ. Они представляют особый географический взгляд и показывают влияние сепаратистских конфликтов на соседние регионы и демографическую ситуацию.

Связь сепаратизма с терроризмом, радикализмом и иными проявлениями криминальной деятельности рассмотрена в исследованиях В.В. Красинского и В.В. Машко⁴⁶, А.Ю. Яковлева⁴⁷, С.А. Михайлова⁴⁸.

В свою очередь, в исследованиях южноазиатских авторов (Санджой Хазарика⁴⁹, Кунал Гхош и Викас Кумар⁵⁰, К.С. Субраманиян⁵¹, Нандита Хаксар и Себастьян Хонгрей⁵², Амитабх Бхатушали⁵³ и Субхаджати Гхош⁵⁴) даётся динамика развития сепаратистских тенденций в Нагаленде, Ассаме, Трипуре и других штатах. Авторы анализируют политику федерального Центра с её проблемами и частым игнорированием потребностей местных

⁴⁴ Кристин Бакке, Сюнь Цао, Джон О Локлин, Майкл Д. Уорд. Социальная дистанция в Боснии и Герцеговине и Северо–Кавказском регионе России: межэтнические и внутриэтнические отношения и идентичности // *Нации и национализм*. 2009. Т. 15.

⁴⁵ Вендина О.И., Белозеров В.С., Густафсон Э. Войны в Чечне и их влияние на соседние регионы // *Евразийская география и экономика*. 2007. Т. 48. № 1.

⁴⁶ Красинский В.В., Машко В.В. Кто есть кто в международном терроризме: справочник. М., 2019. – 128 с.

⁴⁷ Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия. Дисс...д. п. н. М., 2016. – 327 с.

⁴⁸ Михайлов С.А. «Золотой треугольник сепаратизма» – проблемы релевантного взаимодействия стран региона // *Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история»*. 2022. Т. 14. № 2. С. 144–157.

⁴⁹ Sanjoy Hazarika. *Strangers of the Mist. Tales of War and Peace from India's North East*. New Delhi, 2011. – 387 p.

⁵⁰ Kunal Ghosh, Vikas Kumar. *Separatism in North-East India: role of language, religion and script*. New Delhi, 2008. – 268 p.

⁵¹ K.S. Subramanian. *State, policy and conflicts in Northeast India*. New Delhi, 2016. – 213 p.

⁵² Nandita Haksar, Sebastian M. Hongray. *Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers*. New Delhi, 2019. – 454 p.

⁵³ Amitabh Bhatushali. Mizorame keno uthce “Biday Bharot, shagoto Chin?” (2019) [Почему в Мизораме возник лозунг: «Прощай, Индия, да здравствует Китай»? (2019)]. URL: <https://www.bbc.com/bengali/news-47058551> (дата обращения 20.07.2022).

⁵⁴ Subhajati Ghosh. Chotogramer dorja khulce, ki labh Uttor–Purbo Bharoter? (2019) [Ворота Читтагонга открываются, какую выгоду это принесёт Северо–Восточной Индии? (2019)]. URL: <https://www.bbc.com/bengali/news-45563864> (дата обращения: 10.07.2022).

племён. Также там анализируется деятельность радикалов из NSCN / National Socialist Council of Nagaland, ULFA / United Liberation Front of Assam, PLAM / People's Liberation Army of Manipur и ряда других группировок. Сепаратистская активность рассматривается и через призму массовой христианизации, затрудняющей процессы консолидации общества посредством манипулирования общественным сознанием.

Четвёртая группа работ объединила литературу по проблемам эволюции политической системы Индии, которая имеет длительную самостоятельную историю самоуправления. Об этом пишут И.М. Бусыгина, И.Ю. Окунев⁵⁵, Д.Б. Абрамов⁵⁶, Л.Р. Гордон–Полонская⁵⁷ и Н.Р. Микаэлян⁵⁸. Они объясняют причины исламского, буддийского и христианского прозелитизма тем, что политическая культура и её эволюция имеет тесные связи с религиозной историей. Экономический анализ, социальная политика правительства Индии, направленная на снижение уровня сепаратистской активности в регионе, рассматривается индийскими авторами

⁵⁵ Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. – 351 с.

⁵⁶ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

⁵⁷ Гордон–Полонская Л.Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Б.И. Ключева и А.Д. Литмана). М., 1991. – 207 с.

⁵⁸ Микаэлян Н.Р. Некоторые особенности перехода в ислам «неприкасаемых» Индии (конец XIX–XX век) // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Б.И. Ключева и А.Д. Литмана). М., 1991. – 207 с.

С.К. Дасом⁵⁹ и Хемантом Сингхом⁶⁰. В работах С.И. Лунёва⁶¹, Н.В. Галищевой⁶², Д.В. Стрельцова⁶³ дана оценка застарелым социальным проблемам, таким как бедность и социальная дифференциация в обществе. В свою очередь, анализ взаимосвязи между экономическими достижениями и увеличением количества социальных протестов (на примере стран современного Востока, России и других) представлен в работах И.А. Васькина, А.В. Коротаева и С.В. Циреля⁶⁴, И.А. Медведева⁶⁵, Н.В. Латовой⁶⁶.

⁵⁹ С.К. Das. Sustainable development in North–Eastern India. (India Water Portal). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable–development–and–eastern–india> (дата обращения: 20.09.2022).

⁶⁰ Hemant Singh: Bharat ke sat Uttar–Purvi rajya: ek nazar me (2016). [Хемант Сингх. Семь сестёр Северо–Восточной Индии: обзор (2016)]. URL: <https://www.jagranjosh.com/general-knowledge/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A4%E0%A4%95%E0%A5%87%E0%A4%B8%E0%A4%BE%E0%A4%A4%E0%A4%89%E0%A4%A4%E0%A5%8D%E0%A4%A4%E0%A4%B0%E0%A4%AA%E0%A5%82%E0%A4%B0%E0%A5%8D%E0%A4%B5%E0%A5%80%E0%A4%B0%E0%A4%BE%E0%A4%9C%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%B8%E0%A5%87%E0%A4%B5%E0%A4%A8%E0%A4%B8%E0%A4%BF%E0%A4%B8%E0%A5%8D%E0%A4%9F%E0%A4%B0%E0%A5%8D%E0%A4%B8%E0%A4%8F%E0%A4%95%E0%A4%A8%E0%A4%9C%E0%A4%BC%E0%A4%B0%E0%A4%AE%E0%A5%87%E0%A4%82-1452588389-2> (дата обращения: 20.09.2022).

⁶¹ Лунёв С.И. Социальные протесты в Индии (2015). URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2864/2341?locale=ru_RU (дата обращения 20.02.2023).

⁶² Галищева Н.В. Проблема бедности и пути её решения в современной Индии в условиях либеральных реформ (2021). URL: https://mirec.mgimo.ru/2021/2021–02/india–poverty–problem?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения 20.02.2023).

⁶³ Социальный протест на современном Востоке / Под редакцией Стрельцова Д.В. (2016). URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bdf/socialnyj–protest–na–sovremennom–vostoke.pdf> (дата обращения 10.01.2023).

⁶⁴ Васькин И.А., Коротаев А.В, Цирель С.В. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа (2018). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii–rost–obrazovanie–i–terrorizm–opyt–kolichestvennogo–analiza/viewer> (дата обращения 10.05.2023).

⁶⁵ Медведев И.А. Молодёжь и «цветные революции»: тенденции взаимодействия в современном обществе (2019). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh–i–tsvetnye–revolyutsii–tendentsii–vzaimodeystviya–v–sovremennom–obschestve/viewer> (дата обращения 10.05.2023).

⁶⁶ Латова Н.В. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России (2021). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie–obrazovaniya–na–politicheskoe–uchastie–i–zapros–na–peremeny–v–sovremennoy–rossii/viewer> (дата обращения 10.05.2023).

Особую важность представляет монография Г.В. Сдасюк «Новая Индия: География развития: достижения, проблемы, перспективы»⁶⁷, оказавшая большую практическую помощь в создании диссертационного исследования. В ней рассмотрены основные параметры развития Индии в последние десятилетия, а также представлена большая статистическая база данных.

Пятая группа работ включает в себя исследования по вопросам геополитики, комплексный анализ особенностей различных регионов и стран мира, включая Индию⁶⁸. В них анализируются межгосударственные отношения между странами региона, где ключевыми являются контакты Индии и Китая. Информация позволяет составить полноценную картину взаимоотношений пограничных государств, рассматриваемых через призму геостратегических интересов сторон. Центром выстраиваемой системы взаимодействия пограничных государств является Индия. Бертил Линтнер⁶⁹, Беренис Гюйо–Решар⁷⁰ акцентируют внимание на значительном конфликтном потенциале, который обостряется в условиях общемирового процесса глокализации (одновременное развитие глобализации и локализации). В этом контексте существенный интерес представляют труды В.Я. Белокреницкого, В.Н. Москаленко и Т.Л. Шаумян⁷¹, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева⁷², С.В.

⁶⁷ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. – 520 с.

⁶⁸ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. – 512 с.

⁶⁹ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. – 352 p.

⁷⁰ Berenice Gyuot–Rechard. Shadow States. India, China and Himalayas, 1910–1962. New Delhi, 2017. – 321 p.

⁷¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. – 368 с.

⁷² Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М., 2016. – 496 с.

Уянаева⁷³, Н.Б. Лебедевой⁷⁴, А.Г. Володина⁷⁵, А.Ю. Яковлева⁷⁶, Г.И. Чуфрина⁷⁷, А.Л. Лукина⁷⁸.

В работах Румки Басу⁷⁹, Раджива Бхаттачарьи⁸⁰, Анвеша Датты⁸¹ анализируется эволюция сепаратистских движений региона и их слияние с криминальным миром ОПГ. Эти исследования интересны в первую очередь как мемуарная документальная беллетристика, как реальная картина событий глазами непосредственных участников. Исследования достаточно объективно отражают взгляд «изнутри» на ситуацию с радикализмом, тем не менее, они требуют сопоставления с целью получения более объективной картины.

Важным аспектом является конфликтное взаимодействие Индии и Китая, столкновение их глобальных геостратегических интересов. В данную зону включены такие страны, как Бангладеш, Бутан и Мьянма. Чтобы регион смог стать интеграционным сообществом, объединённым решением общих задач, необходимо находить способы международно-правового регулирования спорных вопросов. Они представлены в исследовании П.У.

⁷³ Уянаев С.В. 30 лет китайско-индийской нормализации: «возврат на перекресток» или верность сотрудничеству и доброседству? (2018). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/30-let-kitaysko-indiyskoy-normalizatsii-vozvrat-na-perekrestok-ili-vernost-sotrudnichestvu-i-dobrososedstvu/viewer> (дата обращения: 20.06.2022).

⁷⁴ Лебедева Н.Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП и индийские проекты Mausam, Spice Road, Sagar Mala и Cotton Routes (2015). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-initsiativy-epshp-i-mshp-vs-indiyskie-proekty-mausam-spice-road-sagar-mala-i-cotton-routes/viewer> (дата обращения: 20.06.2022).

⁷⁵ Володин А.Г. Индия в мире регионализации (2017). URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/48/48?locale=ru_RU (дата обращения: 20.06.2022).

⁷⁶ Яковлев А.Ю. Проблемы построения системы региональной безопасности в Южной Азии (2013). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-postroeniya-sistemy-regionalnoy-bezopasnosti-v-yuzhnoy-azii> (дата обращения: 20.06.2022).

⁷⁷ Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. – 324 с.

⁷⁸ Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия (2011). С. 8–11. URL: <https://cloud.mail.ru/attaches/17491228151467909845%3B0%3B1?folder-id=0&x-email=24rotweiss48%40mail.ru&cvg=f> (дата обращения: 20.10.2023).

⁷⁹ Rumki Basu. International Politics. Concepts, Theories and Issues. New Delhi, 2012. – 440 p.

⁸⁰ Rajiv Bhattacharya. Why has China given shelter to a rebel leader from India's North East? (2020). URL: <https://thediplomat.com/2020/02/why-has-china-given-shelter-to-a-rebel-leader-from-indias-northeast/> (дата обращения: 20.06.2022).

⁸¹ Anwasha Dutta. Conflict, conservation, and cooperation across the India-Bhutan border (2020). URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/06/22/sambandh-blog-conflict-conservation-and-cooperation-across-the-india-bhutan-border/> (дата обращения: 20.06.2022).

Маккамбаева (на примере СНГ, ЕАЭС)⁸², а также в рамках концепции секьюритизации и ТКРБ (Теория комплексов региональной безопасности) О. Вэвера и Б. Бузана, в том числе в отношении ВА, ЮА и ЮВА⁸³. В свою очередь, А.В. Куприянов рассматривает взаимоотношения Индии и КНР в рамках эволюции индийской концепции Индо–Тихоокеанского региона⁸⁴.

В работах Н.А. Листопадова⁸⁵, Н.Н. Емельяновой⁸⁶ и А.В. Бочковской⁸⁷ изложены особенности взаимоотношений стран с более чем тысячелетней историей взаимодействия; партнёрство Индии и Мьянмы, их совместные усилия по противодействию сепаратизму анализируются в статьях Брахмы Челани⁸⁸ и Брахмадипа Алуная⁸⁹. В частности, авторы оценивают предпринимаемые Индией, Бангладеш, Мьянмой и Бутаном меры противодействия в условиях расширения зоны деятельности сепаратистских движений Северо–Востока и слиянием интересов экстремистов.

⁸² Маккамбаев П.У. Международно–правовое регулирование пограничной безопасности интеграционных сообществ: на примере опыта СНГ, Союзного государства, ЕАЭС и ЕС (2019). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-pogranichnoy-bezopasnosti-integratsionnyh-soobschestvna-primere-opyta-sng-soyuznogo/viewer> (дата обращения: 20.05.2023).

⁸³ Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия (2011). С. 7–20. URL: <https://cloud.mail.ru/attaches/17491228151467909845%3B0%3B1?folder-id=0&x-email=24rotweiss48%40mail.ru&cvq=f> (дата обращения: 20.10.2023).

⁸⁴ Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой (2020). URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2020/14-KUPRIYANOV.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

⁸⁵ Листопадов Н.А. Проблемы отношений между Мьянмой и Индией: история и современность. М., 1995. – 100 с.

⁸⁶ Емельянова Н.Н. Благодный гегемон: «мягкая сила» во внешней политике Индии. М., 2018. – 192 с.

⁸⁷ Бочковская А.В. Контурь границ и пограничья. Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. – 816 с.

⁸⁸ Brahma Chelani. Sharanarathi nahin avodh pravasi hen rohingya (2017) [Брахма Челани. Рохинджа – это не беженцы, а нелегальные мигранты (2017)]. URL: <https://www.jagran.com/editorial/apnibaat-rohingyas-are-not-refugees-illegal-immigrants-16818707.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁸⁹ Brahmadeep Alunay. Bharat–Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (2018) [Брахмадип Алунай. Для разрушения отношений между Индией и Мьянмой осуществляется геноцид индуистов в Мьянме (2018)]. URL: <https://www.jagran.com/news/national-india-myanmar-relation-and-mass-killing-of-hindus-jagran-special-18083469.html> (дата обращения: 20.06.2022).

В работах А.Ю. Яковлева и А.В. Володина⁹⁰, Г.А. Ивашенцова⁹¹, С.А. Михайлова⁹² анализируются причины, препятствующие созданию максимально эффективного альянса стран Южной Азии для решения проблем сепаратизма. Также там рассматриваются теоретические основы и положения сепаратизма и терроризма как социально–политического явления.

Проблемами взаимоотношений Индии и Китая, включая обеспечение региональной безопасности, ядерное вооружение, гуманитарные аспекты, вопросы морских территорий и влияния в Индийском океане и Бенгальском заливе, занимались Харш В. Пант⁹³, Ким Юн Чан⁹⁴, Паршотам Мехра⁹⁵, Прабодх Чандра Багчи⁹⁶, Джанг Ли⁹⁷. Анализ влияния третьих сторон на отношения государств представлен в работах Эндрю Смолла⁹⁸, Кэтрин Жаке⁹⁹ и Сарфраз Мирзы¹⁰⁰.

В коллективной монографии Бенджамин Элмана и Шэлдон Поллок рассмотрены ранние культурные связи двух народов (литература, религия, философия). Там обоснована концепция влияния культурного фундамента, исторических корней на создание альянса для формирования Нового мирового

⁹⁰ Володин А.Г. Индия в мире регионализации (2017). URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/48/48?locale=ru_RU (дата обращения: 20.06.2022).

⁹¹ Ивашенцов Г.А. Мьянманская спираль (2021). URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2522> (дата обращения: 20.05.2023).

⁹² Михайлов С.А. Военный и информационно–психологический аспект войны в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2025. Т. 17. № 2. С. 187–200.

⁹³ Harsh V. Pant. The China Syndrome: Grappling with an Uneasy Relationship. New Delhi, 2010. – 186 p.

⁹⁴ Kim Young Chan. China–India Relations: Geopolitical Competition, Economic Cooperation, Cultural Exchange and Business Ties. Springer, 2020. – 239 p.

⁹⁵ Parshotam Mehra. Essays in Frontier History: India, China and the Disputed Border. New Delhi, 2007. – 206 p.

⁹⁶ Prabodh Chandra Bagchi. India and China: Interactions through Buddhism and Diplomacy: Collection of Essays. New Delhi, 2011. – 255 p.

⁹⁷ Zhang Li. China–Indian Relations: Strategic Engagement and Challenges. IFRI, 2010. – 37 p.

⁹⁸ Andrew Small. China–Pakistan Axis. Asia's New Geopolitics. Oxford University Press, 2015. – 338 p.

⁹⁹ Kathryn Jacques. Bangladesh, India and Pakistan International Relations and Regional Tensions in South Asia. Macmillan Press Ltd, 2000. – 247 p.

¹⁰⁰ Sarfraz Mirza. Pakistan–India Relations: Chronology (1947–2008). Lahore, 2010. – 862 p.

порядка (НМП)¹⁰¹. Также представляют интерес работы Ма Ина, У Юньняня и Чжао Ганьчэна¹⁰², а также Лю Дэбиня¹⁰³, Сунь Шихая¹⁰⁴, Сюэ Кэцяо¹⁰⁵, Ма Цзяли¹⁰⁶ и Чжана Миньцю¹⁰⁷, в них авторы освещают проблемы внешнеполитического сотрудничества Индии, КНР и стран Южной Азии.

Основная часть диссертационных работ по региону датирована концом XX – началом XXI века. В них освещаются проблемы сепаратизма в целом, а также затрагиваются политические, конфессиональные, этнические проблемы, юридические и политические аспекты. Значимым исследованием по этой тематике является диссертация С.А. Баранова «Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии»¹⁰⁸. Автор рассматривал пути и методы противодействия сепаратистам (от военных до политических) со стороны индийского федерального правительства. В работе была дана прогностическая оценка перспективам сохранения государственности Индии в рамках единого пространства и опасности распада страны с отделением регионов Северо–Востока.

В данном исследовании также использовались диссертации других российских учёных и специалистов с целью теоретического и практического анализа исследуемой темы. Их можно распределить в следующем порядке:

– Диссертационные исследования, рассматривающие религиозно–общинные конфликты, анализирующие причины местного сепаратизма, такие

¹⁰¹ Benjamin Elman, Shaldon Pollock. What China and India Once Were. The Past that May Shape the Global Future. Columbia University Press, 2018. – 365 p.

¹⁰² Ма Ин, У Юньнянь, Чжао Ганьчэн. Новые рассуждения о дипломатии Индии в XXI веке (пер. с китайского). Шанхай, 2004. – 350 с.

¹⁰³ Лю Дэбинь. Индия – большое развитие «большого слона» (пер. с китайского). Чанчунь, 2010. – 182 с.

¹⁰⁴ Сунь Шихай. Развитие Индии и её внешняя стратегия (пер. с китайского). Пекин, 2000. – 290 с.

¹⁰⁵ Сюэ Кэцяо. История культурного обмена между Китаем и Индией (пер. с китайского). Пекин, 2010. – 229 с.

¹⁰⁶ Ма Цзяли. Внимание на Индию: становление державы (пер. с китайского). Тяньцзинь, 2002. – 235 с.

¹⁰⁷ Чжан Миньцю. Исследование индийско–китайских отношений (1947–2003) (пер. с китайского). Пекин, 2004. – 387 с.

¹⁰⁸ Баранов С.А. Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии. Дисс...к. и. н. М., 2001. – 378 с.

как рост коммунизма, бедность, ошибки центрального и региональных правительств в отношении экономического, религиозного статуса этих территорий, а также рост населения, представляющего религиозные меньшинства. Это работы учёного–этнографа и религиоведа С.А. Горохова «География религиозно–общинных конфликтов в Индии»¹⁰⁹ и П.В. Топычканова «Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI века»¹¹⁰. В них представлен анализ причин религиозной дифференциации и радикализма местного общества;

– Среди релевантных диссертационных работ за период с 2014 года следует отметить исследование А.Ю. Яковлева «Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия». Интерес представляет анализ террористической активности в регионе в 2003–2015 годах, а также нормативная база индийского правительства по противодействию радикализму. Автор предполагал, что проблемы сепаратизма в Индии, в частности, на Северо–Востоке, не могут быть решены в ближайшее время¹¹¹;

– К.А. Лихачёвым в работе «Проблемы терроризма в Южной Азии в конце XX – начале XXI века (на примере Республики Индия и Исламской Республики Пакистан)» анализируются основные виды терроризма, особенности их эволюции с учётом событий, происходивших в Индии и Пакистане в конце XX – начале XXI века. Автор утверждал, что этнический сепаратизм является характерной особенностью региона, народы которого пытаются вооружённым путём сохранить свои права и идентичность¹¹²;

¹⁰⁹ Горохов С.А. География религиозно–общинных конфликтов в Индии. Дисс...к. г. н. М., 1999. – 196 с.

¹¹⁰ Топычканов П.В. Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI века: на примере Индии и Пакистана. Дисс...к. и. н. М., 2009. – 305 с.

¹¹¹ Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия. Дисс...д. п. н. М., 2016. – 327 с.

¹¹² Лихачёв К.А. Проблемы терроризма в Южной Азии в конце XX – начале XXI века (на примере Республики Индия и Исламской республики Пакистан). Дисс...к. и. н. СПб, 2010. – 300 с.

– В диссертации Ф.А. Попова «География сецессионизма в современном мире» был рассмотрен малоизученный феномен сепаратизма и его последствий. Автор связывал появление разветвлённой системы наркотрафика, терроризма в регионе с деятельностью сепаратистских группировок в регионе. Выделен особый тип сепаратизма (южноазиатский) с его характерными особенностями¹¹³;

– Правовые вопросы силового регулирования деятельности сепаратистских движений представлены в исследовании Е.Н. Ходатенко «История правового регулирования борьбы с терроризмом в Индии (1947–2004): теория, практика, региональный опыт». Автор анализирует опыт борьбы индийского государства с радикальными движениями (включая Северо–Восток), механизмы индийского территориального законодательства и практика его применения с 1947 по 2004 годы¹¹⁴;

– Отношения Индии и КНР на современном этапе, территориальные разногласия и процесс создания мер доверия в районе границы, роль региональных объединений и анализ факторов региональной интеграции рассмотрены в диссертации Э. Ш. Аликберова «Взаимоотношения Китая и Индии на рубеже XX – начала XXI века: сотрудничество и конкуренция»¹¹⁵. Взаимоотношения двух стран также исследуются в работах К.А. Ефремовой¹¹⁶, О.А. Хариной¹¹⁷ и К.А. Ананьиной¹¹⁸.

– Вопросы межгосударственных отношений Индии и КНР представлены в диссертации Чжун Жуя «Тибетский фактор в китайско–индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI века». В работе

¹¹³ Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. Дисс...к. г. н. М., 2010. 502 с.

¹¹⁴ Ходатенко Е.Н. История правового регулирования борьбы с терроризмом в Индии (1947–2004): теория, практика, региональный опыт. Дисс...д. ю. н. Владимир, 2011. – 394 с.

¹¹⁵ Аликберов Э. Ш. Взаимоотношения Китая и Индии на рубеже XX – начала XXI века: сотрудничество и конкуренция». Дисс...к. и. н. Казань, 2022. – 263 с.

¹¹⁶ Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений на примере Китая, Индии и Мьянмы. Дисс...к. п. н. М., 2004. – 223 с.

¹¹⁷ Харина О.А. Конфликтная составляющая отношений в треугольнике «Пакистан – Индия – Китай». Дисс...к. п. н. М., 2018. – 232 с.

¹¹⁸ Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско–американские отношения в современной мировой политике. Дисс...к. п. н. М., 2019. – 293 с.

анализируются причины проблематичных взаимоотношений между Индией и Китаем, связанных с неурегулированными противоречиями по спорным территориям, индийским штатом Аруначал-Прадеш или китайским «Южным Тибетом»¹¹⁹; в свою очередь, в работе Чэнь Чжихао обоснованы тенденции к взаимной взвешенной политике и стремлению урегулировать проблемы, необходимости сотрудничества на региональном и глобальном уровне¹²⁰.

Объект исследования – сепаратизм в Северо-Восточной Индии.

Предмет исследования – причинно-следственные связи, формы, проявления, динамика и последствия, методы ликвидации и ослабления сепаратизма в Северо-Восточной Индии в 1998–2021 годах.

Цель диссертационного исследования – выявление характера и особенностей развития сепаратизма в Северо-Восточной Индии и его влияния на систему региональной безопасности в регионе.

Для достижения цели диссертационного исследования были поставлены следующие **задачи**:

- выявить факторы, влияющие на эскалацию / деэскалацию внутреннего конфликта на различных исторических этапах взаимодействия индийского государства и его региона;

- проследить историю сепаратистских движений на Северо-Востоке, определить и обобщить мотивацию и политические запросы лидеров сепаратистских движений на современном этапе;

- определить перспективные направления внутренней политики Индии в отношении Северо-Востока (финансирование, социальные программы, коммуникации и так далее), способные минимизировать негативные последствия сепаратизма в контексте его влияния на регион;

- изучить и обобщить хронологию и уровень влияния внешних факторов на отношения в рамках системы «Индия – Северо-Восток»;

¹¹⁹ Чжун Жуй. Тибетский фактор в китайско-индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI века. Дисс...к. и. н. М., 2016. – 294 с.

¹²⁰ Чэнь Чжихао. Китайско-индийские отношения конца XX – начала XXI века. Дисс...к. и. н. М., 2015. – 200 с.

- определить транснациональный характер сепаратизма на Северо–Востоке и уровень исходящих от него угроз для региона Южной, Юго–Восточной и Восточной Азии;
- установить перспективные направления внешней политики Индии, способные минимизировать негативные последствия сепаратизма в контексте его влияния на регион;
- предложить механизм действий, направленный на решение региональных проблем безопасности.

Хронологические рамки исследования. Основной период исследования охватывает временной промежуток с 1998 года (приход к власти в Индии премьер–министра А. Б. Ваджпаи) по 2021 год включительно. Временной период с 1947 по 1998 годы упоминается в контексте исследования в качестве определения круга исторических событий, предпосылок возникновения и активизации сепаратистских движений в регионе. Определение верхних границ исследования (2021 год) обусловлено качественными изменениями в динамике искоренения местных радикальных движений и масштабных арестах его лидеров в период 2016–2021 годов. В целом можно сказать, что за это время правительство Н. Моди практически полностью подавило сопротивление ведущих повстанческих группировок.

Источниковая база исследования. *К первой группе источников* относятся различные официальные ресурсы ООН, координирующие деятельность мирового сообщества в выработке общих стратегических подходов к борьбе с терроризмом (Декларация от января 2003 года по вопросу о борьбе с терроризмом; Глобальная контртеррористическая стратегия 2006 года, резолюции Совета Безопасности ООН, Международные конвенции)¹²¹. В свою очередь, правовая база BRICS представлена Стратегией по борьбе с терроризмом (2006) как основой для сотрудничества¹²². Шанхайская

¹²¹ Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 05.05.2024).

¹²² Официальный сайт (портал) BRICS. URL: <https://infobrics.org/ru/> (дата обращения: 05.05.2024).

организация сотрудничества (ШОС) также имеет собственную конвенцию, направленную на борьбу с сепаратизмом и экстремизмом с учётом региональных особенностей и приоритетов (Шанхайская Конвенция 2001 года о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом)¹²³. В процессе работы был переведён и систематизирован большой объём информации индийских, бангладешских и иных официальных СМИ других стран (на английском и национальных языках региона).

Вторая группа источников включает в себя нормативные акты, исполнительные документы, соглашения, выступления, официальные документы, включающие в себя Конституцию Индии, гарантирующую территориальную целостность и суверенитет страны и объявляющую незаконными любые действия, направленные на их отделение или подрыв¹²⁴; кроме того, в Уголовном кодексе Индии (1860) существуют соответствующие положения и уголовные наказания в контексте подготовки заговоров, мятежей и других тяжких преступлений против государства¹²⁵;

К третьей группе источников относятся различные законы: «Об особых полномочиях вооружённых сил» (1958), в рамках которого пограничные и регулярные войска Индии получают особые полномочия и возможность действовать по своему усмотрению в борьбе с сепаратистами и террористами¹²⁶; «О противодействии «незаконной деятельности» (1967), где даётся определение сепаратизма и терроризма, а также объявляется о мерах наказания за совершение подобных преступных действий¹²⁷; «О пограничных силах безопасности» (1968), предоставляющий пограничным войскам особые

¹²³ Официальный сайт ШОС. URL: <https://rus.sectscsco.org/> (дата обращения: 05.05.2024).

¹²⁴ Конституция Индии. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI...pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

¹²⁵ Уголовный кодекс Индии (1860). URL: <https://www.indiacode.nic.in/repealedfileopen?rfilename=A1860-45.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

¹²⁶ Закон «Об особых полномочиях вооружённых сил» (1958). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/armed_forces_special_powers_act1958.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

¹²⁷ Закон «О противодействии «незаконной деятельности» (1967). URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/A1967-37.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

полномочия для противодействия радикалам¹²⁸; «О национальной безопасности» (1980), позволяющий властям задерживать лиц, подозреваемых в возможных действиях против национальной безопасности Индии, на срок до года без предъявления конкретных обвинений¹²⁹; «Об Индо–тибетской пограничной полиции» (1992), предусматривающий создание подобной структуры и возлагающий на неё ответственность и полномочия для обеспечения безопасности в пограничном регионе Тибета»¹³⁰; «Об ассамских стрелках» (2006), предоставляющий пограничным войскам (включая штат Ассам и ряд других штатов Северо–Востока) особые полномочия для противодействия радикалам¹³¹ и другие;

Четвёртая группа источников включает соглашения федерального правительства с властями штатов и сепаратистскими группировками, которые предусматривают бессрочное или временное прекращение противоправных действий со стороны радикалов¹³²; правовые акты штатов Индии, представленные в статье А.Ю. Яковлева «Правовое обеспечение противодействия терроризму в Индии (2014)», раскрывают информацию об индийской антитеррористической правовой базе, а также распределении полномочий по борьбе с радикалами между Центром и штатами¹³³;

¹²⁸ Закон «О пограничных силах безопасности» (1968). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/bsfAct%26Rules_0.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

¹²⁹ Закон «О национальной безопасности» (1980). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/2022-08/ISdivII_NSAAct1980_20122018%5B1%5D.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

¹³⁰ Закон «Об Индо–тибетской пограничной полиции» (1992). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/2023-01/ITBP-Act1992_0%5B1%5D_1%5B1%5D.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

¹³¹ Закон «Об ассамских стрелках» (2006). URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2037/1/2006___47.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

¹³² Министерство внутренних дел Индии. URL: [NE_Major_Achievements_14032022E\[1\].PDF](https://www.mha.gov.in/sites/default/files/NE_Major_Achievements_14032022E[1].PDF) (mha.gov.in) (дата обращения: 20.09.2023).

¹³³ Яковлев А.Ю. Правовое обеспечение противодействия терроризму в Индии (2014). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-protivodeystviya-terrorizmu-v-indii/viewer> (дата обращения: 05.05.2023).

Пятая группа источников – это договоры и соглашения стран Южной, Юго–Восточной и Восточной Азии в области противодействия сепаратизму и терроризму, такие как Соглашение между Индией и Бутаном о дружбе и сотрудничестве (2007), предусматривающее в том числе объединение усилий стран по борьбе с нелегальной и преступной деятельностью по обе стороны границы¹³⁴; Соглашение между Индией и Бангладеш о борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью и незаконным наркотрафиком (2010), заложившее основу для тесного сотрудничества между правоохранительными органами двух стран¹³⁵; Меморандум Индии и Бангладеш о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере безопасности (2011), предусматривающий обмен информацией и координацию усилий в данной области¹³⁶; Соглашение между Индией и Бангладеш об экстрадиции (2013), упростившее процесс выдачи подозреваемых в терроризме и других серьёзных преступлениях¹³⁷; Меморандум Индии и Мьянмы о взаимопонимании по пограничному сотрудничеству (2014), предусматривающий совместный контроль границы, обмен разведывательной информацией и предотвращение проникновения боевиков и террористов¹³⁸;

¹³⁴ Соглашение между Индией и Бутаном о дружбе и сотрудничестве (2007). URL: <https://www.mea.gov.in/images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

¹³⁵ Соглашение между Индией и Бангладеш о борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью и незаконным наркотрафиком (2010). URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/BG10B0066.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

¹³⁶ Меморандум Индии и Бангладеш о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере безопасности (2011). URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5218/Framework+Agreement+on+Cooperation+for+Development+between+India+and+Bangladesh#:~:text=To%20cooperate%20on%20security%20issues,activities%20harmful%20to%20the%20other.&text=To%20establish%20a%20Joint%20Consultative,shall%20meet%20once%20a%20year.&text=The%20Agreement%20may%20be%20amended,regional%20/%20sub%2Dregional%20expansion.&text=This%20Agreement%20shall%20come%20into,two%20originals%20in%20English%20Language>. (дата обращения: 15.05.2023).

¹³⁷ Соглашение между Индией и Бангладеш об экстрадиции (2013). URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/BG13B1143.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

¹³⁸ Меморандум Индии и Мьянмы о взаимопонимании по пограничному сотрудничеству (2014). URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/23315/India+and+Myanmar+sign+Memorandum+of+Understanding+on+Border+Cooperation> (дата обращения: 20.05.2023).

Меморандум Индии и Мьянмы о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере обороны (2019), предусматривающий проведение совместных учений против радикалов и террористов, а также обмен информацией о преступной деятельности последних¹³⁹. Кроме того, данные по этой теме представлены в работе Румки Басу «Международная политика. Концепции, теории и аспекты» (2014)¹⁴⁰;

Шестая группа источников – это обзорные и аналитические данные министерств и ведомств Индии, такие как Министерство развития Северо–Восточной Индии¹⁴¹, Министерство внутренних дел Индии¹⁴², Министерство здравоохранения и поддержки семьи Индии¹⁴³ и так далее. Также к числу источников относятся Планы регионального развития Совета Северо–Восточной Индии¹⁴⁴ – исполнительные документы, дающие представление о конкретных поручениях и выполнении поставленных задач; официальные аналитические записки МВД; отчёты о встречах чиновников с представителями населения региона; аналитическая периодика. Эти материалы позволяют проследить процессы взаимодействия индийского государства и сепаратистов Северо–Востока (начиная с 1947 года). Информация позволяет объективно оценивать достоверность событий, имеющих место в прошлом и настоящем. К этой же группе относятся документы, аналитические исследования и обзоры, публикуемые на

¹³⁹ Меморандум Индии и Мьянмы о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере обороны (2019). URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1580637> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁴⁰ Rumki Basu. International Politics. Concepts, Theories and Issues (2014). URL: <https://angkorpolitik.files.wordpress.com/2014/12/international-politics-concepts-theories-and-issues-basu-rumki.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁴¹ План регионального развития Совета Северо–Восточной Индии (2017/18 – 2019/20). Департамент планирования штата Мегхалая. URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017-18%20to%202019-20.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁴² Министерство внутренних дел Индии. URL: <https://www.mha.gov.in/> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁴³ Министерство здравоохранения и поддержки семьи Индии. URL: <https://mohfw.gov.in> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁴⁴ Министерство развития Северо–Восточной Индии. URL: <https://pib.gov.in> (дата обращения: 05.05.2023).

официальных сайтах государственных органов, а также данные официальной переписи Индии от 2011 года¹⁴⁵. Кроме того, представлены публичные выступления индийских политических лидеров – Джавахарлала Неру в период с сентября 1946 по май 1949 года¹⁴⁶, статьи, выступления и интервью Индиры Ганди в 1967 году¹⁴⁷, а также выступления и интервью Нарендры Моди¹⁴⁸, отражающие их позицию в рамках реализации стратегии развития страны и решении проблем, связанных с сепаратизмом отдельных регионов.

Методологическая основа исследования. При написании работы автор, основываясь на принципах научной объективности и историзма, использовал такие методы исследования, как *структурный, системный, исторический, религиоведческий и политологический*. В основе исследования лежат принципы *общенаучного системного анализа*, в соответствии с которыми сепаратизм рассматривается как целостное явление, идеология или движение, основанное на стремлении к отделению одной части государства от целого, разновидность национализма и национальных движений¹⁴⁹.

Сепаратизм имеет свои свойства и причины возникновения, внутреннюю динамику, контекст развития, взаимосвязь с социально–политическими и этнокультурными процессами в стране, а также перспективы перехода в качественно новое состояние. *Структурный метод* позволяет оценить сущность процессов, способствует целостному представлению об объекте исследования, которым является сепаратизм в регионе.

Системный анализ позволяет создать объективную картину взаимосвязанных исторических процессов, обусловленных сепаратизмом в

¹⁴⁵ Данные переписи населения Индии 2011 года. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁴⁶ Неру Дж. (сентябрь 1946 – май 1949 гг.). Министерство информации и телерадиовещания Индии. Нью–Дели, 1967.

¹⁴⁷ Ганди И. Зло коммунизма: заявления в Народной палате 22.12.1967. Статьи, речи, интервью. Перевод с английского Н.В. Алиповой, Г.А. Прибегина. М., 1975.

¹⁴⁸ Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике (2017). URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=9632> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁴⁹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. – 480 с.

регионе, выявить спектр политических, экономических, социокультурных противоречий, прийти к выводу, что на возникновение местного сепаратизма повлиял ряд объективных причин, связанных с кризисными процессами общественного развития Индии начиная с 1947 года, дать оценку программе действий правительства страны, направленной на искоренение радикализма.

При разработке и обосновании положений диссертации был использован *сравнительно–исторический метод* с целью выявления этапов эволюции сепаратизма в регионе и его основных характеристик. Он позволил провести параллели между прошлым и настоящим, определить причинно–следственные связи событий, происходящих сегодня. Этот метод предполагает критическое изучение источников (государственные акты и материалы официальных источников, таких как МВД, МИД, других министерств и ведомств Индии).

В свою очередь, работы Ф. Броделя¹⁵⁰ и Л.Э. Иликовой и Р.Г. Минзарипова¹⁵¹ применялись при изучении проблем межконфессиональных и межэтнических отношений, когда анализируются усилия, предпринимаемые в рамках решения различных проблем и вызовов внутри социумов.

Для изучения структуры сепаратизма в регионе использовались принципы *институционального подхода*, позволяющего выделить политические, социально–экономические и этнокультурные предпосылки этого социального и политического феномена, статику и динамику событий, его эволюцию, ключевые субъекты местных этнополитических и религиозных конфликтов, моделирует возможные сценарии развития. Метод рассматривает систему организации общества в комплексе, с учётом всех факторов (законов, норм, обычаев), позволяет оценить состояние общества, когда в рамках единого государства отдельные территории идут по опережающему пути развития, а другие в силу разных причин остаются на «периферии истории»

¹⁵⁰ Бродель Ф. Очерки истории. М., 2018. – 224 с.

¹⁵¹ Иликова Л.Э., Минзаринов Р.Г. Подходы к решению проблем в межконфессиональных и межэтнических отношениях: опыт России и Индии (учебно–методическое пособие). Казань, 2009. – 90 с.

(так называемая внутрирегиональная дивергенция). Суть подобного явления рассмотрена в работах Л.Е. Гринина и А.В. Коротаева¹⁵².

Институционализм (как метод анализа) используется в контексте изучения протестного движения в сепаратистских штатах, когда устойчивые стереотипы и традиции формируют определённые модели и тип поведения. Метод позволяет учесть факторы, влияющие на сценарии развития событий в Северо–Восточной Индии, в ближайшей и долгосрочной перспективе связанные с сепаратистской деятельностью в отдельных её регионах и субконтиненте в целом. Для создания системной картины повстанческого движения на Северо–Востоке обращается внимание на современное состояние этих процессов, возможности урегулирования последствий негативного исторического наследия. Метод позволяет целостно осветить историческую ретроспективу, тенденции и особенности современного этапа развития в условиях снижения или усиления этноконфессиональных противоречий.

В исследовании также использовались *теории этнополитического конфликта*, которые применяются как в рамках различных гуманитарных дисциплин (например, политология), социальных (конфликтология, социальная психология), так и естественных наук (например, физическая или экономическая география). *Политологический анализ с использованием междисциплинарных методов* обусловлен необходимостью включения в исследование элементов перечисленных выше дисциплин.

В целях объективного и всестороннего освещения сепаратистского конфликта в регионе были применены исследования из области психологии, этнологии, этнографии, социологии таких авторов, как Д.Э. Дюркгейм¹⁵³, Д.

¹⁵² Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М.: Учитель, 2016. – 496 с.

¹⁵³ Дюркгейм Д.Э. Социология религии и теория познания. М., 1996. С. 113–115.

Майерс¹⁵⁴, Г.Г. Шпет¹⁵⁵, А.Р. Аклаев¹⁵⁶, В.Г. Крысько¹⁵⁷, П.Н. Ермаков и В.И. Пищик¹⁵⁸, А.–Х.А. Султыгов¹⁵⁹.

В этих работах анализируется природа этнополитических конфликтов с учётом структурных характеристик, рассматривается роль государства в них, представлены варианты теорий этнополитических конфликтов, которые используются для анализа любого субъекта сепаратизма. В исследованиях предлагается объяснение явлений, представляющих интерес в контексте событий в регионе: «*Международная диффузия этнического конфликта*» – состояние, сопряжённое с распространением конфликта (беженцы, деятельность экстремистских организаций и прочее) на территории других государств («эффект заражения, идеологического влияния и информационного воздействия»); «*Конфликтная мотивация*» – определяет внутренний, субъективный источник конфликта как побудительный мотив к действию, конфликт интересов, ценностей, когда противостояние сторон определяется субъективным восприятием¹⁶⁰. Рассмотрены такие понятия, как «*этническая психология*» (особенности социально–психологических характеристик отдельных представителей и групп идентификацией с расой, этносом, национальностью, культурой)¹⁶¹.

Анализируется феномен «*состояния депривации*», то есть расхождения между ожиданиями людей и возможностями их удовлетворения, объясняющие психологическое состояние и мотивацию общества Северо–

¹⁵⁴ Майерс Д. Социальная психология. СПб, 1997. – 688 с.

¹⁵⁵ Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб, 1996. – 156 с.

¹⁵⁶ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. – 480 с.

¹⁵⁷ Крысько В.Г. Этническая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002. – 320 с.

¹⁵⁸ Этническая психология: учебник / Под редакцией Ермакова П.Н., Пищик В.И. М., 2024. – 317 с.

¹⁵⁹ Султыгов А.–Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях. М., 2005. – 328 с.

¹⁶⁰ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. – 480 с.

¹⁶¹ Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Краткий этносоциологический словарь–справочник. Ставрополь, 1994. – 99 с.

Востока, находящегося в долговременном депрессивном состоянии в связи с продолжающимся конфликтом¹⁶². Использование метода стало возможным с учётом ознакомления с трудами К.Л. Берталанфи¹⁶³ и А.И. Ракитова¹⁶⁴.

Частью методологической основы работы является применение структурного подхода, предполагающего системность анализа, известных в науке примеров классификации подобных явлений (система рационального выбора). Основы структурного метода как часть системного анализа (научное направление, представленное К. Леви–Строссом) позволяет составить представление об особенностях социальной структуры различных этнических групп и племён применительно к части общества Северо–Востока и определить факторы воздействия на систему¹⁶⁵.

Исследование региона, своеобразного и мало похожего на другие общества, невозможно в отрыве от такого направления исторической науки, как «История ментальностей» (ИМ). Исследование в такой парадигме носит междисциплинарный характер и согласуется с задачами и запросами данной работы. По мнению автора, конфликт в регионе в значительной степени носит социально–психологический характер, включающий в себя особенности восприятия мира бирмано–тибетскими народами с их особым социально–культурным кодом. По мнению последователей ИМ Л. Февра, Ж. Делюмо, А. Корбена, именно ментальности объединяют всех представителей общества¹⁶⁶.

В исследовании также применялся *статистический сравнительный метод* для анализа количественных данных, связанных с экономической, демографической, этнической и конфессиональной составляющей

¹⁶² Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. 480 с.

¹⁶³ Берталанфи К.Л. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. 1969. С. 30–54.

¹⁶⁴ Ракитов А.И. Историческое познание: системно–гносеологический подход. М., 1982. – 303 с.

¹⁶⁵ Леви–Стросс К. Структурная антропология (1985). URL: https://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Levi-Strauss_Structural_Anthropology.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁶⁶ Фонд знания «Ломоносов». История ментальностей. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129505: article> (дата обращения: 10.01.2022).

исследования. Использование метода предполагало сбор, обработку, анализ данных и выявление закономерностей, прямо или косвенно связанных с деятельностью местных сепаратистских движений, а также с экономической, социальной и иной деятельностью федерального правительства Индии¹⁶⁷.

Ещё одним параметром метода является временной аспект, позволивший выявить и проследить динамику развития с последующей оценкой изменений. Метод позволяет оценить суть происходящих в регионе событий, создать альтернативные сценарии политической, экономической и социально–культурной модели развития региона на перспективу.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в анализе истории и эволюции сепаратизма на Северо–Востоке на основании современной и актуальной базы данных. Обоснован спектр причин и факторов, сохраняющих сепаратистские тенденции на современном этапе, учитывающий этнические, конфессиональные и психологические (ментальные) особенности народов, проживающих на данной территории.

К научной новизне работы следует отнести анализ социально–экономической политики индийского государства, предоставление (в динамике) результатов его политических и силовых решений как метода борьбы государства с деятельностью сепаратистских радикальных группировок. Также дана комплексная оценка экономическим и социальным изменениям, принимаемым государственным программам развития, имеющим определённые цели, такие как повышение уровня и качества жизни, так и ликвидацию остающихся очагов сепаратизма в регионе.

В работе впервые комплексно рассматриваются проблемы пограничного взаимодействия в точках «столкновений и разломов», «лимитрофного соприкосновения» государств Бангладеш, Бутана и Мьянмы на границах цивилизационных платформ (в виде Индии и Китая). Местный сепаратизм

¹⁶⁷ Карманов М.В., Киселёва И.А., Кузнецов В.И. Сравнительный статистический анализ: особенности и проблемы (2023). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-statisticheskiy-analiz-osobennosti-i-problemy> (дата обращения: 05.05.2023).

рассматривается с точки зрения эндогенного (внутреннего) процесса, который, тем не менее, оказывает деструктивное влияние на сопредельные территории и не является исключительно внутригосударственной проблемой Индии, распространяясь на весь регион.

Факты и примеры, выявленные в ходе проведённого исследования, позволяют реконструировать все стадии возникновения, активного процесса и существенного снижения («латентная фаза») деятельности сепаратистских организаций на территории региона. Подтверждением этого могут служить данные МВД Индии, анализ которых фиксирует снижение уровня активности радикальных группировок.

В диссертации были комплексно рассмотрены следующие аспекты:

- проанализирована история и эволюция политических целей и задач сепаратистских движений на Северо–Востоке на современном этапе;
- рассмотрена политика индийского правительства на различных исторических этапах развития страны, а также её особенности в контексте решения проблем сепаратизма в регионе;
- собрана и проанализирована обширная база данных по истории и эволюции деятельности сети сепаратистских движений в регионе на современном этапе;
- оценена история и степень успешности внешнеполитической деятельности Индии в условиях продолжающегося конфликта в регионе;
- сформулированы рекомендации для решения проблем сепаратизма в регионе, опирающиеся на экономические, социальные, правовые и культурные программы его возрождения и развития;
- обоснована необходимость включения региона в единую национальную стратегию опережающего развития, снижения «комплекса лимитрофности» его территорий относительно Индии;
- предложено авторское понимание понятия «Северо–Восток как территория конфликтного взаимодействия цивилизаций» в системе взаимоотношений как внутри отдельной страны, так и между различными

государствами в контексте изучения взаимодействия Индии, Китая, Мьянмы, Бангладеш, Бутана;

– проанализирована история и эволюция всего спектра межгосударственных отношений в рамках сотрудничества по линии «Индия – Китай – Бангладеш – Мьянма – Бутан» на современном этапе;

– на основе объективного анализа истории и эволюции сепаратизма на Северо–Востоке предложены модели сотрудничества и взаимовыгодного партнёрства как во внутренних, так и во внешних сферах.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы обусловлена недостаточной разработанностью феномена сепаратизма в Северо–Восточной Индии. С учётом этого необходимо определить парадигмы и эффективные методы борьбы с данным явлением, а также искать компромиссные решения по снижению остроты конфликта в регионе. Также нужно учитывать базисные потребности различных этнических групп Северо–Востока. В целом сепаратизм в регионе рассматривается в контексте различных исторических, политических, правовых, социально–экономических, этнокультурных и иных причин и предпосылок, непосредственно влияющих на сохранение социальной напряжённости в регионе.

Практическая значимость работы состоит в возможном применении методов анализа и опыта разрешения внутренних конфликтов, выводов и результатов применительно к Северо–Востоку и иным регионам мира, имеющих сходные проблемы с целью решения проблемы сепаратизма и снижения его негативных последствий. В результате проведения исследования была представлена объективная картина событий в регионе с выработкой рекомендаций политической, экономической и социально–культурной модели её развития.

Исследование имеет прикладное образовательное значение и может служить теоретическим материалом для учебного и методологического обеспечения бакалаврских и магистерских курсов по региональной истории,

политологии, международным отношениям, конфликтологии и этнологии. Положение и выводы диссертации могут быть использованы для изучения сепаратизма в современных условиях (как глобального мирового явления и феномена). Материалы исследования представляют практический интерес для планирования и реализации государственной политики по решению проблем, связанных с проявлением сепаратизма в обществе.

Гипотеза. Автор предположил, что возникновение и сохранение сепаратизма в регионе – это закономерная часть исторического процесса, связанного с целым рядом факторов и обстоятельств объективного и субъективного характера, включающих географические феномены, исторические события, эволюцию общественных отношений, связанных с политическими, экономическими и культурными процессами, уникальностью конфессионального и этнического состава. Составной частью гипотезы является предположение о возможности создания соответствующих условий (экономических, социальных, политических и правовых), способных решить проблему сепаратизма в регионе или, по крайней мере, минимизировать уровень его негативного воздействия на общество и государство.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Территория Северо–Восточной Индии – это регион, где по ряду объективных и субъективных причин этнические, религиозные, лингвистические и иные конфликты становятся закономерными. Эндогенный (внутренний) этнический сепаратизм Ассама, Аруначал–Прадеш, Мизорама, Манипура, Мегхалаи, Трипуры, Нагаленда является неизбежным явлением в условиях особой географической специфики этих территорий, являющихся лимитрофными как по отношению к Индии, так и к Китаю.

2. Возникновение «сепаратистского пояса» именно на территориях Северо–Восточной Индии (в первую очередь в штатах Ассам, Манипур и Нагаленд) непосредственно связано с историческими и «ментальными» особенностями развития региона, а также традиционным для его населения стремлением к независимости.

3. Причиной многолетнего противостояния местного населения и федерального правительства стали неэффективность политики центральной власти, фактический отказ в признании за регионом статуса полноправного региона новой объединённой Индии (с 1947 года) и негативная роль ряда соседей страны (Пакистан, Китай, в отдельные периоды Бангладеш и Мьянма).

4. Нахождение во власти в Индии партии коммуналистского толка (BJP / Bharatiya Janata Party), ориентированной, как принято считать, на развитие территорий с индуистским населением, не стало препятствием для политического, экономического, социального и культурного развития территорий Северо–Востока. В то же время INC (Indian National Congress), придерживающаяся секулярных и «мультикультурных» традиций, на первый взгляд более приемлемых для полиэтничного и многоконфессионального сообщества региона, во время своего правления мало сделала для решения проблем последнего.

5. Искоренение сепаратизма на территории Северо–Востока как явления и интеграция региона в общее индийское пространство возможны лишь при условии снижения диспропорций в экономическом и социальном развитии региона, а также признании государством особой специфики социокультурной среды местных народов.

6. Взаимоотношения Индии и Китая в значительной степени влияют на развитие событий в регионе. Зачастую они являются конкурентными и местами враждебными. Отсутствие Договора о демаркации границ между КНР на участке границы с Аруначал–Прадеш и рядом территорий Бутана, обустройство инфраструктуры по обе стороны границы свидетельствует о готовности сторон жёстко отстаивать свои интересы в регионе. Северо–Восток (как и Бутан) находится в регионе, где напрямую сталкиваются интересы Индии и Китая, что также провоцирует рост напряжённости.

7. Сепаратизм на Северо–Востоке имеет все признаки трансграничного конфликта и не может быть полностью локализован на отдельных территориях Индии в силу его слияния с радикальными и террористическими структурами

в приграничных регионах. В этом контексте исследование предлагает поиск возможностей для создания кластера устойчивой безопасности, предлагаемого Барри Бузаном и Оле Вэвером в рамках Теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ), скорректированного с учётом этнического и конфессионального своеобразия региона.

Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечивается посредством обращения к широкому кругу официальных источников, документов и литературы, содержащих большой объём фактологического материала. В частности, был проведён всесторонний анализ экспертных оценок российских и зарубежных специалистов, изучающих проблему, применены соответствующие научные принципы и методы исследования.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в шести научных публикациях диссертанта по теме исследования, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень РУДН и Перечень ВАК. Отдельные теоретические положения и выводы, а также предложения и рекомендации были изложены автором в докладах и тезисах на конференциях и иных научных мероприятиях, таких как: I Всероссийская научно–образовательная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных *Ars Historiae* (Казань, КФУ, 2020); I Международная научная конференция «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» (Москва, 2022); III Международная Индологическая конференция «Дубянские чтения» (Москва, 2023); XVI Международный научно–практический семинар «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов» (Москва, 2024).

Структура диссертации. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. СЕПАРАТИЗМ В СЕВЕРО–ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

1.1. Причины возникновения сепаратизма в Северо–Восточной Индии

Северо–Восточная Индия – это достаточно закрытая территория на карте мира, о которой известно немного. О ней нечасто упоминают в сводках мировых новостей. Регион имеет особые природные характеристики и географическую конфигурацию, а также уникальный в своем разнообразии этнический и конфессиональный состав населения. Его история – это яркий пример исторически сложного взаимодействия культур и множества народов на небольшом участке географического пространства.

Северо–Восточная Индия является восточной окраиной Индии, соединённой с остальной страной узким коридором шириной примерно 20–40 км («Коридор Шилигури»). Уже в этой географической конфигурации кроется определённая проблема, связанная с разделением страны и сомнениями по поводу территориальной принадлежности этой области к Индии, как, впрочем, и к какой–либо иной стране. Спорность территориальной принадлежности региона изначально обусловлена географическими факторами. Его площадь составляет 262179 кв. км, или 7,98% от территории Индии. Жители данного региона составляют лишь 3,78% от общего населения страны. По географическому расположению он относится к зоне тропических лесов и труднодоступной горной местности (Аруначал–Прадеш, Ассам)¹⁶⁸.

Стратегическое значение региона для Индии неоспоримо. Его пограничье (5437 км) составляет огромную долю от общих границ страны с другими государствами. Брахмапутра, берущая начало в северо–восточных Гималаях, является главной водной артерией страны и имеет значительный транспортный и водный потенциал. В Ассамо–Бирманских хребтах и на плато

¹⁶⁸ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 187.

Шиллонг представлены нефтегазовые и угольные месторождения, регион также богат лесными массивами стратегического значения¹⁶⁹.

Если говорить о периоде местной истории до английской колонизации, то о нём известно сравнительно немного. В исторической географии Северо–Восток обычно называют Further India («Дальняя Индия») и относят не к Южной, а к Юго–Восточной Азии. Пограничное положение региона сказалось на особенностях местного заселения и этногенеза. Наиболее ранние документальные свидетельства о нём датируются XIII веком (бирманоязычные исторические хроники – ахомские буранджи). До этого в индийских источниках упоминалась Камарупа (древнее название Ассам). Значительный период истории региона остался бесписьменным и по этой причине малоизученным. В «Атхарваведе» (священная книга индуизма) жители Камарупы называются mleccha («варвары», как и всё неарийское население Индии) и kirata (то есть имеющие прямое отношение к Ассаму и Непалу). Некоторые исследователи относят местных жителей к «индо–монголоидам» (или так называемой «монголоидной периферии Индии»)¹⁷⁰.

Воссоздание истории этнокультурных и этнолингвистических процессов в контексте истории тибето–бирманских и гималайских народов представляется сложной задачей, поскольку материалов и источников подобного рода практически нет, отмечает индолог Г.М. Бонгард–Левин¹⁷¹.

«Промежуточность» положения Северо–Востока на мировой карте и на границах множества культур затрудняет процесс как её идентификации, так и самоопределения местных жителей. В мире есть целый ряд государств (Афганистан и Пакистан, Израиль и Кипр, Мексика, Турция) и регионов, которые в силу различных причин оказываются на линии «цивилизационных

¹⁶⁹ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 187.

¹⁷⁰ Маретина С.А. Этногенез и этническая история народов Южной Азии (Ассам, Мегхалая). М., 1994. С. 157–158.

¹⁷¹ Бонгард–Левин Г.М. Индия: этнолингвистическая история, политико–социальная структура, письменное наследие и культура древности. М., 2003. С. 11.

разломов» (религия, язык, история, геополитика и другие факторы). Такие регионы И.П. Глушкова называет «маргинальными ареалами» (не в прямой негативной коннотации маргинализма населения или *failed region*, а с точки зрения трудности определения их цивилизационной принадлежности). Данные территории чаще других сталкиваются с трагичными последствиями такого положения, и Северо–Восток не является исключением¹⁷².

В свою очередь, В.Л. Цымбурский классифицирует подобные регионы как «этнокультурные лимитрофы», прилегающие к ключевым местным цивилизациям (в данном случае индийской и китайской). Он вводит понятие «лимеса» (неустойчивая окраина имперской или цивилизационной платформы) – термин, применимый и к Северо–Восточной Индии¹⁷³.

В 1947 году, в период завершения британского правления, когда Индия получила независимость, территориальные противоречия в регионе решались форсированными методами без учёта интересов населения различных регионов и княжеств Индостана. Последствия британского владычества и ряд спорных решений, создание «исключаемых и частично исключаемых» областей в Индии и Бирме (совр. Мьянма) можно рассматривать как некий замысел британцев по искусственному разделению территорий и людей с целью сохранения контроля над этим стратегически важным регионом¹⁷⁴.

Великобритания объясняла свои административные решения «особым примитивизмом» развития местного населения, который, по её мнению, нуждался в простой и понятной системе управления. Ещё в XIX веке, после завоевания Северо–Востока, англичане создали так называемую «Внутреннюю линию» (Inner Line) для контроля взаимодействия между

¹⁷² Глушкова И.П. Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее // Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. С. 13.

¹⁷³ Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями. URL: http://www.intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁷⁴ Berenice Guyot–Rechard. Shadow States. India, China and Himalayas, 1910–1962. New Delhi, 2017. P. 12–13.

Ассамом и Гималаями. Британские подданные не могли её пересечь без получения специального разрешения, там не действовали законы Британской империи. Отсутствие интереса англичан к региону было связано с его «культурной дикостью» (рабство и «охота за головами» / *headhunters*, распространённые в Нагаленде и Манипуре), транспортной недоступностью, отсутствием торговых путей и экономических преимуществ. В дальнейшем такая система управления была заимствована Индией, что вызвало недовольство населения и повлияло на рост сепаратистских настроений в конце 1940–х – начале 1950–х годов¹⁷⁵.

Подобная стратегия Британии завершилась хаотичным и не всегда добровольным присоединением земель региона к Индии в пост–британское время (начиная с 1947 года). Местное население и его политические лидеры считали себя вправе бороться за независимость, самоопределение и определённые преференции в составе вновь образованного государства¹⁷⁶.

Распространение этнического сепаратизма в Индии и на Северо–Востоке стало естественной реакцией местных племён и народностей на вмешательство Центра в их внутренние дела. События середины XX – начала XXI века в регионе характеризуются обострением сепаратистских настроений, ростом деятельности радикальных движений и группировок экстремистского толка. Идеологическая база сепаратистских движений имела ярко выраженный националистический и религиозный компонент, что провоцировало этнические конфликты, усиливая раскол в обществе. Логичным следствием стало длительное противостояние Центру¹⁷⁷.

Новый виток ожесточения сторон усугубился с принятием федеральными властями в 1958 году закона *Armed Forces Special Powers Act*

¹⁷⁵ Berenice Gyuot–Rechard. *Shadow States. India, China and Himalayas, 1910–1962*. New Delhi, 2017. P. 12–13.

¹⁷⁶ Berenice Gyuot–Rechard. *Shadow States. India, China and Himalayas, 1910–1962*. New Delhi, 2017. P. 12–13.

¹⁷⁷ Berenice Gyuot–Rechard. *Shadow States. India, China and Himalayas, 1910–1962*. New Delhi, 2017. P. 13–14.

(AFSPA), позволявшего федеральным силам и пограничникам применять жёсткие меры (вплоть до осуществления досудебных расправ) против радикалов и террористов¹⁷⁸. В дальнейшем данная нормативная база «противодействию незаконной деятельности» была дополнена одноимённым Актом 1967 года (Unlawful Activities (Prevention) Act, UA(PA)). Позже были приняты Border Security Force Act (BSFA), Indo–Tibetan Border Police Act (ITBPA) и Assam Rifles Act (ARA)¹⁷⁹.

Применение подобных законов на практике зачастую было избирательным. Л.Б. Алаев отмечал, что Акт 1967 года «О предотвращении незаконной деятельности» применялся только в отношении сепаратистов. Подтверждалась теория о постепенном отходе страны от секулярных принципов основателей независимой Индии. Подобные «двойные стандарты» стали причиной трагических событий в регионе¹⁸⁰.

Административное переустройство региона и образование там новых штатов протекало в условиях серьёзного сопротивления населения. В 1963 году был образован небольшой (площадью 16,6 тысяч кв. км и населением около 1 млн человек), но стратегически важный штат Нагаленд (Нага–Прадеш), граничащий с Мьянмой. Он был населён племенами, враждовавшими не только с федеральным Центром, но и между собой.

¹⁷⁸ Armed Forces Special Powers Act, 1958. URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/armed_forces_special_powers_act1958.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁷⁹ Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967. URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/A1967-37.pdf> (дата обращения: 10.02.2022); Border Security Force Act, 1968. URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/bsfAct%26Rules_0.pdf (дата обращения: 10.02.2022); Indo–Tibetan Border Police Act, 1992. URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/ITBP-Act1992.pdf> (дата обращения: 10.02.2022); Assam Rifles Act, 2006. URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AssamRifesAct2006.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁸⁰ Алаев Л.Б. Историография истории Индии (2013). С. 414. URL: <https://book.ivran.ru/f/polnyjtekst-alaev-istoriografiyaistoriindii2013.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

Создание Нагаленда стало первым шагом к созданию ещё пяти штатов региона (Аруначал–Прадеш, Манипур, Мегхалая, Мизорам и Трипура)¹⁸¹.

Территориальное устройство региона имеет особые характеристики, отличные от других штатов Индии. Это проявляется в системе особого административно–территориального управления «Внутренних разрешений» (Inner Permit) и ряде других ограничений, в том числе по въезду иностранцев. Это уникальная система, в рамках которой функционируют 8 штатов и 10 автономных территорий, что отдельно прописано в Конституции Индии¹⁸².

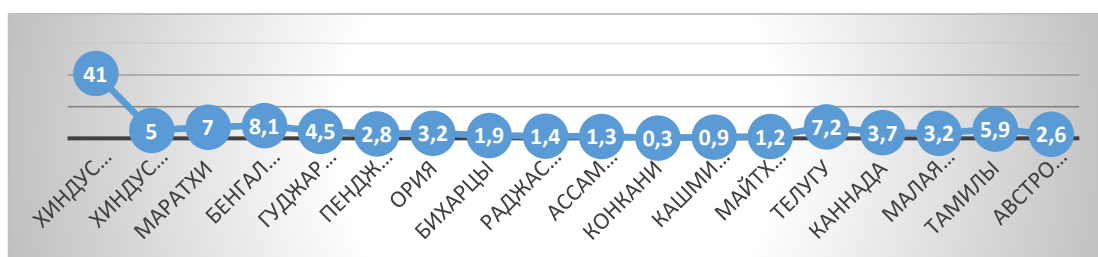
Сложный расовый состав Северо–Востока, имеющий значительное отличие от остальной Индии, изначально предопределяет сложную палитру этнического, конфессионального, языкового и культурного разнообразия со сложившейся спецификой вековых законов, традиций и условностей, что затрудняет полноценную интеграцию этого региона в состав объединённой Индии. Принимая во внимание эту специфику, можно объяснить длительность протестных настроений в Ассаме и других штатах региона.

Критерием в оценке сепаратистского потенциала региона обычно считают этнический фактор. Индия является одной из самых населённых и многонациональных стран мира: индоарийские народы – 77,4%, дравиды – 20%, остальные – 2,6%. Национальный состав насчитывает несколько сотен групп различного этнического происхождения:

¹⁸¹ Топычканов П.В. Царство, разделённое в себе. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2007-10-17/7_kingdom.html (дата обращения 10.01.2022).

¹⁸² Sharlin Puppal. Constitutional Validity of Inner Line Permit System in North–Eastern India // Indian Journal of Law and Legal Research, 2021. Volume 2. Issue 1. P. 5–8.

Таблица № 1. Этнический состав Индии (2021)¹⁸³

Этнические группы, в свою очередь, раздроблены на десятки тысяч каст и подкаст, говорящих как минимум на 1562 языках, относящихся к разным лингвистическим группам¹⁸⁴. Ключевые государственные языки страны – хинди и английский. В этой связи необходимо подчеркнуть, что изначально заявленный принцип индийского государственного строительства – «Единство в многообразии» (Unity in Diversity) – демократичен по своей сути, однако и у многообразия существуют пределы, поскольку в таких условиях сложно достичь политического консенсуса¹⁸⁵.

Что касается национального состава региона, то его можно охарактеризовать как «страна в стране». Население составляет около 46 млн человек (2021) и отличается особым разнообразием¹⁸⁶. Оно делится более чем на 100 национальных групп и относится к индо–арийским и тибето–бирманским народам (мизо, гаро, бодо, нага и другие). В их число входят народности с численностью менее чем 20 тысяч человек¹⁸⁷.

¹⁸³ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁸⁴ Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI века (2016). С. 56–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-demografii-religioznyh-obshchin-indii-v-nachale-xxi-v/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁸⁵ Китинов Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. М., 2019. С. 12.

¹⁸⁶ Менее известная Индия – Северо–Восток (2021) (Sita travels). URL: <https://www.sita.in/ru/menee-izvestnaya-indiya-severo-vostochnaya-indiya/> (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁸⁷ Das C.K. Inclusive development of North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://www.indiawaterportal.org/regions/north-eastern-range> (дата обращения 20.12.2022).

Особенностью общества Северо–Востока (например, нага) является стремление к сохранению дуальной структуры, когда племя и народность фактически разделены на две половины, поддерживающие между собой фрагментарные отношения, сохраняется локальная экзогамность («заключение брака за пределами определённой социальной группы, чаще родственной»)¹⁸⁸, регламентирование браков и другие виды общественных отношений, которые уже редко встречаются в современном мире¹⁸⁹.

В расовом, культурном, языковом отношении общество региона по многим критериям ближе к тибето–бирманской группе. Внешний облик коренных жителей Аруначал–Прадеш, Сиккима, Манипура, Нагаленда, Мегхалаи подтверждает расовую близость с бутанцами и бирманцами¹⁹⁰.

Реальные причины этнических конфликтов, как правило, скрываются в плоскости опасений меньшинств в этнической дискриминации, лишения доступа к политической власти, недовольства государственными методами управления, остаточными принципами финансирования этих территорий и так далее. Эти опасения зачастую вызваны некритическим осмыслением собственной этнической общности и имеют иррациональный характер, поскольку мир за пределами родного племени рассматривается как враждебный и угрожающий существованию. В такой ситуации снижается даже теоретическая возможность компромиссов¹⁹¹.

А.Р. Аклаев рассматривает этнические конфликты через призму социальных, политических, экономических факторов, обостряющих конфликт между группами людей, идентифицируемых в этнических категориях, когда подобные различия сознательно используются группой заинтересованных лиц

¹⁸⁸ Большая Российская энциклопедия (2004–2017). Экзогамность. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/4941478> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁸⁹ Леви–Стросс К. Структурная антропология (1985). С. 14–15. URL: https://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Levi-Strauss_Structural_Anthropology.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁹⁰ Котин И.Ю., Маретина С.А. Племена в Индии. СПб, 2011. С. 42–43.

¹⁹¹ Крысько В.Г. Этническая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002. С. 220.

для дифференциации участников конфликтной ситуации и этничность становится определяющим фактором для природы и динамики конфликта¹⁹².

Учитывая специфику Индии, можно заключить, что индийская нация пока ещё находится в процессе формирования. Эксперты склонны полагать, что власти страны сегодня довольно осторожно пытаются выстраивать межнациональную систему взаимоотношений, пытаясь сохранить местные традиции и обычаи (учитывая непростой опыт прошлых лет). Заметны определённые перемены в национальной политике, прежде более бескомпромиссной. В целом для регионального уровня характерно ассоциирование себя со всей индостанской цивилизацией либо с локальными сообществами и группами (последнее относится к регионам, население которых в большей степени склонно к проявлениям сепаратизма)¹⁹³.

Анализ природы внутреннего конфликта подразумевает особое внимание значению демографии, важного фактора в изменении социально–экономического и политического равновесия в обществе, а также наличию политических, культурных, экономических, религиозных и иных претензий внутри этнических групп, так и между этническими группами и государством.

Демографический фактор представляется серьёзной проблемой как для региона, так для Индии в целом. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, население страны превысило 1 млрд 390 млн 537 тысяч человек (2021)¹⁹⁴. Страна десятилетиями функционирует в условиях «демографического взрыва», прирост населения составляет порядка 1,3% в год. Демографическая ситуация на Северо–Востоке отражает общие тенденции по стране:

¹⁹² Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. С. 24.

¹⁹³ Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. С. 65.

¹⁹⁴ Население Индии. URL: <https://countrysmeters.info/ru/India> (дата обращения: 10.02.2023).

Таблица № 2. Демографическая ситуация в Северо–Восточной Индии^{195, 196, 197}

Штаты	Население		Площадь Кв. км	Плотность Чел / Кв. км		Доля бедных	Уровень фертильн ости
	2019	2021		2011	2021		
	2014	2014					
Аруначал– Прадеш	1 383 (0,11%)	1562	201983 743 (2,55%)	17	18,3	11–40	1,9–2,1
Ассам	31 205 (2,58)	35713	78 438 (2,39)	398	446,8	31–80	2,2–2,4
Манипур	2 570 (0,21)	3223	22 327 (0,68)	115	141,8	11–31	2,6–5
Мегхалая	2 966 (0,25)	3349	22 429 (0,68)	132	146,6	0–10	2,6–5
Мизорам	1 097 (0,09)	1238	21 081 (0,64)	52	57,7	0–10	2,2–2,4
Нагаленд	1 978 (0,16)	2233	16 579 (0,5)	119	132,2	0–10	2,6–5
Трипура	3 673 (0,3)	4147	10 486 (0,32)	350	388,2	0–10	1,6–1,8
Сикким	610 (0,05)	1562	7 096 (0,22)	86	95,8		
СВИ	45 487 (3,76%)	68,9	262 179 (7,98)	173			
Индия	1 210 569 573		3 287 263	382			

Ряд социальных показателей коррелируются с утверждением о сложной демографической обстановке, для региона характерен высокий прирост населения, что подтверждается рядом косвенных значений, таких как уровень фертильности. Плотность населения по штатам и доля бедных согласуется с наличием социальных и иных проблем. Они отражают весь спектр проблем, связанных с масштабной бедностью в штатах Ассам, Манипур, Трипура.

Увеличение плотности проживания населения, стабильный приток мигрантов из Бангладеш и Мьянмы стал причиной не только физического увеличения численности населения Северо–Востока, но и качественного изменения состава населения по всем категориям (образовательный уровень, социальный статус, сферы деятельности). «Этническая мозаичность» обусловила обострение конфликтов на религиозной и этнической почве, изменения на рынке труда, характеризующиеся усилением конкуренции в сфере занятости. Массовые миграции 1970–х – 1990–х годов нарушили хрупкое экономическое равновесие региона, потребовав дополнительного

¹⁹⁵ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁹⁶ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 187 (рис. 16).

¹⁹⁷ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 187 (рис. 16).

финансирования, в том числе и для поддержания правопорядка. Все эти проблемы только усложнили демографическую и криминогенную ситуацию.

Ещё одним фактором, влияющим на межэтническое равновесие, является чрезмерное лингвистическое многообразие. Язык как средство коммуникации выступает в роли фундамента внутринациональной сплочённости определённых групп, так и является фактором разобщённости в условиях многоязычия, тем более если речь идёт об отдалённых от Центра регионах, население которых считает себя ущемлённым в гражданских правах. В регионе это скорее фактор разобщения, как в коммуникации, так и в процессе осуществления реформ. Государственный язык хинди здесь не утвердился в качестве универсального, и это серьёзный барьер для диалога¹⁹⁸.

В попытках решить лингвистическую проблему государство признало официальными порядка двух десятков языков местных народов и народностей, относящихся к различным языковым группам (индоарийской, дравидской, тибето–бирманской и мон–кхмерской)¹⁹⁹. Однако «лингвистический либерализм» не означает автоматического решения спорных вопросов. Для большинства народов язык – это маркер принадлежности к своей культуре, часть этнической идентичности, имеющей не только символическое значение. Вместе с тем, развитие национальной письменности и культуры обычно ограничивается рамками племенного расселения²⁰⁰. Тем не менее, требования равных прав в использовании родных языков остаются приоритетными у таких народов, как манипури, гаро, мизо, кхаси. Язык важен для них как инструмент, формирующий ментальные особенности нации, поскольку люди видят мир в сквозь призму родного языка. В такой ситуации лингвистическая дифференциация усложняет формирование

¹⁹⁸ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М., 2016. С. 15.

¹⁹⁹ Численность населения Индии. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost> (дата обращения 10.02.2022).

²⁰⁰ С.К. Das. Inclusive Development of North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://www.indiawaterportal.org/regions/north-eastern-range> (дата обращения 20.12.2022).

единой общности, в рамках которого проживает многомиллионное население региона. Нередки ситуации, когда и национальные меньшинства подвергаются сегрегации по языковому принципу на территории самого Северо–Востока²⁰¹.

Сложности для населения этих территорий заключаются не столько в проблемах с личной коммуникацией, сколько в конъюнктурном использовании языковых проблем с целью разжигания сепаратистских настроений в регионе. Так, христиане Нагаленда и сепаратистские движения Ассама (NDFB / National Democratic Front of Bodoland) под влиянием баптистских проповедников выдвигали требования о переводе языка нага (и ассамов) на латиницу. Преследовалась вполне определённая цель по созданию лингвистического барьера внутри общества. В перспективе предполагалось поэтапное замещение местных языков на английский, что стало бы дополнительным импульсом для протестов, разжигания идей национализма, пренебрежения к иным народам в среде нага и ассамцев²⁰².

И хотя языковые проблемы не являются прямой причиной для протестов, тем не менее, в напряжённой атмосфере конфликт может вспыхнуть по любому поводу. Противоправные действия вызывают ожесточение, рост насилия, вплоть до убийств идейных противников среди общественных деятелей, придерживающихся иных взглядов. В частности, в этой связи можно отметить трагическую судьбу индусского священника Шанти Кали, застреленного 27 августа 2000 года членами христианской террористической организации в индийском штате Трипура²⁰³.

Отстаивать свою идентичность в этой сфере становится всё труднее. Глобализация нивелирует потребность молодого поколения в единстве, базирующемся на уровне знания родных языков. В Нагаленде уже преобладает коммуникация на английском языке. Лингвистическая дискриминация как тех,

²⁰¹ Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8.

²⁰² Kunal Ghosh, Vikas Kumar. Separatism in North–East India: role of language, religion and script. New Delhi, 2008. P. 6–7.

²⁰³ Subir Bhaumik. Troubled periphery: crisis of India's North East. New Delhi, 2009. P. 236.

кто активно выступает за возрождение национальных языков, так и тех, кто не желает ассоциировать себя с ними, выступает в роли инструмента для протестов и недовольства политикой федерального правительства, если власть не принимает решений в вопросах статуса родного языка, – проблемы, болезненной для многих народов Северо–Востока²⁰⁴.

Конфессиональная среда. Анализ текущего конфессионального состава местного общества позволяет оценить степень влияния религии и её установок на формирование особой этнической идентичности племён и народов региона, их нацеленности к протестной активности. Поликонфессиональность также является фактором разобщения индийского общества. Данные с 2011 (последняя на данный момент официальная перепись населения) по 2021 годы фиксируют изменения количественных показателей таких категорий верующих, как мусульмане и христиане.

Рисунок № 1. Конфессиональный состав Индии (2021)²⁰⁵

Может сложиться впечатление, что Индия по религиозному признаку является довольно однородной страной (80% населения исповедуют индуизм, только 20% являются адептами иных религий). Однако 20% – это около 200 млн жителей страны, исповедующих ислам. 35 млн позиционируют себя как христиане, 11 млн принадлежат к числу буддистов. Оставшиеся около 38 млн человек – приверженцы зороастризма, иудаизма, родоплеменных практик, а также те, чья религиозная принадлежность формально не установлена²⁰⁶.

²⁰⁴ Kunal Ghosh, Vikas Kumar. Separatism in North–East India: role of language, religion and script. New Delhi, 2008. P. 6–7.

²⁰⁵ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 119–120. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

²⁰⁶ Census India, 2011. URL: <https://censusindia.gov.in/2011–Common/CensusData2011.html> (дата обращения 10.02.2022).

На исключительное значение религии обращал внимание Эмиль Дюркгейм. По его мнению, религия придаёт целостность социальным группам («то, что священо, живёт не столько в официальных законах, сколько в душе и совести живого человека»)²⁰⁷. В свою очередь, В.Л. Цымбурский склонен определять многие цивилизации как «религиозные общности»²⁰⁸, а В.И. Корнев считает, что религия придаёт специфику социокультурному пространству, формирует психологию сообщества и его этноса²⁰⁹.

В этой связи существенный интерес представляет мнение Б.У. Китинова, который пишет о прямой взаимосвязи между религией и самоидентификацией того или иного общества: «Религия традиционно помогала народам сохранять чувство культурного и цивилизационного единства даже при разделении административными границами. Конфессиональная идентификация, как правило, превалирует над этнической, а религия выступает в роли системообразующего фактора»²¹⁰. Исходя из вышеуказанных мнений специалистов, ниже будут представлены общие характеристики, которые в определённой степени отражают ментальные и религиозные особенности народов, проживающих на территориях Северо-Востока.

Индия является исторической родиной возникновения и развития *буддийского учения*, однако в целом оно было «изгнано» с территории субконтинента уже в начале второго тысячелетия н. э. Возрождение интереса к буддизму связано с именами Свами Вивекананды (1863–1902) и Бала Гангадхара Тилака (1856–1920), которые считали, что традиционная культура субконтинента способна сдерживать культурный натиск Запада и его негативное влияние на Индию. Они заявляли о миссионерской значимости

²⁰⁷ Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания. М., 1996. С. 113–115.

²⁰⁸ Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями. URL: http://www.intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 20.06.2023).

²⁰⁹ Корнев В.И. Феномен религии // Азия и Африка сегодня. 1994. № 1. С. 33–39.

²¹⁰ Китинов Б.У. Буддизм и национализм в идентификационных процессах в Азии в конце XIX – начале XX веков (2022). С. 368–369. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-i-natsionalizm-v-identifikatsionnyh-protsessah-v-azii-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov/viewer> (дата обращения: 10.02.2023).

духовного и религиозного наследия своей страны, считая его «фундаментом Новой Азии». В свою очередь, Рабиндранат Тагор считал, что ислам и христианство – пришлые религии, индуизм – религия сугубо Индии, а буддизм – это всемирная религия, которая сможет помочь духовному возрождению Индии и всей Азии²¹¹.

В Индии насчитывается около 11 млн последователей буддизма (менее 1%). Они компактно проживают в Аруначал-Прадеш, Сиккиме, Мизораме²¹². Горные районы Аруначал-Прадеш заселены тибето-бирманскими народами. Характеристики жителей этих территорий обусловлены географическими особенностями местности, условиями жизни в труднодоступных местах, влиянием религии. По мнению Ф.И. Щербатского, буддизм воплощает в себе высочайшие идеалы добра, любви к ближнему, духовной свободы и нравственного совершенства, что формирует нравственные идеалы его адептов²¹³. Буддизму свойственны идеи, схожие с социалистическими, в частности, стремление к равенству, что служит идейной платформой для развития. По наблюдениям немногочисленных путешественников, тибетцам присущи особые черты, сдержанность в общении с иными национальностями вне зависимости от конфессиональной принадлежности²¹⁴.

Представители конфуцианства (при условии его признания религией) в регионе представлены малым количеством населения, компактно проживающим в пограничных с КНР районах Аруначал-Прадеш и Сиккима.

²¹¹ Китинов Б.У. Буддизм и национализм в идентификационных процессах в Азии в конце XIX – начале XX веков (2022). С. 357–358. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-i-natsionalizm-v-identifikatsionnyh-protsessah-v-azii-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov/viewer> (дата обращения: 10.02.2023).

²¹² Разин А.С. Специфика этноконфессионального фактора и формирование этноконфессиональных отношений (2010). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-etnokonfessionalnogo-faktora-i-formirovanie-etnokonfessionalnyh-otnosheniy> (дата обращения: 10.02.2022).

²¹³ Щербатской Ф.И. Философское учение буддизма (лекция, читанная при открытии первой буддийской выставки в Петербурге 24.08.1919). URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=1035 (дата обращения: 10.02.2023).

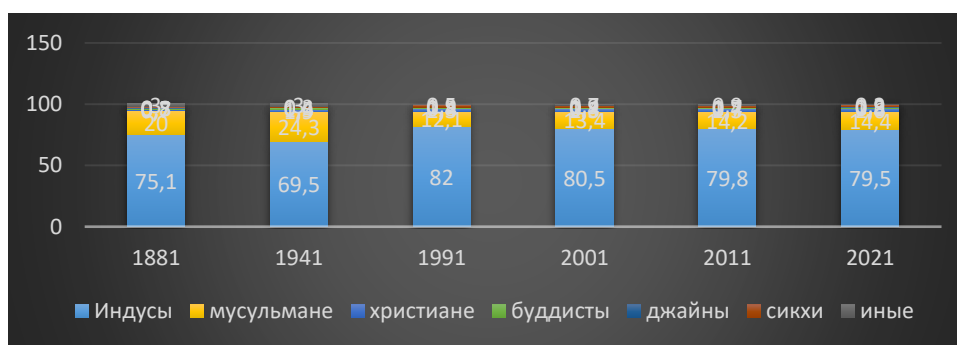
²¹⁴ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 469.

Формирование личностных качеств сторонника идей Конфуция с детских лет находится в жёстких рамках воспитания, сдержанности в привычках, эмоциях, превалирования общественного над личным. Для них характерен рационализм, конструктивизм, прагматизм, дисциплинированность, трудолюбие, уважение и почитание старших терпение, вежливость, почтение к опыту и традициям, коллективизм, иерархичность²¹⁵.

Аруначал–Прадеш в течение длительного времени оставался едва ли не единственной территорией региона, где практически отсутствовал сепаратизм, что с большой долей вероятности обусловлено ментальными особенностями народов, проживающих в этой изолированной горной области. Одним из объяснений может считаться тот факт, что местные жители почти не попали под влияние идеологии западных миссионеров²¹⁶.

Ислам в Индии – часть индийской религиозной и культурной традиции. В настоящее время мусульмане составляют более 14% населения страны (около 200 млн человек), это самая большая религиозная община после индуистов. Н.Р. Микаэлян²¹⁷ и Т.Л. Шаумян²¹⁸ приводят следующие показатели количественных изменений доли верующих в разные периоды:

Рисунок № 2. Конфессиональное распределение в Индии (1881–2021)

²¹⁵ Меликова К.А. Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае (2014). С. 58–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianstvo-i-vzaimootnosheniya-pokoleniy-v-drevnem-kitae/viewer> (дата обращения: 10.02.2022).

²¹⁶ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 147.

²¹⁷ Микаэлян Н.Р. Некоторые особенности перехода в ислам «неприкасаемых» Индии (конец XIX – XX век) // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Б.И. Ключева и А.Д. Лотмана). М.: Наука, 1991. С. 123–124.

²¹⁸ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 119–120. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

Диаграмма иллюстрирует конфессиональное деление в индийском обществе с 1881 года, тогда доля мусульман составляла 20%, индусов – 75,1%; в 1941 году – 24,3% и 69,5%, соответственно. В момент получения независимости и после были зафиксированы следующие показатели: 1947 (мусульмане) – 61,4 млн (9,9%), 1981 – 90 млн (11,2%). К 2050 году прогнозируется рост доли мусульман до 18,4 %, в абсолютных цифрах это как минимум 310 млн человек. Также отмечается переход в ислам индусов; с другой стороны, существует тенденция к возвращению мусульман в индуизм (так называемое движение Shuddhi / «Очищение»). Приверженцы ислама в регионе проживают в основном на территории Ассама (34%), Трипуры (9%) и Манипура (8%)²¹⁹. В 2021 году отмечено снижение адептов иных религий (с 0,9 % в 2011 году до 0,2% в 2021 году).

Таблица № 3. Конфессиональное распределение в регионе (2008–2019)²²⁰

Религия	Количество приверженцев (2019)	% от общей численности населения	Штаты	Мусульмане	Индусы
		2008/2019			
Индуизм	1 099 933 480	79,5 // 80,5(+)	Аруначал-Прадеш	2%	5–40%
Ислам	199 233 234	13,4 // 14,4(+)	Ассам	35	5–90
Христианство	34 589 103	2,3 // 2,5(+)	Манипур	9	0–20
Буддизм	11 068 513	- // 0,8 (+)	Мегхалая	5	0–5
Другие	31 821 975	- // 2,3(+)	Нагаленд	3	0–20
Народные верования	6 917 821	0,1// 0,5 (+)	Трипура	9	60–90

Поведенческие характеристики последователей ислама в Индии сложны, поскольку в индийском мусульманстве парадоксальным образом заложены традиции кастовости. Для мусульман в целом (вне зависимости от

²¹⁹ Census India, 2011. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html> (дата обращения 10.02.2022).

²²⁰ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 187 (рис. 17, 18).

места проживания) характерен коллективизм, семейственность, взаимовыручка стремление к сохранению традиций.

Последователи ислама в Индии – это электорат, наиболее склонный к протестам. Как правило, в социально–экономическом отношении именно представители этой конфессии находятся на достаточно низких ступенях развития индийского общества, что является для них сильным раздражителем. По данным, которые приводит Д.Б. Абрамов, среди индийских мусульман наибольшее число заключённых, безработных, не умеющих читать и писать, людей, находящихся за чертой бедности. Статистические данные о бедности и неграмотности мусульманской общины подтверждают тенденцию расслоения индийского общества, в том числе и по конфессиональному признаку. Мусульмане в Индии имеют низкий и низший социальный статус в обществе. Эта проблема, как правило, замалчивается и открыто не обсуждается²²¹.

В немусульманской среде культивируется мнение, что проблемы общины связаны с позицией самих мусульман, отвергающих значимость образования, с религиозными самоограничениями, принятыми в их среде. Считается, что рыночные отношения и новые условия жизни, урбанизация, которые становятся нормой для индийского общества, требуют проявления гибкости сознания, высокий уровень образованности, predetermined жёсткой конкуренцией. В то же время потребность в обучении среди юношей–мусульман остаётся крайне низкой, женское образование минимально. Уровень жизни городского мусульманского населения крайне низок – 40% (по сравнению с 22% индусов) проживает за чертой бедности. Это частично объясняется традициями, связанными с полигамией. Негативным фактором является и прочно укоренившееся упование на государство, связанное с иждивенчеством, неготовностью брать на себя ответственность за будущее и судьбу своих детей²²². Впрочем, чувство «социальной депривации»

²²¹ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). С. 74. URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

²²² Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). С. 74. URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

свойственно населению региона в целом, когда потребность и ожидания людей не совпадают с возможностью их реализации²²³.

Формирование нетерпимости на фоне очевидного расслоения по экономическим и социальным критериям представляют определённую опасность для общества. Велика вероятность перекладывания социальных и иных проблем на конфессиональную основу. Желаящих представить ситуацию именно в таком ключе внутри как индийского, так и мирового мусульманства, более чем достаточно. Это объясняется относительной молодостью и активностью этой мировой религии, стремлением определённой части мусульман вернуться к «истокам» и временам первых «праведных халифов», а также неоднозначным положением мусульманской общины (в том числе в регионе)²²⁴. Однако в случае с индийскими адептами ислама зачастую их агрессивные действия вызваны ответной реакцией на радикальную деятельность индуистских или христианских боевиков, деятельность которых мало чем отличается от деятельности фанатиков–исламистов.

Христиане – третья по численности община верующих в Индии (2,5%, или около 35 млн человек), в основном это католики, в меньшей степени протестанты. Христиане в основном проживают в Нагаленде (88%), Мизораме (87%), Мегхалае (75%), Манипуре (41%), Аруначал–Прадеш (30%)²²⁵. Принимая во внимание влияние религии на формирование поведенческих моделей, умение сосуществовать в рамках государства, где равенство пока не стало достоянием каждого представителя общества, можно предположить, что христиане в Индии в некоторой степени находятся в точке «духовного разлома», связанного со сменой религии, поиске современной идентичности. Маргинальность подразумевает сложности с идентификацией, неполную

²²³ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. С. 447.

²²⁴ Иликова Л.Э., Минзарилов Р.Г. Подходы к решению проблем в межконфессиональных и межэтнических отношениях: опыт России и Индии (учебно–методическое пособие). Казань, 2009. С. 34.

²²⁵ Census India, 2011. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html> (дата обращения 10.02.2022).

социализацию и отсутствие выраженной общественной принадлежности²²⁶. В этой связи неслучайно, что христиане Нагаленда, Мизорама и Мегхалаи являются наиболее агрессивной и революционно настроенной частью местного общества не только в отношении иных конфессий, но и к представителям собственной христианской общины (по типу «войны всех против всех»).

Христианство в Индии «набирает всё большие обороты», и количественный прирост его последователей вызывает тревогу правящих кругов. А.М. Родригес объясняет рост популярности этой религии в стране следующими причинами: массовость и обращение в христианство семьями; обращённые не разывают связи со своей общиной; в христианство переходят наиболее авторитетные представители сельской общины; осуществляется христианизация широких слоев местного населения; доступность образования и возможность достижения «неприкасаемыми» более высокого социального статуса²²⁷.

Смена религии, переход индуистов и представителей традиционных и языческих верований в христианство является в определённой степени трагичной страницей в религиозной истории этих территорий. Она повлекла за собой расслоение некогда однородных конфессиональных общин по признаку веры, усугубляя этнические и конфессиональные разногласия.

Индуизм. Последователи данной религии лидируют в стране по количеству приверженцев, их насчитывается более 1 млрд человек (чуть менее 80% населения). Индуизм является внутренней религией этой страны, он присущ в основном только индийцам²²⁸. Территориально местные индуисты проживают на территориях Трипуры (доля индуистов 83%), Ассама (62%),

²²⁶ Глушкова И.П. Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее // Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. С. 717–718.

²²⁷ Родригес А.М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX век): монография. М., 2011. С. 99.

²²⁸ Census India, 2011. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html> (дата обращения 15.02.2022).

Сиккима (58%), Манипура (41%), Аруначал–Прадеш (29%)²²⁹. Значительное влияние на формирование ментальной модели индуиста накладывает варно–кастовая система, официально запрещённая ещё в Конституции страны 1950 года, тем не менее, продолжающая влиять на развитие общества в целом, провоцируя пока ещё не слишком масштабную социальную напряжённость.

С другой стороны, именно кастовая система в определённой степени является сдерживающим началом в проявлении активного недовольства и протестов населения, снижая риск социального бунта. По мнению А.Д. Воскресенского и С.И. Лунёва, отсутствие крупных социальных конфликтов в Индии в большей степени связано с философией индуизма. Своими «ограничениями» (карма, дхарма, кастовая система) она определяет мотивы поступков индуиста, связанные с долгом, правами и статусом²³⁰.

Индуистов традиционно отличает плюрализм, высокая степень демократичности. Индуизм демонстрирует «собирательность» своей религии, способной впитывать множество иных веяний и направлений, не теряя при этом собственной внутренней природы и значимости. В равной степени это относится к большинству последователей этой религии. Направленность на демократические установки (одно из положительных наследий британского владычества в Индии) сформировали здесь умение сосуществовать в социальной среде отличных друг от друга племён и социальных слоёв населения в едином географическом пространстве. Этот фактор является стержнем консолидации народов страны. В то же время индусам присуща определённая отчуждённость от иных народов и культур, связанная с «географически замкнутым» местоположением страны.

²²⁹ Census India, 2011. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html> (дата обращения 15.02.2022).

²³⁰ Воскресенский А.Д., Лунёв С.И. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально–политическое и экономическое развитие (2016). С. 87–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-vozdeystviya-tsivilizatsionnyh-osobennostey-sverhkrupnyh-stran-na-sotsialno-politicheskoe-i-ekonomicheskoe/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).

Анализируя характеристики и поведенческие модели народов региона, следует отметить наличие особых черт, связанных с религиозной принадлежностью. Религия и язык – два маркера идентичности общества, племени или группы людей, что в определённой степени как раскалывает, так и объединяет общество²³¹. Следует подчеркнуть, что глобальные процессы во многом определяются на основе совместимости или противостояния различных цивилизационных аспектов, включая религию и язык²³².

Существует мнение, что удержание конфессионального равновесия в Индии зависит от сохранения психологически важной доли в 80% для индуистов. Падение ниже этого уровня может стать дополнительной причиной для раскола, фактором, дестабилизирующим межрелигиозные отношения²³³. Проблема в том, что интересы меньшинств (20%), а это и представители штатов Северо–Востока, неизбежно вступают в противоречие с религиозным большинством в условиях, когда индуистам принадлежит значительное представительство в центральных органах власти.

Разнонаправленность религиозных предпочтений формируют ряд трудностей, с которым сталкивается федеральный Центр в поиске единой модели объединения народов страны, различающихся по конфессиональному и этническому признаку. Наиболее безопасной ситуацией является сохранение стабильных параметров. Однако современные демографические тенденции и статистика подтверждают быстрый рост числа мусульман и христиан в регионе, что может привести к целому ряду сложностей.

Неравномерное конфессиональное распределение в отдельных штатах уже сегодня провоцирует отдельные территории и их лидеров на стремление к отделению по религиозному признаку. Часть регионов, имеющих

²³¹ Kunal Ghosh, Vikas Kumar. Separatism in North-East India: role of language, religion and script. New Delhi, 2008. P. 1–2.

²³² Китинов Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. М., 2019. С. 310–311.

²³³ Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI века (2016). С. 61–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-demografii-religioznyh-obshchin-indii-v-nachale-xxi-v/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).

территориальный статус и автономию внутри существующих штатов, также стремятся к независимости: Бодоленд, Каматапур, Карби Англонг (все – Ассам), Кукиленд (Манипур), Гароленд (Мегхалая) и так далее. Негативным последствием таких инициатив станет ещё большая фрагментарность и нестабильность и без того раздробленного общества Северо–Востока²³⁴.

Значение религии в Индии, её влияние на формирование определённых моделей и национальную идентичность велико, но проблема заключается не только в собственно конфессиональных предпочтениях жителей страны, а в том «религиозном окружении», в котором она находится. Религиозный фактор практически всегда беспроблемно используется как для получения бонусов во внутриполитической борьбе, так и во внешнем давлении на страну в случае неблагоприятной политической конъюнктуры за её рубежами. Игнорирование проблемы вызывает трудно решаемые последствия, а традиционные ценности, значимость которых сегодня подвергается значительной ревизии, по–прежнему остаются важными для многих этносов, и это приходится учитывать в том числе и властям Индии.

Известная концепция «столкновения цивилизаций» находит своё подтверждение в той части, что население региона, территориально принадлежащее Индии, географически находится в точке «цивилизационного разлома» на пересечении нескольких государств (Китай, Бангладеш, Мьянма, Бутан, Непал). Данная территория – средоточие индийской, китайской, буддийской и тибетской цивилизации, а население имеет большее этническое родство с сино–тибетскими народами. Присущие им особые культурные, этнические, религиозные и иные идентификационные черты сформировали специфическую этническую индивидуальность, самосознание, культуру и духовность, которая определяет национальную и духовную принадлежность, подчёркивая фенотипические особенности разнородных местных народов²³⁵.

²³⁴ Баранов С.А. Сепаратизм в Индии. М., 2003. С. 167–168.

²³⁵ Топычканов П.В. Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI века: на примере Индии и Пакистана. Дисс...к. и. н. М., 2009. С. 112–114.

Однако различия подобного характера не являются основополагающей причиной раскола общества до состояния конфликтного противостояния. Существует ряд объективных факторов, объединяющих население в единую общность в рамках многолетнего сосуществования в едином территориальном пространстве: многовековое соседство, экономическая, политическая, военная заинтересованность, более чем семидесятилетняя общая история в рамках единого федеративного государства, что не отменяет необходимости поиска общей для страны национальной идентичности²³⁶.

Подводя итоги данного параграфа, следует отметить, что географически Северо–Восток – это «стык» цивилизаций и центр конвергенции сразу трёх мировых и нескольких региональных религий: индуистской (Индия, Непал, в регионе это Ассам, Трипура, Сикким); буддистской (Мьянма), мусульманской (Бангладеш), сино–тибетской (Китай, Бутан, Северо–Восток – штаты Аруначал–Прадеш и Сикким); христианской (Северо–Восток – Нагаленд, Манипур, Мегхалая, Мизорам).

Общество региона представляет собой сложную цивилизационную «смесь» и отсутствие чётких этнических и религиозных типов. Народы этой территории относятся к категории так называемых «лимитрофных» народов, проживающих у границы двух ядровых платформ – индийской и китайской. География здесь выступает в роли катализатора определённого рода процессов, прежде всего протестов культурной, религиозной и идеологической направленности. Несмотря на длительную историю формирования определённой этнической ментальности, связанной с географическими, историческими, религиозными и иными влияниями, местное сообщество отличается друг от друга по многим параметрам (цивилизационным, этническим, конфессиональным, культурным), что создаёт определённое напряжение в этом проблемном регионе.

²³⁶ Горохов С.А. География религиозно–общинных конфликтов в Индии. Дисс...к. г. н. М., 1999. С. 170–171.

Современные тенденции, обусловленные ростом населения и количественным изменением этнического и конфессионального состава Северо–Востока, влияют на весь спектр социальных параметров. Это оказывает существенное давление на эмоциональное состояние населения, испытывающего существенную усталость от продолжающейся конфронтации и радикализма.

1.2. Эволюция развития сепаратизма в Северо–Восточной Индии

В этом параграфе будет рассмотрен процесс развития сепаратизма в регионе как закономерного исторического явления, обусловленного рядом факторов. Поликонфессиональность региона определила мотивацию и претензии к центральной власти. Предпосылками конфликта служит комплекс политических, правовых и социокультурных проблем. Сепаратизм на Северо–Востоке имеет длительный путь развития, начиная от прямых военных столкновений в 1947 году и заканчивая нынешним «перемирием» с центральной властью и признанием верховенства законов Индии. Как и всякое общественное явление, он эволюционирует и видоизменяется²³⁷.

Сепаратизм в регионе связан со временем её колониального прошлого. Длительное нахождение народов региона вне культурных и территориальных границ Индии, «противоречивое» включение в её состав активизировало националистическое самосознание с последующим возникновением множества сепаратистских и автономистских движений.

Исторически так сложилось, что Северо–Восток стал последним районом, захваченным Британией на Индийском субконтиненте. Завоевав почти всю его территорию к первой четверти XIX века, англичане стремились обеспечить безопасность границ своей империи в Индии от «мифических» угроз русской экспансии в Центральной Азии и от стремительного

²³⁷ Баранов С.А. Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии. Дисс...к. и. н. М., 2001. С. 284–285.

распространения Бирманской империи на запад. Поражение мьянманской армии в Первой англо–бирманской войне (1824–1826), по сути, предопределило контроль Великобритании над территорией региона²³⁸.

Интересен тот факт, что ни одна империя материкового Индостана в период до прихода британцев не контролировала данный регион. С древних времён явно обозначились такая черта местных народов, как стремление к независимости и своеобразной самоизоляции (сохранившаяся и поныне). Миграция с Индийского субконтинента глубинно не изменила образ жизни местного населения, ограничиваясь деятельностью проповедников и торговцев. Вместе с тем культурное влияние Индии распространилось на территории Ассама, Манипура и Трипуры, правители которых приняли различные варианты индуизма в качестве государственной религии. Длительная независимость вкупе с этнической самобытностью давали его жителям ощущение отличности от живущих в остальной части Индии. Эта «специфичность» культивируется до сих пор, ограничивая возможности коренных народов региона ассимилироваться и стать полноправной частью страны. В результате регион формировался как ассоциирующий себя с более схожими с ним высокогорными обществами Юго–Восточной Азии²³⁹.

Особенностью местного социума является традиционный уклад жизни, выстроенный в системе примордиальных (лат. *primordium* – «первоначальный, начало, основа»)²⁴⁰ связей, скреплённых родством, общим языком, землячеством, расой, кастой, религией, то есть всем тем, что определяет систему социального взаимодействия в обществе. Здесь особенно ярко проявляется лояльность по отношению к «своим» и враждебность к «чужим».

²³⁸ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 219.

²³⁹ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 220–221.

²⁴⁰ Большая российская энциклопедия (2004–2017). Примордиализм. URL: <https://bigenc.ru/c/primordializm-5b58a> (дата обращения 10.02.2023).

Это нашло своё отражение в борьбе против центральной власти, ассоциирующейся в глазах части местного населения как «чужая»²⁴¹.

Наличие исторических претензий к Центру – повод и благоприятная среда для продвижения национальных амбиций в ущерб экономическому, социальному, культурному и иному развитию. Предметом конфликта стали реально существующие противоречия и отсутствие адекватных решений в области политического признания прав национальных меньшинств, равноправия статусов этих групп²⁴².

Конфликт с такого рода претензиями к центральной власти носит скорее эмоциональный и иррациональный характер, нежели прагматичный и реалистичный, что является обоюдной ошибкой как протестующих, так и противостоящей им стороны в лице государственной власти. В своё время не была использована возможность избежать затяжного конфликта, и сепаратизм (как движение) становился всё более радикальным. Игнорирование исторических нарративов привело к возникновению движений и партий асоциального и экстремистского толка²⁴³. На этом фоне особо выделяется деятельность ряда местных радикальных группировок:

²⁴¹ Воронин С.А. Политическая культура, массовое сознание и проблемы лидерства на Востоке (теоретический дискурс). М., 2007. С. 5.

²⁴² Pure Purvattara me kamal khilane me BJP (2019) [BJP начала предвыборную кампанию в Северо-Восточной Индии (2019)]. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁴³ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2008. С. 458.

Таблица № 4. Сепаратистские организации Мегхалаи²⁴⁴, Ассама²⁴⁵, Нагаленда²⁴⁶, Трипуры²⁴⁷ и Манипура²⁴⁸

Название	Год основания	Характеристика. Цели	Районы дислокации
Garo National Liberation Army (GNLA)	2009	Участие нападениях, убийствах, похищениях, вымогательствах, в том числе, на силы безопасности. По данным МВД Индии, имеет 70 активных членов, 45 прошли обучение. Цель GNLA – суверенный Гароланд в западной части Мегхалаи.	Мегхалая
United Liberation Front of Assam (ULFA)	1979	Одна из самых опасных группировок региона, создана в Сибсагаре (Ассам). Декларированная цель – «независимый социалистический Ассам». Политический идеолог ULFA – Арбинд Раджкхова, военный – Пареш Баруа. С 1986 года взаимодействует (оружие, лагеря) с NSCN, с Армией освобождения Качина (Мьянма). Контакты с пакистанской разведкой Inter-Services Intelligence (ISI) и афганскими моджахедами. 5 февраля 2011 года заявила о готовности вести мирные переговоры с Центром без предварительных условий. Отказ П. Баруа от соглашения с властью привёл к расколу организации в августе 2012 года, руководителем «непримиримой» фракции стал Абхиджит Варман. В свою очередь, А. Раджкхова подписал в сентябре 2011 года мирное соглашение с федеральным и местным правительством.	Северо–Восток, Мьянма, Бутан, Бангладеш

²⁴⁴ GNLA chief's close aides surrender (2017). URL: <https://dailynews360.patrika.com/story/news/gnla-chief-s-close-aides-surrender-9005.html> (дата обращения: 20.02.2022).

²⁴⁵ Purvattara rajyon ke kuchh pramukh sakriya ugravadi sangathan [Самые активные радикальные группировки штатов Северо-Восточной Индии]. URL: <https://www.prabhatkhabar.com/news/other-state/mission-manipur-indian-army-para-commandos-carried-out-myanmar-hot-pursuit/470077.html> (дата обращения: 20.02.2022).

²⁴⁶ Purvattara rajyon ke kuchh pramukh sakriya ugravadi sangathan [Самые активные радикальные группировки штатов Северо-Восточной Индии]. URL: <https://www.prabhatkhabar.com/news/other-state/mission-manipur-indian-army-para-commandos-carried-out-myanmar-hot-pursuit/470077.html> (дата обращения: 20.02.2022).

²⁴⁷ 30 sal se Tripura me sakriya NLFT ke 88 ugravadi surrender kareng (2019) [88 активных участников радикальной группировки NLFT в Трипуре, действовавшей в штате в течение 30 лет, задержаны (2019)]. URL: <https://www.bhaskar.com/national/news/militant-group-nlft-sd-will-surrender-88-militant-surrender-in-tripura-01614995.html> (дата обращения 01.11.2022).

²⁴⁸ South Asia Terrorism Portal. Terrorist / Insurgent Groups (Manipur). URL: https://www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/manipur/terrorist_outfits/ (дата обращения 10.10.2023).

National Democratic Front of Bodoland (NDFB)	1994	Основатель – Ранджан Дамри. Цель – объединение районов проживания бодо к северу от Брахмапутры, независимость от Центра. В мае 2005 года подписано мирное соглашение с федеральным и местным (ассамским) правительством, на практике оно не выполнялось. Раскол на фракции.	Ассам
National Socialist Council of Nagaland (Khaplang and Tanghul groups)	1988	Фракции NSCN – результат конфликта между этническими группами нага – койяки и тангхулы. Руководители койякской фракции – под руководством Кхойле Койяка и С.С. Кхапланга. Руководители NSCN (Tanghul) – Айзак Чиси Сву и Т. Муйва. Радикальная цель фракции NSCN (Khaplang) – объединение районов региона с преобладанием нага, а также ряда районов Мьянмы, с целью формирования «Великого Нагаленда»	Восток Нагаленда, Аруначал–Прадеш (Тирап, Чангланг), Манипур, граница с Мьянмой
National Liberation Front of Tripura (NLFT)	1989	С 2005 по 2015 годы NLFT совершила 317 террористических актов. В них погибли 90 человек, в том числе 28 силовиков. Запрещённая организация (1997) в соответствии с «Законом против незаконной деятельности (предотвращение)». После 2016 года NLFT прекратила свою деятельность.	Трипура
United National Liberation Front of Manipur (UNLFM)	1964	Старейшая радикальная группировка Манипура и народа мейтеи, основана Ареамбаом Самрендрой Сингхом. Цель – отделение Манипура от Индии, создание «социалистического общества». Боевое отделение – People's Army of Manipur (создано в 1990 году). Запрещена.	Манипур
People's Liberation Army of Manipur (PLAM)	1978	Основатель Бишесвар Сингх. Цель – объединение всех местных этносов, отделения Манипура от Индии. Опора на народ мейтеи. В 1989 году был основан RPFM (Revolutionary People's Front of Manipur (RPFM)). Запрещена.	Манипур (включая район Импахал и Садар Хилл)
Kangleipak Communist Party (KCP)	1980	Основана Ваи Ибохамби. Цель – отделение Манипура от Индии, сохранение культуры народа мейтеи. «Канглейпак» – историческое название Манипура. В 1995 году В. Ибохамби убит сотрудниками индийских спецслужб, что вызвало раскол КСР. В мае 2006 года группировка объединилась вновь.	Манипур
Kanglei Yavol Kanna Lup (KYKL)	1994	Объединение вооружённых группировок народа «луп». Цели – защита культуры мейтеи, «этнического национализма» региона. Протестуют против дискриминации, коррупции, наркотрафика.	Манипур (Импхал, Бишенпур, Тхубал)
United Front of Doliyanrang (UFD)	2011	Представляет интересы народностей «долиянгранг» – импуи, чиру и других племенных меньшинств. Помимо индийских сил безопасности, конфликтует с Тангхульской фракцией NSCN.	Манипур

Сепаратистские организации Нагаленда представлены самой известной местной партией NSCN (National Socialist Council of Nagaland), имеющей множество фракций. Движения Манипура декларировали в качестве цели создание отдельного государства «Манипур». Ими использовались все

возможные механизмы манипуляторного воздействия на население: местные языки, религии, обычаи и традиции. Так, сепаратисты декларировали необходимость возрождения санмахи – традиционной племенной веры, что привело к протестам, тогда как местное население всего лишь сопротивлялось стремительному росту влияния ислама и особых привилегий для него (применение бенгальской письменности в штате мигрантами из Бангладеш).

Деятельность сепаратистских радикальных организаций и движений региона претерпела серьезные изменения, её эволюцию в новейшее время следует рассматривать в трёх измерениях. Это христианский и мусульманский радикализм, а также индусский национализм. Приоритеты экономического, социокультурного развития остались за пределами их интересов, выдвинув на первый план этнические и конфессиональные разногласия.

Наиболее противоречивым движением остается христианский радикализм. Нагаленд долгие годы являлся «лакмусовой бумажкой» всего сепаратистского движения региона, точкой наивысшего протестного напряжения. По мнению экспертов, это связано с принятием нага христианства в его радикальных проявлениях, в частности, адвентизма и баптизма. По мнению Нандиты Хаксар, между принятием христианства и национальным движением нага существует очевидная корреляция. В доколониальные времена культура и религия нага были неразрывно связаны с сельскохозяйственными циклами, а после принятия христианства этот аспект был полностью утрачен. Нага отказываясь от традиционных верований, теряли свои древние культурные коды и институты, такие как *mong* («вече»). Активно нивелировалось значение родных языков, их сохранение не поощрялось, применение допускалось лишь в качестве временной меры, главным образом для перевода Библии и христианских молитв²⁴⁹.

Деятельность христианских миссионеров не ограничилась одним реформированием духовных и культурных корней нага. Народ в

²⁴⁹ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 317.

колониальные времена лишился целого ряда культурных ценностей, хранящихся ныне в различных западных музеях. В современных условиях утрату культурной идентичности нага можно отнести к числу невозвратных потерь. По этой причине движение нага и сегодня ограничивается вооружённым и политическим противостоянием властям, и в меньшей степени – стремлением к сохранению собственной национальной культуры и традиций. Баптизм, который исповедует большинство молодого населения Нагаленда, отрицает культурное наследие как ненужный пережиток прошлого. Баптизм, «адвентизм Седьмого дня» и католицизм оказали специфическое влияние на культурную идентичность нага²⁵⁰.

Значительный рост доли христиан связан с продолжающейся миссионерской деятельностью католиков и протестантов в регионе, несмотря на Закон об ограничении деятельности христианских миссионеров. Центр рассматривает иностранных миссионеров как «подстрекателей» сепаратизма нага. В рамках борьбы с этим явлением ещё в 1956 году налагался запрет на посещение миссионерами этих территорий. И только в 1972 году евангелисту Билли Грэму было позволено посетить Нагаленд и организовать массовый крестный ход в Кохиме, в котором участвовало более 100 тысяч человек²⁵¹.

Последователи христианства в регионе, составляющие в ряде штатов религиозное большинство (Нагаленд, Мизорам), довольно агрессивны в отношении иных конфессий, что стало своего рода визитной карточкой христианских радикалов и сепаратистских группировок²⁵². Индийских христиан отличает противоречивость взглядов и позиций, они естественно принимают идеи марксизма–ленинизма и Мао Цзэдуна, при этом посещая мессы. Их деятельность под библейскими лозунгами («Трипура – земля

²⁵⁰ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 318–319.

²⁵¹ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 322.

²⁵² Kunal Ghosh, Vikas Kumar. Separatism in North-East India: role of language, religion and script. New Delhi, 2008. P. 94–95.

Христа» или «Нагаленд за Христа»)²⁵³ порождает очень большой конфликтогенный потенциал, что в целом подтверждается статистикой совершённых преступлений и правонарушений в этом регионе.

Таблица № 5. Инциденты и погибшие граждане в штате Нагаленд (2009–2021)²⁵⁴ и Трипура (2009–2021)²⁵⁵

Частью сепаратистского мировоззрения нага стало противостояние инакомыслию даже в собственных рядах. На различных этапах истории этих народов любое из племён с лёгкостью могло быть признано «антинациональным» либо его вклад в развитие национального движения мог считаться «недостаточным». Один из важнейших вызовов для национализма нага – трайбализм (от англ. tribe – «племя») – культурно–бытовая, культовая и общественно–политическая племенная обособленность, характеризуется замкнутостью, стремлением к исключительности, враждебностью по отношению к другим этническим и иным группам²⁵⁶.

По мнению политического деятеля региона Хорама, трайбализм является одной из ключевых причин столкновений и нестабильности и приводит к межплеменной вражде и убийствам в Нагаленде, которые продолжаются в течение 30 лет. Он негативно сказывается на единстве народа,

²⁵³ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 235.

²⁵⁴ Ministry of Home Affairs (India). URL: [NE_Major_Achievements_14032022E\[1\].PDF](#) (mha.gov.in) (дата обращения 20.09.2023).

²⁵⁵ Ministry of Home Affairs (India). URL: [NE_Major_Achievements_14032022E\[1\].PDF](#) (mha.gov.in) (дата обращения 20.09.2023).

²⁵⁶ Академик (электронный словарь). Трайбализм. URL: https://greater_political.academic.ru/195/%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%99%D0%91%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения 10.02.2023).

и процесс его дезинтеграции только усиливается²⁵⁷. Это мнение свидетельствует о перерождении идей сепаратистских движений от идейного противостояния властям до местных внутренних террористических разборок, что теоретически можно рассматривать как начало «заката» сепаратизма как явления. Политическими лидерами нага предпринимались не увенчавшиеся успехом попытки создания консолидирующих организаций, таких как Naga Noho (парламент/ассамблея) или Объединённый совет нага. Разобщённость этого народа такова, что даже предоставление полномочий для малых племён нага (с населением в три–четыре деревни) не обеспечивает их максимальной репрезентации в местных органах самоуправления²⁵⁸.

По данным МВД Индии, с 2009 по 2021 годы на Северо–Востоке фиксировалось множество правонарушений и терактов. На этом фоне особенно выделялась деятельность NLFT, которая демонстрировала крайнюю степень нетерпимости по отношению к представителям иных религий. В 1980–1990–е годы в Трипуре произошли трагические события, когда NLFT объявил «вне закона» поклонение священным индуистским божествам Дурге, Сарасвати, Лакшми, были зафиксированы акты насилия против приверженцев индуизма, мусульман, буддистов и их священнослужителей²⁵⁹.

Проблемой Ассама и Трипуры стало увеличение количества мусульман–мигрантов из Бангладеш. Раздражителем может выступить любой повод на религиозном, бытовом, культурном и каком–либо другом уровне. В Ассаме среди лидеров ULFA есть индуисты, мусульмане, христиане, что, в свою очередь, служит поводом для нападок радикальных националистов NLFT²⁶⁰.

Индийские националисты – организация Rashtriya Swayamsewak Sangh (RSS) – вносят свой вклад в борьбу против лиц, не являющихся индуистами.

²⁵⁷ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 364.

²⁵⁸ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 364.

²⁵⁹ Subir Bhaumik. Troubled periphery: crisis of India's North East. New Delhi, 2009. P. 235.

²⁶⁰ Subir Bhaumik. Troubled periphery: crisis of India's North East. New Delhi, 2009. P. 237.

Распространение христианского радикализма провоцирует их ответную агрессию, поскольку организация видит в этом прямое или опосредованное иностранное вмешательство. Лидеры RSS обвиняют христианские СМИ в распространении «идеологии освобождения», пропагандистской деятельности из серии «Путь к Христу – это путь народных выступлений», требуют от правительства наложить запрет на подобную деятельность. Правительство же сохраняет нейтралитет, стараясь напрямую не вмешиваться в этот вопрос²⁶¹.

Растущая угроза со стороны радикальных исламистов заставила RSS пересмотреть свою позицию в отношении христиан. По мнению бывшего лидера организации К.С. Сударшана, проникновение террористов из Бангладеш представляет для региона большую опасность, чем традиционное противостояние индуистов и христиан. Однако объединение этих конфессий перед лицом исламской угрозы оказалась призрачным, поскольку взаимная вражда сильнее, чем осознанное понимание опасности исламского радикализма (за исключением штата Ассам, где мусульмане играют существенную роль)²⁶².

Мусульманская община в Ассаме создала ряд вооружённых группировок, сильнейшей из которых стала MULTA (Muslim United Liberation Tigers of Assam). Основанная в 1997 году, она имела тесные связи с радикалами–суннитами из Sipah–e–Sahaba Pakistan (SSP). В планах было создание большого исламского государства Бангладеш с включением в его состав Ассама и бирманской провинции Аракан, населённой преимущественно мусульманами из НРБ. MULTA выдвигала требования по утверждению системы шариатских судов в Ассаме. Препятствием для подобных нововведений стали аресты и смена политических лидеров на менее радикальных и более умеренных, а также эффективная работа силовых и разведывательных структур Индии по ликвидации данной группировки²⁶³.

²⁶¹ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 238.

²⁶² Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 239.

²⁶³ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 242–243.

Достижению этнического и конфессионального единства региона мешает чрезвычайная фрагментарность пространств, свойственная многонациональному государству²⁶⁴. Процесс дробления на множество национальных, конфессиональных образований на Северо–Востоке настолько велик, что едва ли не в каждом населённом пункте есть своя история, вера, национальность, привычки и традиции. Всё это предопределяет сложности в построении общей коммуникации. Поводом становится любой конфликт в среде множества религиозных и этнических групп, претендующих на самоопределение как в рамках, так и за рамками общего государства. Правящая партия BJP придерживается идеологии индуистского национализма, и это болезненно воспринимается большинством жителей региона.

Национальная идентичность в условиях социальной нестабильности – это важный фактор позиционирования любой отдельно взятой личности или группы людей. В последние десятилетия XX века ряд событий в корне изменили вектор возможностей взаимодействия, различные виды культурной идентификации стали и объединяющим началом мировосприятия и позиционирования человеческой цивилизации, и возможностью для развития конфликта²⁶⁵. Так происходит и в Северо–Восточной Индии, где особенности исторического и цивилизационного развития играют значимую и довольно противоречивую роль.

Причинами конфликта, усугубляющими проблемы региона на межэтническом уровне, сохранения сепаратизма как социального явления, остаются такие факторы, как географическая отдалённость от Центра; демографическая ситуация и связанные с нею проблемы перенаселённости, бедности, безработицы; фактор чрезмерной фрагментации по этническому принципу в условиях, когда ни один этнос не является большинством; коммуникативные барьеры, связанные с многоязычием, отсутствием единого

²⁶⁴ Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра. М., 2012. С. 28.

²⁶⁵ Баширов Л.А. Онтологическая природа этнического и религиозного феноменов (2011). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskaya-priroda-etnicheskogo-i-religioznogo-fenomenov/viewer/> (дата обращения 20.05.2023).

и признанного государственного языка; этнические стереотипы и предрассудки, искажающие мировосприятие, с целью сохранения родовых ценностей в ущерб общей коммуникации и социализации в общегосударственном масштабе; межконфессиональные противоречия в условиях, когда ни одна религия не является доминирующей²⁶⁶.

Разногласия внутри местного общества имеют устойчивые, мало меняющиеся во времени тенденции, связанные с конфессиональной и этнической разобщённостью. Коммунализм, выступающий как явление политической жизни страны, снижает возможность полноценной интеграции конфессиональных и этнических меньшинств в рамках единой Индии.

В то же время развитие исламского фундаментализма и деятельность сепаратистских группировок под этим «флагом» в качестве политической силы в Индии ограничено и пока не имеет значительного потенциала роста в силу особого положения местных мусульман в условиях горизонтальной и вертикальной разобщённости. Однако можно предположить, что с учётом значительного конфликтного потенциала многочисленных этносов и конфессий проблема сепаратизма в регионе будет сохраняться.

Утверждение главенства той или иной религии в рамках многоконфессионального государства, нетерпимость к иным религиозным предпочтениям практически неизбежно приводит к обострению обстановки и росту популярности радикальных идей. Современный конфессиональный состав региона – это сложное образование последователей разнообразных религиозных течений. Более того, изменение конфессиональных параметров способно привести к нарастанию напряжённости в обществе. Современные ценности, связанные с «обществом потребления» и его потребностями, мало связаны с религией, нравственными и моральными категориями, присущими народам с цивилизационными нарративами, сформированными вековыми традициями и историей. В регионе активно происходят процессы размывания

²⁶⁶ С.К. Das. Inclusive development of North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://www.indiawaterportal.org/regions/north-eastern-range> (дата обращения 20.12.2022).

исторических и религиозных корней, это заметно на примере Нагаленда, где протестные движения позиционируют себя как борцов за сохранение этничности, конфессиональной независимости. Анализ деятельности местных сепаратистских движений выявил иррациональность подобных конфликтов.

Сепаратизм в регионе (как любой иной конфликт такого рода) имеет как типичные, так и специфические внутривнутриполитические аспекты, включая причины, формы, проявления, закономерности, динамику и последствия. Комплекс дополнительных факторов (высокогорное географическое расположение региона, проживание в условиях суровой труднодоступной местности, историческое прошлое, связанное с перманентной борьбой за свою независимость, экономическая и политическая неразвитость), соединившись в одной точке, привели к возникновению и сохранению в течение длительного времени противостояния в местном обществе.

Социальное напряжение в регионе связано с процессом этнического и конфессионального давления как по линии «Индия – Северо–Восток», так и «Северо–Восток – местные национальные меньшинства». Следствием таких процессов стало накопление коллективного недовольства, реальной является угроза утраты национальной идентичности, в условиях, когда государство не обеспечивает интересы каждого отдельно взятого меньшинства.

Тем не менее, эволюционные изменения свидетельствуют о тенденциях снижения уровня агрессивности и «затухании» этого процесса. Поддержка местного населения снижается, радикальные группировки приобретают всё более маргинальный статус, превращаясь не более чем в преступные объединения. Прежний ореол «борцов за свободу и независимость» (за исключением отдельных районов Нагаленда, Манипура и Ассама) ими практически утрачен.

Оценивая современный этап развития сепаратизма в регионе, можно прийти к заключению, что только сохранение сепаратистской инерции, приверженность определённым «протестным традициям» не позволяет завершить данный конфликт. Радикальные организации Северо–Востока (во

всяком случае, та их часть, первичной целью которых было получение статусных политических преференций, экономических и социальных изменений) и государственные структуры уже переводят конфликт в более прагматичную зону его восприятия и поиска компромисса. Жёсткая конфронтация вступает в фазу «управляемого» конфликта, когда становится возможным поиск взаимовыгодных решений и путей социализации региона в рамках единого индийского государства²⁶⁷.

1.3. Сепаратизм и особенности религиозно–политической культуры Индии в XX–XXI веках

В данном параграфе анализируется влияние религиозного фактора на социально–политическую культуру Индии, которая формировалась под влиянием особых условий, присущих этой стране. Важной его целью является определение степени влияния радикальных религиозных догм на создание условий, при которых стал возможным социально–культурный регресс Северо–Востока, сопровождавшийся экономическим, социальным, культурным упадком и развитием сепаратистских тенденций.

Становление и развитие местной религиозно–политической культуры во многом совпало по времени с историческим разделом территорий Индостана в 1947 году, послужив основой для целого ряда событий, последствия которых до сих пор влияют на индийскую внутривнутриполитическую повестку. На территориях региона рост недовольства коренного населения объяснялся вполне очевидными причинами, связанными с «наплывом» мигрантов (иноверцев), равно как и проблемами, возникающими в этой связи. О более глубокой природе протестных явлений и движений индийцы предпочитали умалчивать, и они, как правило, не рассматривались²⁶⁸.

²⁶⁷ K.S. Subramanian. State, policy and conflicts in Northeast India // Routledge India. New Delhi, 2016. P. 3–4.

²⁶⁸ Subir Bhaumik. Troubled periphery: crisis of India's North East. New Delhi, 2009. P. 222.

Изменения в таких штатах, как Трипура, где переселенцы из Бангладеш в какой-то момент стали большинством населения, были настолько очевидными, что появилось устойчивое выражение «путь Трипуры» как собирательный образ негативных перемен в жизни местных общин. Темпы демографических изменений в Ассаме были менее катастрофичными, но также существенными. «Путь Трипуры» – это существенное снижение уровня жизни, опасность потери идентичности, ассимиляции народов региона, завышенные амбиции местной политической элиты, рассматривающей проблемы региона через призму конфессиональных различий²⁶⁹.

Конфликт на Северо-Востоке по своей сути имел комбинированный характер. С одной стороны, он был связан с результатами объединения в единое государство разрозненных и отдалённых территорий, отличающихся по целому ряду признаков. Данный процесс проходил на условиях, неприемлемых для местных националистических элит, желавших большей автономии вплоть до сецессии и создания отдельного государства. С другой стороны, конфликт носил эндогенный (внутренний) характер, поскольку на этих территориях, по сути, отсутствовала единая этническая и конфессиональная общность, что вносило коррективы в протестную активность местных народов.

В этом контексте интересен опыт противостояния сепаратизму в Индии. Нахождение страны в состоянии активного и затяжного военного конфликта с радикальными движениями заслуживает внимания, поскольку сепаратизм как явление возникает в мире с завидной регулярностью и может иметь негативные последствия, развиваясь, к примеру, по югославскому сценарию.

Индийский сепаратизм и опыт борьбы с ним имеет свои индивидуальные характеристики. Поэтому пример страны вряд ли может стать универсальным, учитывая особую ментальность местных народов, отличной от большей части мира. Религиозные и кастовые установки в Индии

²⁶⁹ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 222.

распространяются на все сферы жизни общества, определяют образ жизни, пути и методы преодоления проблем. Особую роль в организации внутрисполитического пространства в стране и сегодня играет религиозный фактор, влияние которого распространяется на экономическую и социальную политику правительства, деятельность политических партий и так далее. Более семидесяти лет в стране происходит постепенная трансформация и адаптация политических установок правящих партий, корректировка религиозных установок с учётом текущей обстановки. Далее будет рассмотрена политика Центра по отношению к сепаратистским штатам с позиции противостояния INC и BJP, занимающих принципиально разные позиции в вопросе значения религии в политической деятельности и урегулировании конфликта.

INC в начале своего нахождения у власти анонсировал стремление к построению эгалитарного общества с равными социальными и гражданскими правами для всех граждан с целью создания единой индийской нации. Трудности воплощения заявленных целей ограничивались возможностями политической элиты, религиозными предрассудками, отсутствием политического опыта и целым рядом других проблем. Махатма Ганди обозначал это как «грудю противоречий», несмотря на то, что ведущие индийские политики во времена «ранней независимости» (в условных границах 1947–1971 годов) формально считались куда более «прозападными» (включая аспект образования), нежели позже. В частности, интересен такой факт, как наличие европейского образования у 50% состава парламентариев Лок Сабхи (нижней палаты). В XXI веке этот показатель снизился до 25% и продолжает снижаться²⁷⁰.

Несмотря на сложности, становление индийской государственности и демократического общества в целом проходило в рамках общепринятых принципов международного гуманитарного права (МГП) и национального

²⁷⁰ Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. С. 63.

законодательства. Индия – это единственная страна в Южной Азии, где «прижилась» демократическая модель развития, основы которой, пусть и под давлением местного национально–освободительного движения (НОД), были заложены во времена британского правления в результате административных реформ 1909, 1919 и 1935 годов²⁷¹.

Согласно Конституции 1950 года, Индия является союзом штатов, где полномочия федерального Центра и регионов строго разграничены. Первый отвечает за 97 сфер (оборона, внешняя и финансовая политика, внешняя торговля, атомная энергетика и так далее). Вторые – за 66 направлений (общественный порядок, местное самоуправление, здравоохранение, сельское хозяйство, охрана лесов и экологии, праздники). К совместной компетенции относятся 47 аспектов (уголовное право, вопросы брака, экономическое и социальное планирование, трудовое законодательство и так далее)²⁷².

Принятая Индией Конституция (от 26 ноября 1949 года) зафиксировала правовой статус страны в качестве «Суверенной Социалистической Светской Демократической республики», которая обеспечивает равные права гражданам, в том числе свободу вероисповедания и культов²⁷³. Довольно парадоксально, но именно необычайная гетерогенность и разобщённость по этническому и конфессиональному признаку индийского общества до сих пор способствует сохранению демократии в стране²⁷⁴.

Политические лидеры в лице Дж. Неру, признавая сложности процесса устройства государства в новых реалиях, форсированными темпами пытались обеспечить главенство демократических принципов, связывая их с федерализацией, стремлением к автономизации, секуляризму и

²⁷¹ Алаев Л.Б. Политические системы и политические культуры Востока (под редакцией Воскресенского А.Д.). М., 2007. С. 485–486.

²⁷² Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. С. 60.

²⁷³ Constitution of India. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI...pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁷⁴ Алаев Л.Б. Политические системы и политические культуры Востока (под редакцией Воскресенского А.Д.). М., 2007. С. 488–489.

толерантностью. Однако процесс не учитывал низкий (на тот момент) уровень готовности общества к таким переменам. INC принципиально отвергала такие явления, как коммунизм, религиозный и иной фанатизм, национализм, внутреннюю и внешнюю сегрегацию и отделение какой-либо общественной группы или организации от государства и так далее. Причём это касается не только сепаратизма, но и стремления к региональной и местной автаркии²⁷⁵.

Длительное время естественной практикой для INC была стабильная преемственность государственной политики в отношении религиозного вопроса. Так, Индира Ганди как идеологический правопреемник Дж. Неру чётко акцентировала позицию партии: «Секуляризм и демократия – такова двуединая основа нашего государства, основа основ нашего общества. Коммунизм – зло, разделяющее людей и дробящее общество. Он несовместим с духом нашего народа и его культурного наследия, угрожает единству и целостности страны, а их сохранение – наша основная задача»²⁷⁶.

В дальнейшем идейная платформа Конгресса продолжала базироваться на принципах коммунизма и «единства в многообразии» вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности. Эта позиция была юридически закреплена в Конституции Индии. В пояснении к Статье XXV указано: «Название «индусы» должно толковаться как включающее лиц, исповедующих сикхскую, джайнистскую и буддийскую религию; ссылка на индусские религиозные учреждения должна толковаться соответственно»²⁷⁷.

Законопроект о 80-й поправке к Конституции содержал положение об обязанности государства с равным уважением относиться ко всем религиям, не исповедовать и не практиковать какую-либо единственную религию. В свою очередь, в рамках принятого Закона о народном представительстве

²⁷⁵ Неру Дж. (сентябрь 1946 – май 1949 гг.). Министерство информации и телерадиовещания Индии. Нью-Дели, 1967.

²⁷⁶ Ганди И. Зло коммунизма: заявления в Народной палате 22.12.1967. Пер. с английского Н.В. Алиповой. М., 1975. С. 406–407.

²⁷⁷ Constitution of India. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI...pdf>_(дата обращения: 10.01.2022).

(1951) предусматривалось отстранение от деятельности кандидатов, провоцирующих неприязнь, вражду или ненависть по отношению к представителям другой религии или общины во время своей политической кампании²⁷⁸. В Уголовном кодексе Индии (глава XV: Статьи 153А и 295А–298) за правонарушения, связанные с религией и разжигание межрелигиозной розни, предусматривается наказание сроком тюремного заключения до трёх лет²⁷⁹. Кроме того, Конституция страны в разделе «Основные обязанности граждан» обращает внимание на роль религиозного фактора в освободительной борьбе и взглядов Махатмы Ганди на религию и политику²⁸⁰.

Таким образом, можно констатировать, что на законодательном уровне был принят ряд актов, предусматривающий развитие по демократическим и секулярным принципам. Однако обретение Индией независимости в 1947 году и декларация религиозных свобод не означали автоматического отказа от колониальных методов управления. Эти методы стабильно сохраняли свои позиции, в чём и состояла двойственность позиции, правящей на тот момент партии (INC). Декларируя стремление к религиозному и этническому равенству, она в лучших традициях колониального наследия объявила ряд территорий (включая Северо–Восток) «недостаточно национальными», «отсталыми» и так далее, что вызвало протесты этой части населения.

Во второй половине 1970–х годов, с потерей безоговорочного авторитета INC, происходит постепенная смена политического вектора развития Индии. В этот период становятся популярными «хорошо забытые старые» тенденции и лозунги, наполненные извечным национальным и религиозным смыслом. Отмечается, что общая национальная и религиозная символика, культура, язык, является важным условием единства нации. Для

²⁷⁸ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 116–117. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

²⁷⁹ Indian Penal Code. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2263/1/aA1860–45.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁸⁰ Constitution of India. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI...pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

достижения политических целей местные партии всё чаще использовали глубинные религиозные мотивы электората²⁸¹.

Следует отметить, что даже INC в кризисные моменты для партии в борьбе за политическую власть не исключала из своей практики религиозную составляющую, осознавая значимость этого фактора в жизни индийского общества. Такие вроде бы «потомственные» приверженцы секуляризма, как Раджив Ганди, демонстрировали в своей предвыборной кампании (1989) элементы воинствующего индуизма и коммунализма, что выходило за рамки демократических установок партии. Показательно его выступление с обещанием «построения царства Рамы, символа истинного индуизма»²⁸². Однако отступление от фундаментальных секулярных установок не переломили тенденций назревшей смены политического курса, и INC с 1990-х годов перестала быть доминирующей партией.

Использование религиозных противоречий, как правило, приводит к гражданскому конфликту, и Индия здесь не стала исключением. Главным символом и поводом для разобщения двух общин стало разрушение в 1992 году мечети Бабура, что привело и к активизации сепаратистских движений на всей территории страны, в том числе и на Северо-Востоке²⁸³.

Принимая во внимание особую роль индуизма для индусов и количество их приверженцев в стране, значительно превосходящее все иные религии, не вызывает удивления, что на смену секулярной INC пришли партии, в большей степени склонные поддерживать индусский коммунализм (BJP, RSS). Губительная опасность сочетания политики и религии, о которой говорил ещё Дж. Неру, приобрела вполне реальные очертания для национальных и конфессиональных меньшинств, напрямую затрагивая их интересы.

Политические процессы, происходящие в Индии, на протяжении значительной части её истории имели религиозную подоплеку. Индуизм

²⁸¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 17.

²⁸² Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 113. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

²⁸³ Ландау А. Краткая история Индии. М., 2020. С. 571.

исторически воспринимается индусами (включая политические элиты) как скрепа национальных традиций, сохраняющая культуру и государственность. Выступления и действия против него приводили к росту напряжённости и вооружённому противостоянию сторон конфликта.

Слияние религии и политики – постепенный процесс, и его следует рассматривать в контексте деятельности националистических партий Индии как попытку сохранить ценности и преимущества индуизма и желание достичь национального объединения на этой платформе. Декларации BJP и демонстративное позиционирование превосходства индуизма, стремление националистов выстраивать государство с абсолютным преобладанием индийцев и индуизма как основополагающей религии (концепция *hindu rashtra* / «государство индусов») нанесли урон идеям равноправия. Они затормозили темпы формирования единой нации и страны, подтолкнув протестно настроенные регионы на противостояние на всей территории Индии.

Если говорить о сепаратизме регионов, то он связан с провозглашением и становлением политического индуизма, его коммуналистской ветви, расцвет которого пришелся на начало XX века. Одновременное появление в 1906 году двух партий националистического толка (*Muslim League* и *Hindu Mahasabha*) ознаменовали новую эру в политической борьбе с INC, традиционно поддерживающего идеи секулярности. Целью основателей *Hindu Mahasabha* являлось стремление к консолидации индусской общины и создание в Индии *Hindu rashtra*, объединяющее индусов, буддистов, сикхов и джайнов²⁸⁴.

Первыми лидерами, сформулировавшими на основе индуизма программу политических и социальных реформ в Индии, стали Даянанда Сарасвати (1824–1883) и Банкимчондра Чаттерджи (1838–1894). Затем основные направления в рамках «индусской политики» определялись Шри Ауробиндо (1872–1950) и Винаяком Дамодаром Саваркар (1883–1966)²⁸⁵. В

²⁸⁴ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 112. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

²⁸⁵ Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики. М., 2015. С. 13.

1923 году В.Д. Саваркар впервые употребляет термин hindutwa («индусскость»), включающий в себя ряд характеристик индусской нации. По его мнению, принадлежность к ней определялась территорией, кровью (арийской), культурой (классической санскритской) и религией (индуизм)²⁸⁶.

Данная концепция сформировалась в Индии в конце XIX века в интерпретации Раммохана Рая (1772–1833), Рамакришны Парамахамсы (1836–1886) и Свами Вивекананды (1863–1902) применительно к условиям новой для Индии политической действительности. Эти религиозные лидеры стали отцами–основателями таких организаций, как Brahman Samaj и Arya Samaj. Первоначально в ней были заявлены благие просветительские цели, направленные на подъём индусского самосознания²⁸⁷. Однако со временем произошла трансформация в сторону националистического и коммуналистского уклона. Этому способствовала жёсткая колониальная политика британцев, которые невольно заставили индийцев сплотиться и вспомнить о внутреннем, а не географическом единстве, которое, как правило, цементируется вечными ценностями под лозунгом «Мы – индусы»²⁸⁸.

Представления об индусах как об «особой нации» и даже расы сформировались в Индии в давние времена (например, концепция «другого» с уже упомянутым понятием mleccha, или «варвар»). На рубеже XIX–XX века в Индии оформилось и закрепилось деление по формуле «свой – чужой». Чужой – это мусульманин, христианин, в меньшей степени представитель другой религиозной общины. Характерным по своей сути является утверждение С. Вивекананды о религиозной толерантности индуизма и его адептов: «Индуизм никогда не выступал в роли гонителя иных религий. Индия – земля, на которой всегда могли сосуществовать все секты в мире и добрососедстве, но именно мусульмане принесли смерть и кровопролитие в Индостан, где до их

²⁸⁶ Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики. М., 2015. С. 136.

²⁸⁷ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии (XX век) (2014). С. 18–20. URL: <https://book.ivran.ru/f/istoriya-indii-20-.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁸⁸ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. С. 258.

нашествия преобладали мир и покой. Мусульмане, впитав учения своего Пророка, сохранили лишь инстинкт войны»²⁸⁹.

Подобная позиция религиозного противопоставления и нетерпимости в традициях формулы «свой – чужой» свидетельствует о непримиримых и фанатичных идеях в рамках националистической концепции Hindu rashtra. В свою очередь, принципы «истинного национализма» и «индусского государства», разработанные идеологом коммунизма Мадхавом Садашивом Голвалкарсом (1906–1973), базировались на основе традиционных принципов кармы и дхармы («идеальная модель государства на принципах дхармы») и «кастовой целостности общества»²⁹⁰. Провозглашалось неравенство в правах индусов и mlescha, необходимость насильственного обращения последних в индуизм. Индуизм рассматривался как национализм, направленный против мусульман (буддисты, джайны и сикхи были отнесены к индусам). Итогом стало увеличение столкновений индусов и мусульман.

Точкой отсчёта условно стал 1960 год, когда было зафиксировано 26 террористических атак, в 1964 году их уже было более тысячи, в 1969 году – 268, в 1984 году – около 500. Наиболее опасными и потенциально конфликтными стали регионы с большим процентом проживающих в них мусульман (Мумбаи, Ахмедабад, Нью-Дели, отметился в этом ряду и город Нелли штата Ассам)²⁹¹.

С 1947 по 1964 годы в Индии было зафиксировано порядка 250 религиозных столкновений, с 1966 по 1984 – 350 случаев, с 1984 по 1989 – 291,

²⁸⁹ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). С. 85. URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁹⁰ Гордон–Полонская Л.Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Ключева Б.И. и Литмана А.Д.). М., 1991. С. 29–30.

²⁹¹ Public Policy Research Centre (PPRC). Communal Riots. URL: <https://www.pprc.in/upload/A%20Fact%20sheet%20on%20communal%20riots.pdf> (дата обращения 10.02.2023).

что вынудило федеральные власти признать коммунизм одной из серьёзнейших угроз государству²⁹².

Таблица № 6. Статистика крупнейших религиозных инцидентов в Индии (1967–2002)²⁹³

Подобные концепции националистического толка можно рассматривать в качестве промежуточных на этапе формирования национальной политики страны. Однако культивирование национальной исключительности повышает вероятность эскалации насилия и прочих противоправных действий. События в регионе и других точках мира подтверждают этот факт.

Следует отметить, что традиции индийского протеста и сопротивления закладывались ещё с 1905 года, тогда сформировалась особая культура гражданского ненасильственного сопротивления против британского колониализма, мирные протесты, шествия, перекрытие трасс и так далее²⁹⁴.

Провозглашение Декларации о создании Hindu rashtra вызвало всплеск националистических настроений по всей Индии. На Северо–Востоке эта ситуация усугубилась существованием глубинных причин, а именно социальные, экономические, этнические, политические и другие.

²⁹² Гордон–Полонская Л.Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Ключева Б.И. и Литмана А.Д.). М., 1991. С. 29–30.

²⁹³ Public Policy Research Centre (PPRC). Communal Riots. URL: <https://www.pprc.in/upload/A%20Fact%20sheet%20on%20communal%20riots.pdf> (дата обращения 10.02.2023).

²⁹⁴ Всемирная история (в 6 томах). Том 6. Мир в XX веке. Эпоха глобальных трансформаций. Книга 2. М., 2017. С. 553.

Рассматривая их в совокупности, важнейшей из объективно существующих следует считать «рассвет» идеологии индуcской Hindutwa и деятельность этнических националистических и коммуналистских организаций, противопоставляющих этносы и конфессии. В условиях нагнетания конфессиональных противоречий, бесконечности политических дискуссий и поисков истины вполне закономерным стал факт развития массовых вооружённых конфликтов в Ассаме, Нагаленде, Трипуре и других территориях и жёсткое военное и политическое противостояние федеральных властей и жителей Северо–Востока, последовавшая изоляция и игнорирование интересов целого региона.

Начиная с 1970–х годов агрессивная риторика и действия властей, направленные против инакомыслящих, привели к резкому росту сепаратизма и радикализма в регионах, прежде остававшихся относительно спокойными (Пенджаб, погромы в Гуджарате, теракты в Джамму и Кашмире и так далее). Вряд ли в долгосрочных планах идеологов Hindu rashtra просчитывалась столь ожесточённая реакция и способность к длительному сопротивлению как со стороны многочисленных местных народов (нага, ассамцев, бодо, мизо, кхаси и так далее), так и других народов Индии²⁹⁵. В результате искусственное культивирование этой концепции адептами националистических партий принесло неисчислимыe потери в экономической, социальной сфере, став причиной утраты многих материальных и нематериальных ценностей.

Распространение идеологии hindutwa явилось катализатором обострения разобщения, что обусловило рост конфликтных процессов. Протесты стали ответом национальных меньшинств на угрозу (или осуществление) притеснения по религиозному признаку (выступая как пример «религиозной самообороны»)²⁹⁶. К началу 1980–х годов распространение в индийском политическом поле идеи «индусскости» и процессов «рамаизации»

²⁹⁵ Баранов С.А. Сепаратизм в Индии. М., 2003. С. 167–168.

²⁹⁶ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). С. 8. URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

(1983) во внутренней политике открыли новую эпоху воинствующего индуизма и наступление коммунализма. Эти процессы происходили на фоне роста популярности BJP, основанной в 1980 году²⁹⁷. Партия «индусского национализма» объединила адептов hindutwa и индусские националистические организации RSS (1925), SP (Sangh Parivar, 1963), VHP (Vishwa Hindu Parishad, 1964) и так далее²⁹⁸.

Е. Ю. Ванина приводит высказывание лидера RSS Кешава Балирама Хедгевара (1889–1940): «Строительство индусской нации было более важной задачей, чем борьба за независимость страны, поскольку все беды страны – нищета и экономическая отсталость – проистекают не от англичан, а от раздробленности и пассивности индусов. Все проблемы индийского общества и развития можно решить с помощью всеобщей индуизации»²⁹⁹. Деятельность RSS формировалась согласно этой концепции, пропагандировалась идея хиндутвы и её ценностей как в самой Индии, так и за её пределами. Для этого были задействованы общественные организации, благотворительные зарубежные фонды (VHP) и другие структуры³⁰⁰.

Участие BJP в парламентской деятельности укрепляет авторитет партии (и в целом значимость индуизма). Уже в 1980–е годы она, по сути, становится рупором политических устремлений RSS. В предвыборной компании 2014 года Нарендра Моди, являющийся сторонником идеологии hindutwa (согласно которой индуизм является неотъемлемой частью национального духа), акцентировал внимание электората на своём стремлении стать политиком, способным возродить Индию в традициях индуизма и добиться для страны статуса великой державы с глобальными амбициями³⁰¹.

²⁹⁷ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии (2011). С. 8. URL: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2011/11021.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁹⁸ Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики. М., 2015. С. 136.

²⁹⁹ Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М., 2014. С. 233.

³⁰⁰ Ключев Б.И. Политический индуизм // Древо индуизма. 1999. С. 452–469.

³⁰¹ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии. С. 115. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения 10.02.2022).

Сегодня статус страны как демократического государства подвергается сомнению, политическую систему Индии относят к «авторитарно–демократическим», фиксируя постепенный отход от заявленного и закреплённого в Конституции «единства в многообразии». Это связывается с определённым давлением религиозного фактора³⁰².

По мнению Л. Б. Алаева, демократическое устройство индийского государства – явление противоречивое и уникальное в силу «местных особенностей», ограничивающих его возможности. Это связано с культурными традициями, низким образовательным уровнем значительной части населения, натуральным ведением хозяйства (на уровне прошлого века), зачастую обеспечивающим лишь физическое выживание. Население в своей массе не интересуется перипетиями внешней и внутренней политики. Тем не менее, индифферентно настроенные граждане, как правило, полноценно участвуют в демократических выборах, демонстрируя высокий уровень гражданской активности. Средний показатель явки избирателей составляет 60–70%, что говорит о достаточной «политизации» общества. И таких парадоксов в индийской политической культуре более чем достаточно³⁰³.

Другим противоречивым явлением современной индийской жизни является ситуация, когда стремление к социальной мобилизации на почве hindutwa в целом не оправдало возложенных на него надежд. Национализм не стал популярен в обществе, чему способствовала традиционная «кастовая солидарность», всё та же не изжитая пассивность и раздробленность индусов (о которой говорил ещё К.Б. Хедгевар). Свою роль сыграла низкая политизированность армии (в отличие от Пакистана и Бангладеш, где она зачастую играет ведущую роль в вопросах формирования

³⁰² Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. С. 64.

³⁰³ Алаев Л.Б. Политические системы и политические культуры Востока (под редакцией Воскресенского А.Д.). М., 2007. С. 486–488.

внутриполитической повестки)³⁰⁴. С другой стороны, современные тенденции всё же свидетельствуют о частичном отступлении от норм секулярного пути развития государства. Фиксируется довольно глубокое проникновение религиозных установок во многие сферы общественной и политической жизни Индии. Стабильность последних побед BJP на парламентских выборах подтверждает версию о приходе к власти политических сил, которые теоретически могут стремиться к созданию Hindu rashtra.

Несмотря на то, что последние десятилетия XX и начало XXI веков стали временем существенных изменений в социальной и общественно–политической жизни страны (в условиях, связанных с усилением позиций индуистского коммунизма), утверждать, что демократические традиции потеряли своё значение, было бы неверным. Правительство Н. Моды демонстрирует прагматичность в принятии политических решений, в том числе по формированию гражданского общества, скреплённого единой целью развития вне зависимости от религиозного фактора.

Деятельность нынешней правящей партии свидетельствует о сохранении преемственности демократического устройства общества, несмотря на ожесточённую риторику в отношении политических оппонентов. BJP продолжает курс INC на либерализацию и приватизацию экономики, на словах заявляя о неприемлемости подобных идей для Индии. При BJP большее значение стали приобретать региональные партии, которые заявляют о борьбе за права низших каст и «неприкасаемых» («Социалистическая партия», «Партия общественного большинства» и другие)³⁰⁵.

Меняется роль административного управления, повышается уровень регионализации и автономии штатов (не ставящих при этом под сомнение приоритет Центра в ключевых, стратегических вопросах), роли региональных партий и коалиционных правительств (местном и в общегосударственном

³⁰⁴ Алаев Л.Б. Политические системы и политические культуры Востока (под редакцией Воскресенского А.Д.). М., 2007. С. 488–489.

³⁰⁵ Алаев Л.Б. Политические системы и политические культуры Востока (под редакцией Воскресенского А.Д.). М., 2007. С. 504.

масштабе). В регионе уже задействуется достаточно демократичный подход и использование комплексных правовых, экономических и иных процедур, поскольку силовые методы утрачивают свою эффективность³⁰⁶.

Статус Индии как значимой мировой державы в настоящее время быстро возрастает. Об этом свидетельствует возросший политический авторитет страны и значительные экономические успехи. В связи с этим корректируются и внутренние задачи, поскольку подобные планы не могут выполняться в условиях внутренней конфронтации в обществе.

Северо–Восток находится в центре внимания правительства Н. Модии, это является частью стратегии по выравниванию диспропорций в уровне развития регионов страны. В этой связи необходимо отметить, что с приходом к власти BJP существенно снизился уровень радикализации региона. BJP во все периоды своего нахождения у власти (1977–1980, 1998–2004 и с 2014 года) традиционно уделяла внимание проблемам региона. Так было и при Морарджи Десаи, и при Атал Бихари Ваджапаи. В то же время к INC у жителей Северо–Востока накопилось много претензий, при этом секулярный и толерантный подход Конгресса вроде бы куда больше подошёл бы полиэтническому обществу региона. Ряд местных жителей, как правило, голосуют в протестном ключе и против Конгресса. Так, в Трипуре долгие годы побеждали коммунисты, таким образом население пыталось обратить внимание INC на свои проблемы³⁰⁷.

Подобные изменения в том числе связаны с прагматичным политическим курсом BJP на обновление и стабилизацию на Северо–Востоке. Партия признаёт справедливость претензий местных жителей, для которых всегда немаловажным являлся сам факт внимания Центра к их проблемам. Это

³⁰⁶ Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М., 2015. С. 60.

³⁰⁷ Pure Purvattara me kamal khilane me BJP (2018) [BJP начала предвыборную кампанию в Северо–Восточной Индии (2018)]. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (дата обращения: 20.10.2022).

можно считать ещё одной особенностью индийского менталитета (чем более периферийным является регион, тем важнее этот аспект).

Политика Н. Моди – это выверенная программа, которая не исключает применения жёстких мер в ответ на террористические акции сепаратистов. Тем не менее, в целом он демонстрирует умеренную позицию, стараясь отмежеваться от позиции индуистских радикалов и декларируя идею «развития всех и для всех». Н. Моди признаёт целесообразность либеральных подходов в решении конфессиональной проблемы и право каждого жителя Индии придерживаться собственных религиозных воззрений. В этой связи характерно его высказывание: «Мы не можем согласиться с насилием в отношении любой религии под любым предлогом. Моё правительство не позволит какой-либо из религиозных групп возбуждать ненависть к представителям других религий. Принцип равного уважения ко всем верованиям в течение тысячелетий был частью нашей нравственности»³⁰⁸.

Нынешнее правительство сегодня обладает большей политической волей и большими экономическими возможностями, нежели предыдущие руководители Индии. В противостоянии с сепаратизмом ставка сделана на экономическое возрождение нестабильных регионов. Аналитики сходятся во мнении, что стране может хватить гигантского (по современным меркам) роста ВВП, а также упорства, свойственного индийской нации, чтобы в ближайшее время решить проблему регионального сепаратизма³⁰⁹.

В то же время реализация подобного сценария может осложниться международной политической конъюнктурой и реально существующими проблемами общества, включая стремительный рост населения, который уже сегодня ограничивает возможности государства решить проблему экономического отставания региона. За данными позитивной статистики стоят

³⁰⁸ Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике (2017). URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=9632> (дата обращения: 10.01.2022).

³⁰⁹ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М., 2016. С. 438–439.

миллионы человек, живущих за чертой бедности, и следует признать, что повышение уровня их жизни идёт не столь быстрыми темпами.

Демографический фактор оказывает влияние не только на сферу экономики, но и влияет на изменение конфессиональных пропорций в структуре населения за счёт высокой рождаемости в мусульманской и христианской общинах, что вызывает беспокойство в националистических кругах. О таких тенденциях свидетельствуют данные локальных переписей и опросов, приведённые в работах С.А. Горохова и Т.Т. Христова и других³¹⁰.

Даже минимальный рост в такой многонаселённой стране, как Индия, даёт существенный количественный прирост религиозным общинам. Изменение конфессиональной структуры общества в стране, где традициями индуизма пропитана вся общественная и политическая жизнь общества, представляется непредсказуемым. Раздражение националистических партий вызывает миссионерская деятельность с её «вербовкой» адептов, когда часть индуистов либо иных верований переходит в христианскую, мусульманскую, буддистскую или иную религиозную конфессию. Активная часть адептов индуизма ещё в 2014–2015 годах на всех уровнях поднимала тему защиты «индусской религии» посредством принятия на федеральном уровне законов, запрещающих переход из индуизма в другие религии³¹¹.

Активисты BJP и RSS усматривают в процессе перехода в христианство и мусульманство опасность для индуизма и требуют принятия специальных мер, способных законодательно ограничить темпы роста мусульманских и христианских общин. Это касается и населения Северо–Востока, для которого смена религии может являться символом протеста против центральной власти.

Следует отметить, что переход в другую веру для улучшения жизненного статуса приобретает в Индии серьёзные масштабы. Например, ещё в 1950 году около полумиллиона «неприкасаемых» приняли буддизм в штате Махараштра. В 1970–1980-х годах массовый переход в ислам был

³¹⁰ Горохов С.А., Христов Т.Т. Религии народов мира: учебное пособие. М., 2016. С. 44–45.

³¹¹ Горохов С.А., Христов Т.Т. Религии народов мира: учебное пособие. М., 2016. С. 44–45.

отмечен в штатах Андхра–Прадеш, Бихар, Уттар–Прадеш. При этом каждая религиозная группа в Индии традиционно считает себя лучшей. Прозелитизм стал одним из важных общественных явлений жизни страны³¹². Зачастую такие переходы связаны с меркантильной возможностью решить бытовые проблемы за материальное вознаграждение.

Подобная ситуация требует продуманной политики со стороны правительства. В 7 из 29 штатов, таких как Аруначал–Прадеш, Гуджарат, Мадхья–Прадеш, Орисса, Раджастан и Химачал–Прадеш, смена религии уже запрещена. С другой стороны, это расценивается как попытка наступления на права религиозных меньшинств и право на конфессиональный выбор. Очевидно, что пока религия и власть в Индии не отделены друг от друга, ситуация будет оставаться напряжённой³¹³.

Опасность для общества представляет фанатичная преданность индуизму, что является причиной многих проблем. Умеренная и толерантная позиция может нивелировать негативные последствия процессов индуизации. Результаты опроса Pew Research Centre, опубликованные в 2021 году, говорят о том, что индийцы традиционно уважительно относятся к другим верованиям. Однако они склонны к религиозной сегрегации на бытовом уровне, это касается браков, соседства с людьми других конфессий, кастовых ограничений, – дань традиционно консервативному мировоззрению³¹⁴.

В свою очередь, Т.Л. Шаумян приводит интересный факт оценки самих индусов религиозного влияния на общественные отношения в социуме. Политологи и рядовые индийцы склоняются к мнению, что именно связь

³¹² Гордон–Полонская Л.Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Б.И. Ключева и А.Д. Лотмана). М., 1991. С. 36–37.

³¹³ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 116–117. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения: 10.02.2022).

³¹⁴ Зубжицки Дж. Краткая история Индии. М., 2023. С. 282.

между религией и политикой является угрозой государственной и территориальной целостности, подрывающей устои индийской демократии³¹⁵.

Следует также отметить важность общенационального и регионального диалога для решения острых проблем, который в целом распространён в индийском обществе. Иной подход характерен для мусульманской среды, он связан с её относительной обособленностью в индийском обществе.

Экономическая интеграция, набирающая ход в Индии, растущие темпы участия населения Северо–Востока в развитии общего трудового рынка, заинтересованность индийского бизнеса и управленческого аппарата в снижении социальных протестов позволит регулировать этот процесс путём экономических преобразований, предоставлением рабочих мест беднейшим слоям населения и «неприкасаемым»³¹⁶. Тем не менее, отделение религии от власти и политики в Индии на сегодняшний день представляется крайне маловероятным событием. Ситуация в долгосрочной перспективе может меняться в зависимости от успехов экономических и социальных реформ, дальнейшего качественного изменения жизни населения, повышения его образовательного уровня. Рассматривая такой вариант как для Индии в целом, так и для региона, в частности, следует отметить два ключевых сценария развития событий: конфликтный (конфессиональная эскалация) и компромиссный (снижение уровня религиозной активности и значимости религии в общественных отношениях). Вероятно, что при любом сценарии обществу может угрожать эскалация напряжённости, связанная с сопротивлением как со стороны конфессионального большинства, так и со стороны меньшинств.

Религиозный фактор и процессы его эволюции интересны в первую очередь его влиянием на динамику изменений политической и в большей

³¹⁵ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 115–116. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения: 10.02.2022).

³¹⁶ Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии (2021). С. 118–119. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/399/351> (дата обращения: 10.02.2022).

степени экономической политики правительства в отношении сепаратистских штатов. Внутриполитическая борьба лидирующих партий (INC и BJP) не способствовала созданию гибкой национальной и религиозной политики федеральных властей по отношению к региону. Ошибочность упрощённых подходов в решении или толковании этих вопросов заключалась в переоценке исключительности индусской цивилизации, как безоговорочной скрепы во взаимоотношениях общества Индии.

Позиция INC была ограничена формальным частичным удовлетворением требований населения штатов, склонного к сепаратистской активности, в частности, путём предоставления определённого статуса (штатов) и политических прав отдельным территориям. В то же время социально–экономические требования, религиозные и этнические запросы игнорировались, что не позволяло решить проблемы местного населения.

Программа BJP по решению проблем региона, вероятнее всего, затронет процессы, связанные с дальнейшей федерализацией страны и постепенному стиранию границ (религиозных, экономических и социальных). Это осуществляется посредством долгосрочных секторальных реформ, требующих больших капитальных вложений, финансовых изменений, новаций, креативных и нестандартных решений. Их эффективность может быть объективно оценена спустя годы.

Религия и политика – важнейшие факторы, оказывающие влияние и на развитие индийской демократии. Однако считать, что этот процесс представляет угрозу государственной и территориальной целостности страны на современном этапе, как минимум преждевременно. Несмотря на возрастание роли коммуналистских партий, Индия уже прошла длительный путь демократического развития, и маловероятно, что эти достижения могут быть утрачены даже с учётом религиозного и иного давления.

Способность эволюционировать, проявлять здравый смысл свидетельствует об определённом уровне развития политической культуры национальных и региональных лидеров. В частности, это проявляется в

признании существования условных точек «цивилизационных разломов» (в том числе в регионе Северо–Востока), поскольку этот фактор, в отличие, например, от экономического или социального, является константой³¹⁷.

Результаты деятельности нынешнего правительства Индии на этом этапе её развития в целом следует рассматривать как прогрессивные. Его политика сбалансирована в отношении этнических и религиозных меньшинств и коренного населения, и это в целом снижает степень протестной активности населения, ограничивая проявления недовольства³¹⁸.

Современная этническая и конфессиональная политика Индии выглядит в большей степени стабильной. Отраслевая деятельность ВЈР и корректировка некоторых её позиций в среднесрочной и долгосрочной перспективе предполагает поиск консенсуса между индуистами и другими национальными меньшинствами. Снижение доли первых вряд ли в критической степени нарушит установившееся конфессиональное равновесие.

Однако серьёзной проблемой может стать растущее внутривыполитическое соперничество, поскольку меняющийся конфессиональный баланс стимулирует рост притязаний христианских и мусульманских партий, стремящихся к активной политической борьбе. ВЈР заинтересована в избирателях региона, тем более что последние сейчас демонстрируют ей большую лояльность, нежели к INC. Выполнение обязательств по стабилизации обстановки в регионе является дополнительным бонусом в индийской партийной борьбе.

Всё более очевидным становится тот факт (результаты последних выборов косвенно подтверждают это), что ВЈР входит в эпоху «патологии длительного нахождения у власти» – синдрому INC, некогда мощной и авторитетной политической партии. ВЈР суммарно находится у власти более 19 лет из 77 с момента обретения Индией независимости. Несмотря на критику

³¹⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 15.

³¹⁸ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 6.

со стороны оппозиции в организационной негибкости и высокомерии, Н. Моди на сегодняшний день остаётся самым харизматичным и популярным национальным лидером, который жёстко контролирует решение текущих проблем. По данным Morning Consult, его личный рейтинг достигает 78%³¹⁹.

На выборах 2019 года BJP получила 37,6% голосов сельских избирателей, 32,9% – полусельских, 36% – избирателей с низкими доходами, 33–48% – низших каст. Несмотря на вполне справедливую критику индуистского национализма и «травлю» мусульманского населения, партия нарастила долю голосов среди религиозных меньшинств (2009 – 4%, 2014 – 9%, 2019 – 19%). Однако в Индии политические предпочтения электората являются непредсказуемыми, и существующая мажоритарная система, вкупе с традициями индийских избирателей, зачастую выбирающими «протестное голосование», способны преподнести немало сюрпризов. Предположение, что BJP одержит убедительную победу в 2024 году, не подтвердилось, лояльность избирателей оказалась несколько ниже. Тем не менее, партия осталась у власти благодаря поддержке NDA (National Democratic Alliance) и популярности Н. Моди, подкреплённой ресурсами правящей партии³²⁰.

В свою очередь, оппозиция продемонстрировала высокую степень договороспособности коалиционных сил, объединившихся вокруг INC. Индийский национальный всеобъемлющий альянс развития (INDIA – акроним от Indian National Developmental Inclusive Alliance) сообщая получил 230 мест в Лок сабхе. Конгресс одержал победу в 99 избирательных округах, удвоив свои показатели (по сравнению с 47 местами в 2019 году). В условиях нагнетания

³¹⁹ Зеегофер Е.Ю. Победа с лёгким привкусом разочарования: BJP удержала власть в Индии, но лишилась статуса партии большинства (2024). URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/pobeda-s-legkim-privkusom-razocharovaniya-bdp-uderzhala-vlasty-v-indii-no-lishilasy-statusa-partii-bolyshinstva> (дата обращения: 10.07.2024).

³²⁰ Зеегофер Е.Ю. Победа с лёгким привкусом разочарования: BJP удержала власть в Индии, но лишилась статуса партии большинства (2024). URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/pobeda-s-legkim-privkusom-razocharovaniya-bdp-uderzhala-vlasty-v-indii-no-lishilasy-statusa-partii-bolyshinstva> (дата обращения: 10.07.2024).

кризисных ситуаций в мире уязвимость правительства ВЈР возрастает. Индия – демократическая страна, где любая оппозиционная партия развивается в динамичной и конкурентной политической среде и имеет право бороться за власть и влияние, чем и пользуется оппозиция. В частности, звучат серьёзные обвинения в адрес правящей партии, связанные с опасениями возрастания коммуналистской риторики и действий ВЈР, в том числе в виде принятия поправок к Закону о гражданстве, давления на политических оппонентов СМИ и авторитаризмом Н. Моди³²¹.

Разделительная политика, такая как Закон о внесении поправок в Закон о гражданстве и Национальный реестр граждан, оттолкнула от ВЈР ряд общин меньшинств. Фиксируется рост числа инцидентов, а связь партии с правым экстремизмом поляризует общество. Акцент партии на индуистских националистических настроениях при одновременном оттеснении проблем меньшинств мобилизует оппозиционные силы, объединившиеся в различные группы. Оппоненты ВЈР утверждают, что сценарий религиозного и кастового разделения и раскола сознательно используется ей в целях получения политических дивидендов. По мнению INC, невозможно построить Индию будущего «на наполненном ненавистью религиозном, кастовом и экономическом разделении»³²².

Подводя итоги главы, следует отметить, что в Индии существует прямая взаимосвязь между религией и политикой. В случае ужесточения религиозной повестки в связи с активной деятельностью националистических партий может возникнуть реальная опасность утраты государственной целостности. В индийских реалиях идеи националистов о создании государства с превалированием идей превосходства индуизма как стержневой религии являются деструктивными. Федеральные власти должны быть заинтересованы в сохранении стабильного конфессионального баланса. Угроза

³²¹ Policy Wire. A Critical Analysis of BJP Loosing Grip (2024). URL: <https://policy-wire.com/a-critical-analysis-of-bjps-loosing-grip/> (дата обращения: 10.07.2024).

³²² Policy Wire. A Critical Analysis of BJP Loosing Grip (2024). URL: <https://policy-wire.com/a-critical-analysis-of-bjps-loosing-grip/> (дата обращения: 10.07.2024).

территориальной целостности исходит как от отдельных штатов региона, являющихся центрами сепаратистской деятельности (в частности, Ассам, Манипур и Нагаленд), так и от территорий, имеющих серьёзные притязания в области самоопределения (Бодоленд, Гароленд, Каматапур и так далее).

В первые годы индийской независимости на волне патриотических устремлений о создании национального государства (Hindu Rashtra) был допущен ряд политически ошибочных действий, вызвавших желание многочисленных национальных и конфессиональных меньшинств сохранить свою идентичность. Попытки изолироваться и отделить себя от основной Индии в рамках независимых государств привели к многолетнему военному противостоянию, экономическому отставанию, разрушению инфраструктуры, прогрессирующей социальной незащищённости населения в разных регионах страны, а Северо–Восток стал одним из центров сепаратистской активности.

Территория Северо–Востока в социальном и экономическом отношении находится в числе отстающих регионов, и это следует рассматривать как последствия сепаратизма (с одной стороны) и длительное игнорирование развития протестующих территорий со стороны центральной власти (с другой). Предоставление индийским государством статусов федераций, штатов с определённым набором политических прав и свобод для местных территорий принципиально не решило их проблемы.

Религиозная составляющая играет важную роль в определении вектора политики правительства в отношении региона. Тем не менее, анализ его деятельности не позволяет утверждать, что религиозный фактор играл определяющую роль в практическом формировании модели развития региона. Так, объективно более успешными стали попытки коммуналистской партии BJP решать экономические и социальные проблемы Северо–Востока. Сегодня BJP пытается нивелировать религиозное размежевание и конфронтацию путём дистанцирования от радикальных проявлений воинствующего национализма и совершенствованием религиозной и политической культуры Индии, которая претерпела самые противоречивые изменения.

Изменения начинаются с секуляризма INC с его целями и задачами, заканчиваются коммунализмом BJP, вынужденного из соображений целесообразности менять свои взгляды на более умеренные. Исходя из реальности, процесс изменения политических подходов следует рассматривать как продолжающийся поиск оптимизации межконфессиональных отношений с целью достижения религиозного равновесия в обществе, поскольку это один из немногих способов сохранения стабильности индийского государства. Несмотря на то, что политическая риторика и практическая деятельность индийского правительства корректируется согласно заявленным целям, фактор влияния религии на политику является актуальным и способен продолжать оказывать давление на демократические традиции и устройство государства.

ГЛАВА II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ИНДИИ И СЕВЕРО–ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ В РАМКАХ БОРЬБЫ С СЕПАРАТИЗМОМ

2.1. Экономическая политика центрального правительства в Северо– Восточной Индии

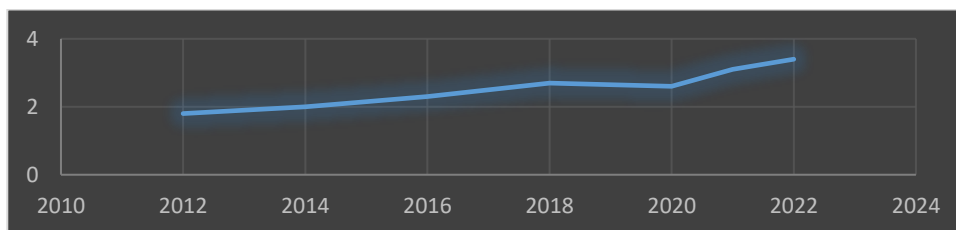
Во второй главе исследования рассматриваются экономические пути и методы разрешения конфликта в регионе, позволяющие трансформировать и снижать уровень вооружённого сопротивления посредством устранения причин конфронтации, связанных с экономическим упадком, бедностью, безработицей и другими деструктивными явлениями, характерными для этого региона. Анализ экономической деятельности позволяет оценить эффективность использования управленческих методов правительства Индии в решении данной проблемы.

Экономическая политика федерального Центра – это часть национальной стратегии по вхождению в элиту мировых держав и решению внутренних проблем индийского общества, связанных в том числе с решением вопроса с сепаратизмом. Индия стремится стать третьей экономикой мира, обогнав по этому показателю Японию³²³. Важнейшим показателем новой ступени развития считается достижение показателя ВВП в 5 трлн долларов по ППС (паритету покупательной способности) к 2024 году³²⁴. Достичь таких параметров Индия не смогла в силу различных объективных причин (энергетический кризис, пандемия COVID (2021–2023) и ряд других. Тем не менее, реальный ВВП в динамике отражает современные тенденции и при определённых условиях может вырасти до запланированных параметров.

³²³ Зубжицки Дж. Краткая история Индии. М., 2023. С. 282.

³²⁴ Ankita Sharma. India's North–East may become a growth engine (2019). URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.03.2022).

Рисунок № 3. Динамика ВВП Индии, в трлн долларов (2012–2021)³²⁵

Стоит отметить, что INC ещё до прихода к власти Н. Моди (в 2014 году) пыталась изменить вектор развития Северо–Востока. Был запущен целый ряд проектов и правительственных программ, целью которых являлось стремление к снижению диспропорций развития и выход на опережающее развитие этих территорий. В частности, в 2008 году правительство Манмохана Сингха (INC, 2004–2014 годы) осуществили ряд мер экономического характера для преодоления отставания. Была принята программа NEC Vision–2020, которую впоследствии использовали в качестве «дорожной карты». Федеральным Министерством развития Северо–Восточной Индии, Комиссией по планированию, Советом региона и правительством штатов был разработан Complex Plan for NER Comprehensive Development (2008–2020 годы), который, в случае его реализации мог обеспечить развитие региона. Штатам региона был присвоен статус SCS (Special Category Status), предполагающий 90% финансирования проектов из федерального бюджета³²⁶.

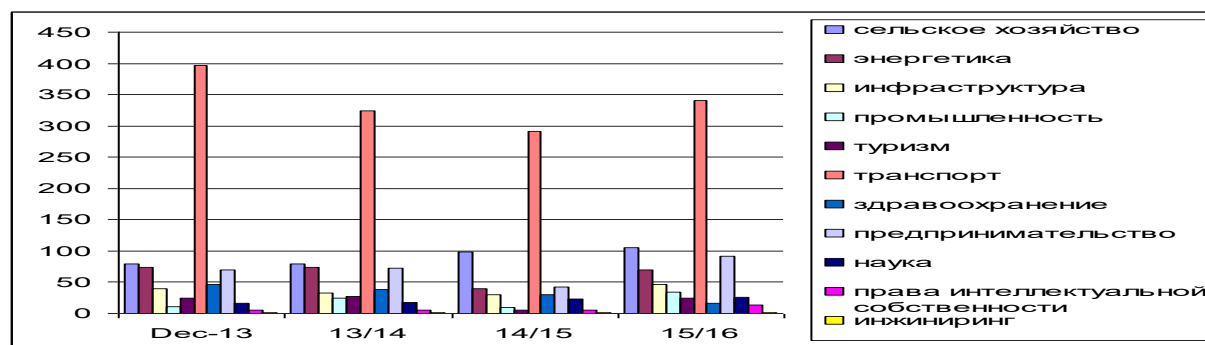
Государство брало на себя обязательства по решению экономических и социальных проблем. Однако на создание и имплементацию экономической программы потребовалось длительное время, что заведомо снижало уровень её эффективности. К разработке Плана привлекались компетентные специалисты, 17 экспертных групп прорабатывали механизмы реализации NEC Vision–2020. Были максимально охвачены все сферы деятельности

³²⁵ Trading Economics. Индия (ВВП). URL: <https://ru.tradingeconomics.com/india/gdp> (дата обращения 10.08.2023).

³²⁶ NEC Regional Plan (2017–2018 to 2019–2020). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017–18%20to%202019–20.pdf> (дата обращения 20.10.2022).

(социальные, культурные, экономические). В обсуждении участвовали Министерство развития Северо–Восточной Индии, Совет Северо–Востока, ряд федеральных министерств. Приоритетными были признаны следующие отрасли развития:

Рисунок № 4. Приоритетные отрасли развития Северо–Восточной Индии в 2013–2016 ф. г. (для инвестирования, в млрд рупий)³²⁷

Объёмы финансирования, представленные выше, свидетельствуют о ориентированности программы развития на модернизацию транспортной системы, сельского хозяйства и объектов энергетики, науку, образование и другие социальные сферы. Классический подход для реализации подобных программ ранее был достаточно успешно апробирован в других регионах страны³²⁸. Инициативы правительства А. Б. Ваджпай (1998–2004) и BJP по обеспечению инфраструктурного и технологического развития частично решили ряд проблем региона.

³²⁷ NEC Regional Plan (2017–2018 to 2019–2020). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017–18%20to%202019–20.pdf> (дата обращения 20.10.2022).

³²⁸ NEC Regional Plan (2017–2018 to 2019–2020). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017–18%20to%202019–20.pdf> (дата обращения 20.10.2022).

Таблица № 7. Среднегодовые темпы роста ВВП (%) в 2005–2010 годах³²⁹ и Индекс многомерной бедности в регионе (2015–2016)³³⁰

Штат	ВВП (%)	Уровень	Индекс многомерной бедности в регионе (в тысячах рупий)	
Аруначал–Прадеш	13	Высокий	10–20	
Ассам	7	Средний	20–30	высокий
Манипур	10–10,9	Выше среднего	10–20	
Мегхалая	13	Высокий	20–30	высокий
Мизорам	13	Высокий	меньше 10%	низкий
Нагаленд	11–11,9	Выше среднего	10–20	
Трипура	12–12,9	Выше среднего	10–20	

Министерство развития региона (создано в 2001 году) в сложных экономических и политических условиях не смогло в корне изменить ситуацию. В целом 2004–2014 годы (время правления INC) для региона обернулись фактическим «застоем», многие проекты развития оказались приостановлены, деятельность Министерства и Совета была малоэффективна. Именно в эти годы радикально настроенная часть общества активизировала протестные действия, следствием чего стала дестабилизация, уровень жизни населения достиг тогда критического состояния³³¹.

Оценка ситуации в регионе тех лет представлена в исследовании С. Хазарики. Он считал, что местное население, по сути, не видело существенных экономических или социальных изменений, за исключением обеспечения защиты территорий от китайской агрессии в далёком уже 1962 году (в Аруначал–Прадеш). Отсутствие внятной программы развития, коррупция, nepotism, безработица и массовый отток молодёжи стали раздражителем для общества. Четко сформировался дисбаланс между ожиданиями людей и

³²⁹ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 448–449 (рис. 55).

³³⁰ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 448 (рис. 53).

³³¹ Pure Purvattara me kamal khilane me BJP (2018) [BJP начала предвыборную кампанию в Северо–Восточной Индии (2018)]. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (дата обращения: 20.10.2022).

возможностями их удовлетворения, что как правило, приводит к депрессии либо к агрессии. Время здесь в те времена как будто остановилось³³².

Осуществлению поставленных задач помешали традиционные уже проблемы внешнего и внутреннего характера. Тормозом развития стал не разрешённый конфликт между Центром и территориями сопротивления (Ассам, Нагаленд, Манипур). В определённой степени они до сих пор остаются источником угрозы территориальной целостности страны, отвлекая значительные финансовые ресурсы на поддержание порядка и политической стабильности в Северо–Восточной Индии.

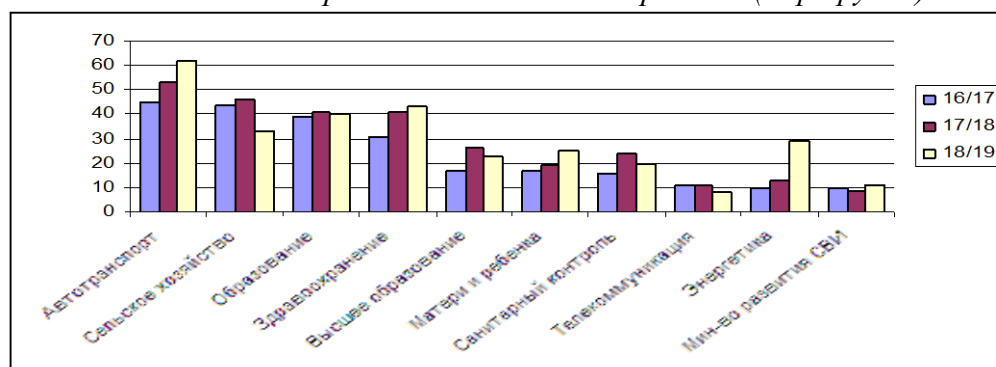
Ситуация изменилась с приходом к власти в 2014 году BJP, которая учла критические настроения населения. О внимании к нуждам региона свидетельствует тот факт, что за пять лет Н. Моды более 30 раз посетил его. До 2021 года деятельность партии имела однозначно положительную оценку, население связывало с ней свои надежды на кардинальное изменение ситуации. BJP поддерживали даже в таких «левых» штатах региона, как Трипура. Партия Н. Моды NDA (National Democratic Alliance) уверенно лидировала на выборах³³³.

Федеральное правительство пытается изменить общую стратегию возрождения промышленного и хозяйственного потенциала региона. Приоритетными традиционно остаются вопросы экономического развития региона, социализация населения, обеспечение безопасности.

³³² Sanjoy Hazarika. *Strangers of the Mist. Tales of War and Peace from India's North East*. New Delhi, 2011. P. 13.

³³³ Ankita Sharma. *India's North–East may become a growth engine* (2019). URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.03.2022).

Рисунок № 5. Финансирование проектов Министерства развития региона по отдельным департаментам и министерствам (млрд рупий)³³⁴

В 2016–2021 годах получила новый импульс деятельность Министерства развития региона. Основным его функционалом стал контроль над реализацией ряда инфраструктурных проектов, разработка критериев приоритетного финансирования ключевых программ.

Таблица № 8. Деятельность Министерства развития региона (2016–2021)³³⁵

Финансовый год	Общий объём целевых средств	Расходы из целевых средств	Реализация
2016–2017	321,808	293,679 млрд рупий	91,26%
2017–2018	409,717	397,534 млрд рупий	97,03%
2018–2019	470,88	455,181 млрд рупий	96,67%
2020–2021	60 112,11	48 563,8 млрд рупий	94,7%

Анализ экономических показателей свидетельствует о разграничении приоритетов и динамичной реализации правительственных проектов. Это автотранспортная, сельскохозяйственная, энергетическая отрасли, социально ориентированные направления (образование, здравоохранение, охрана материнства и детства и другим).

Н. Модии акцентирует внимание на право народов региона на равнозначный с иными штатами, вклад в модернизацию Индии. Прослеживается стремление к синхронизации общенациональной концепции

³³⁴ NEC Regional Plan (2017–2018 to 2019–2020). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017–18%20to%202019–20.pdf> (дата обращения 20.10.2022).

³³⁵ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: [https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual Report 2021–22.pdf](https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual%20Report%2021–22.pdf) (дата обращения 20.05.2023).

развития страны в целом, без деления её на региональные составляющие. Такой подход способен изменить самоидентификацию жителей региона, которые должны стать реальной, а не номинальной частью Индии. В этом контексте характерна цитата из выступления Н. Модии: «Природные ресурсы в сочетании с талантом молодёжи дают Северо–Восточной Индии возможность сыграть важнейшую роль в развитии страны. Индия не будет идти вперёд, пока этот регион не будет развиваться»³³⁶. В планах развития страны Северо–Востоку отводится роль драйвера экономического роста. Федеральная власть пытается переломить ситуацию в регионе в пользу достижения устойчивой и последовательной динамики.

Современные процессы в Индии предполагают кардинальные перемены во всех сферах. Был инициирован процесс по созданию NESIDS (North East Special Infrastructure Development Scheme). Речь идёт о 100% финансировании проектов центральным правительством. В рамках проекта выделяются дополнительные средства на строительство инфраструктурных объектов водоснабжения, энергетики, туризма, начальному и среднему образованию, здравоохранению. Для 22 проектов было выделено около 8,85 млрд рупий.

Таблица № 9. Финансовые средства, выделяемые на развитие региона (2016–2021)³³⁷

Министерство / Департамент	Общий объём целевых средств (млн рупий)			Реализация (%)
	2016–2017	2017–2018	2020–2021	
Министерство транспорта	678	789,8	3,6529	99,5
Департамент с/х развития	657,2	684,6	726,2	115,6
Департамент с/х	179,4	425,7		43,6
Д/т телекоммуникаций	167	165,6		48,2
Министерство энергетики	156,2	192,8	131,8	105,3
Министерство развития региона	145,1	130,5	51270,9	82,2–96,81
Всего	4,83 млрд	6,15 млрд		91,3

³³⁶ Ankita Sharma. India's North–East may become a growth engine (2019). URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.03.2022).

³³⁷ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021-22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

Эти данные подтверждают намерения правительства о преобразовании Северо–Восточной Индии в динамично развивающийся регион. Существенные финансовые вливания подчёркивают геополитическую значимость, которая придаётся сейчас региону. Так, в 2021 году расходы по бюджету составили 8,7246 млрд рупий (помимо указанных в таблице, сюда вошли такие направления, как ирригация – 115,7 млн рупий; промышленность – 529,8; туризм – 312,6; медицина – 320,1; социальная сфера – 993,4; наука – 259,6; интеллектуальная собственность – 74,5; оценка и мониторинг проектов – 16,4; неотчуждаемые ресурсы СВМИ – 1,38 млрд; незапланированные расходы – 213,5)³³⁸.

Когда говорят об успехах правительственной программы в регионе, упоминают ее знаковые достижения: открыт самый длинный железнодорожный и автомобильный мост в Индии (Мост Богибиль, 4,94 км, 2018). Проект имеет практическое и имиджевое значение; построены более 900 км дорог, высокоскоростная трасса протяженностью 3000 км (2021), соединившая Аруначал–Прадеш с остальными территориями региона и страны, позволяет решить проблемы внутренней коммуникации населения в отдалённых территориях (программы NERSDS / North East Road Sector Development Scheme и Bharatmala – около 3800 км федеральных трасс). Строительство моста «Дхола–Садия», который пересекает Брахмапутру в Ассаме. В рамках программы Bharatmala предусмотрено строительство 35 тысяч км высокоскоростных автодорог, часть которых пройдет через регион; интенсивное развитие воздушного транспорта, открытие Института авиационного обучения в Гувахати, модернизация аэропортов в Гувахати и Димапуре (Ассам); строительство первого в регионе Университета спорта в

³³⁸ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

Импхале (Манипур); поддержка региональной текстильной промышленности по NER TPS (North East Region Textile Promotion Scheme)³³⁹.

Региону отводится роль связующего звена между Индией, Южной и Юго–Восточной Азией. В рамках геополитических устремлений Индии SASEC рассматривается в качестве противовеса китайскому проекту «Один пояс – один путь»³⁴⁰. Формируется стратегическая концепция развития транспортных коммуникаций SASEC (South Asia Sub–regional Economic Cooperation), с предоставлением финансовой помощи региону в рамках SCA (Special Central Assistance) и SPA (Special Plan Assistance).

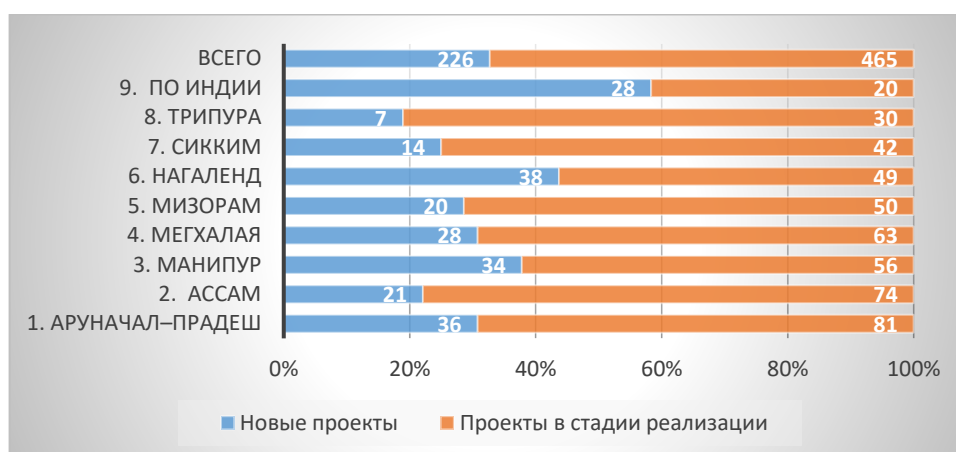
В целях координации планов местного развития создана система многочисленных фондов: 1) Проект GBS (General Budget Support), подразумевает 10% отчисления в фонд развития региона; 2) NLCPR (Non–Lapsable Central Pool of Resources), выделяющий 10% средств из фондов федерального правительства; 3) NEIPP (North East Industrial & Investment Promotion Policy)³⁴¹. Поощряется использование максимально либеральных схем финансирования проектов. Актуальной является проблема освоения бюджетных ассигнований, велико количество незавершённых объектов.

³³⁹ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁴⁰ Government revises North East Industrial and Investment Promotion Policy (2016). URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/govt-revises-north-east-industrial-and-investment-promotion-policy/articleshow/56071886.cms?from=mdr> (дата обращения 10.01.2022).

³⁴¹ Government revises North East Industrial and Investment Promotion Policy (2016). URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/govt-revises-north-east-industrial-and-investment-promotion-policy/articleshow/56071886.cms?from=mdr> (дата обращения 10.01.2022).

Таблица № 10. Количество проектов по штатам региона (2019)³⁴²

Приоритетным является развитие Ассама, Нагаленда и Аруначал–Прадеш, наиболее отстающих в социально–экономическом развитии и занимающих последние места в рейтинге инфраструктуры Индии³⁴³. Они же занимают первые места по сепаратистской активности. Правительство учитывает паритет интересов штатов, который складывается из таких критериев, как численность населения, недостаточность развития инфраструктуры. Аруначал–Прадеш, в том числе в силу своего территориального соседства с КНР, не признающей его частью Индии, также остаётся в зоне повышенного внимания со стороны государства.

В регионе сегодня актуальны проекты по развитию дорожной сети, инфраструктурные объекты с высоким мультипликативным эффектом, укрепляющие региональное взаимодействие, интеграцию и трансграничное сообщения, решающие проблему фактической изоляции местных народов от «материковой» части государства. Программа модернизации включила десятки тысяч километров дорожной сети, это федеральные трассы (national highways) и местные дороги. Первоочередная задача – это соединение всех столиц местных штатов (Агартала, Айзаул, Гангток, Диспур, Импхал, Итанагар, Кохима и Шиллонг) и 88 районных администраций 2–х и 4–х

³⁴² Ministry of Development of North–East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

³⁴³ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 187.

полосными дорогами и сетью узкоколейных и ширококолейных железных дорог³⁴⁴. Растущий внутренний трафик – показатель возрастающей экономической и социальной активности – требует расширения мощностей отраслевой сети, в том числе для торговых операций с соседними странами. Примечательно, что первая железная дорога в Мегхалае была запущена только в ноябре 2014 года. В 2016 году Агартала (Трипура) – узел, объединяющий внутренние регионы Северо–Восточной Индии и Бангладеш, получила ширококолейную железнодорожную сеть по программе Act East³⁴⁵.

Учитывая, что 96% территории региона имеет протяжённые границы с Бангладеш и Мьянмой, Северо–Восток может стать транспортным, логистическим и коммерческим узлом взаимодействия со странами ASEAN (Association of South East Asian Nations). Предусмотрено развитие дорожных и портовых проектов в Мьянме, увеличение пропускной способности таможен на индо–бирманно–бангладешской границах³⁴⁶.

Множество районов региона по–прежнему остаются без какого–либо транспортного сообщения. Проблема осложняется особыми природными условиями, когда дороги в условиях крайне влажного климата становятся непригодными для использования. Таким образом, приоритетным направлением становится создание сети внутренних авиаперевозок, строительство новых и модернизация действующих аэропортов. Министерство развития региона взаимодействует с Министерством гражданской авиации Индии по вопросам превращения аэропортов региона в современные хабы, например, в Агартале (Трипура) и Гувахати (Ассам).

³⁴⁴ Ministry of Development of North-East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

³⁴⁵ Ministry of Development of North-East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

³⁴⁶ Ministry of Development of North-East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

Модернизируются технические зоны, вводятся в эксплуатацию современно оснащённые ангары (Гуавахати)³⁴⁷.

С 2015 года было открыто прямое авиасообщение из Нью–Дели в Димапур (Нагаленд), с Нагалендом («Калькутта–Силчар (Ассам)», Нью–Дели и Айзаул (Мизорам). В 2018 году введён в эксплуатацию аэропорт Greenfield (Пакьонг, Сикким)³⁴⁸. Это может показаться малозначительным фактом, но для местных жителей – это решение целого ряда жизненно важных проблем.

Решение транспортной проблемы важный шаг в превращении региона в туристический кластер. Реализуются проекты в Шиллонге (Мегхалая), Импахале (Манипур), создаются системы коммерческого авиасообщения между Гуавахати и Нью–Дели, Бангалором, Джайпуром, совместные проекты с крупными вертолётными компаниями (Pawan Hans), что свидетельствует о перспективном сотрудничестве бизнеса и региональных властей³⁴⁹.

Министерство внутреннего водного транспорта Индии реализует ряд проектов по развитию системы водного транспорта региона, в том числе, «Национальные водные маршруты–2» (река Брахмапутра) от ассамских городов Дхубри (граница с Бангладеш) до Садии (Ассам) а также от Лакхипура до Бханги (река Барак). В Ассаме (2018) были запущены паромные перевозки, между островами Ниямати и Маджули (Тезпур), северный и южный берег Брахмапутры, Гоалпаром, Гуавахати, Нагаоном и Дибругархом (Ассам). В планах восстановление водных путей Гумти и Оара (Трипура) для коммуникационного сообщения с Бангладеш³⁵⁰. Статистические данные свидетельствуют о прогрессе в области транспортной доступности в регионе:

³⁴⁷ Ministry of Development of North–East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

³⁴⁸ Ministry of Development of North–East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

³⁴⁹ Ministry of Development of North–East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

³⁵⁰ Ministry of Development of North–East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018–19.pdf> (дата обращения 25.01.2022).

Таблица № 11. Транспортная доступность региона (2021)³⁵¹

Штаты	Аэропорты (2021)	Автомобильные регионального значения (2021)	Автомобильные федерального значения (2019)	Водные пути (2020)	Железные дороги (2020)
Аруначал	4	13,5	2537	311	12
Ассам	7	2530	3909	1938	2519
Манипур	1	781	1750	44	13
Мегхалая	1	768	1156	90	9
Мизорам	1	170	1423	155	2
Нагаленд	1	650	1548	276	11
Сикким	1	663	463	-	-
Трипура	1	1057	854	-	193
Всего	17	20119	13640	2814	2759,3

Важным направлением является развитие энергетической сферы, в регионе остро стоит проблема недостатка электроэнергии. Существенная доля электроэнергии импортируется из других регионов Индии, и Непала, Бутана, КНР. Сегодня реализуются проекты общей мощностью 5480 МВт. Аруначал–Прадеш имеет наибольший водный потенциал (50064 МВт). Проекты находятся под контролем CPS (Central Public Sector), финансируются МНВЭИ (Министерство новой и возобновляемой энергетики Индии), Советом Северо–Восточной Индии³⁵².

Такие проекты, как «Мега дамбы» (Mega dams), решают множество задач в сфере дорожной коммуникационной инфраструктуры, способствуя развитию рыболовства, ирригации, вводу в строй новых систем водоснабжения. Эффект от реализации такого проекта состоит в развитии инфраструктуры, повышении квалификационных стандартов подготовки кадров, решении социальных задач, обеспечении занятости и так далее.

Согласно данным МЭИ, в регионе введены в эксплуатацию 5 объектов гидроэнергетики (мощность 2810 МВт), в Сиккиме – 10 (2622 МВт).

³⁵¹ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁵² C.K. Das. Sustainable development in North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable–development–and–eastern–india> (дата обращения 20.09.2022).

Реализация программы NER PSIP (NER Power System Improvement Project) оптимизирует систему передачи электроэнергии в шести штатах, за исключением Аруначал-Прадеш. Так, в Манипуре стало возможным непрерывное энергоснабжение не менее 18 часов в день. Этот план реализован в рамках программы CPSRI (Continuous Power Supply to the Rural India) и для местных жителей является жизненно необходимым³⁵³.

Рисунок № 6. Динамика роста потребления электроэнергии в регионе³⁵⁴

Анализ объёмов потребления электроэнергии в регионе приближен к средним индийским показателям. Прирост потребления электроэнергии вырос от 6,5% в Мегхалае до 346% в Мизораме (при среднеиндийском показателе в 70,8%). В то же время Индия серьёзно отстаёт от показателей целого ряда стран мира (КНР – 5467, Бразилия – 2640, Россия – 6767). Правительство стимулирует привлечение в эту отрасль иностранных инвесторов, заключаются кредитные соглашения на максимально мягких условиях. На развитие энергетики региона в 2021 году было выделено 131,8 млн рупий³⁵⁵. Можно констатировать достижение значительного прогресса в этой сфере.

Другой важным направлением развития является сельскохозяйственное производство. Это крайне важно в контексте того, что и в настоящее время

³⁵³ Ministry of Development of North Eastern Region (29.05.2015). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=122120> (дата обращения 20.10.2022).

³⁵⁴ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁵⁵ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

Северо–Восточная Индия представляет собой типичный сельскохозяйственный регион.

Таблица № 12. Доля занятого населения в сельском хозяйстве (по штатам региона)³⁵⁶

Штат	Экономика
Аруначал–Прадеш	35% населения штата заняты с/х, обрабатываемые ирригацией земли – 17%; доля земель под лесом – 62%. Основная с/х культура – рис.
Ассам	63% работающего населения штата заняты с/х и смежными отраслями. Доля лесных угодий – 23%. Основная с/х культура – рис.
Манипур	88% «горного» и 60% «равнинного» населения штата заняты в с/х и смежных отраслях, животноводство, рыболовство и лесоводство.
Мизорам	60% населения штата заняты в с/х.
Мегхалая	80% населения штата – в с/х. Основная культура – рис, фрукты.
Нагаленд	85% населения штата заняты в с/х.
Трипура	Основные с/х культуры – рис, джут, хлопок и чай, сахарный тростник, горчица и картофель.

Государственные планы и проекты сориентированы на развитие малого бизнеса, что является принципиальной позицией правительства. Уровень производства по штатам неоднороден, в горных районах региона сохраняется традиционное подсечно–огневое земледелие и используются древние методы ведения сельского хозяйства; недостаточным остаётся количество современных агропредприятий, что сдерживает экспортный потенциал и привлечение инвестиций; результатом перенаселённости является сокращение пахотных земель, тогда как новые угодья практически не осваиваются; по сути, отсутствует система ирригационных сооружений, низка продуктивность основных сельскохозяйственных культур (риса); недостаточно используются современные методы агрономии, химические удобрения, отсутствуют сертифицированные семена и так далее. Слабым звеном также является логистическая система, современные системы хранения и переработки, рынки.

³⁵⁶ C.K. Das. Sustainable development in North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable–development–and–eastern–india> (дата обращения: 20.09.2022).

Местная власть не справляется с этими проблемами, для этого требуется федеральное регулирование и поддержка³⁵⁷.

Тем не менее, можно констатировать и положительные тенденции в развитии агропромышленного потенциала региона. Темпы роста отрасли начиная с 2014–2021 годов возрастают. Модернизация производства в рамках масштабной программы Make in India приносит результаты. Наличие таких природных ресурсов, как вода, четыре климатических зоны, позволяют поддерживать чайное производство Северо–Востока на мировом уровне.

Более 50% всего чая в Индии производится в регионе (и не только в Ассаме). В 2020 и 2021 годах экспорт чая из Индии составил 209,72 млн кг и 195,5 млн кг соответственно, в перспективе объёмы производства будут только возрастать³⁵⁸. Чайная промышленность традиционно вносит значительный вклад в рост ВВП страны. Финансируется программа производства чая по XIV пятилетней «Программе развития и продвижения чая» на период 2021–2026 годов³⁵⁹. Кроме того, уникальное биоразнообразие даёт Северо–Восточной Индии перспективу стать «зелёным хабом» по производству экологически чистых продуктов. Производство зерновых в 2021 году достигло 8870 млн тонн. Значителен потенциал производства бамбуковой древесины (произрастает около 80 видов бамбука), которая может стать перспективным направлением для Мизорама («Бамбукового штата») и Трипуры (производство целлюлозы). Производство мебели, бумаги в регионе может обеспечить потребности всей страны³⁶⁰. Правительство финансирует внедрение инновационных технологий, позволяющих повышать урожайность,

³⁵⁷ C.K. Das. Sustainable development in North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable-development-and-eastern-india> (дата обращения: 20.09.2022).

³⁵⁸ Экспорт чая из Индии вырос на 16% (ТАСС). URL: <https://tass.ru/ekonomika/16622281> (дата обращения: 20.05.2023).

³⁵⁹ Индия стала крупнейшим производителем чёрного чая (Российская газета). URL: <https://rg.ru/2022/01/25/india-stala-krupnejshim-v-mire-proizvoditelem-chernogo-chaia.html> (дата обращения: 20.05.2023).

³⁶⁰ Bamboo and Cane Development Institute. URL: https://paramparaproject.org/institution_BCDI.html (дата обращения: 20.01.2022).

механизировать ручные процессы производства. В этой связи следует отметить, что в Агартале был создан правительственный BSDC (Bamboo Sector Development Council) и BCDI (Bamboo and Cane Development Institute) при Министерстве текстильной промышленности Индии.

Производство сельскохозяйственной продукции неуклонно растёт, в 2021 году было произведено 4507,77 млн тонн фруктов и 6142 млн тонн овощей³⁶¹. Внутренние и внешние экспортные возможности региона – это, традиционные уже ананасы, киви, грибы, пальмовое масло и знаменитый ассамский чай. Мировые тенденции в условиях новых требований к производству органических и экологически чистых продуктов питания OFM (Organic Farming Mission) дают возможность региону занять свою нишу. К примеру, Ассам занимает второе место в Индии по промышленному производству чая и джута, Аруначал-Прадеш – по производству бамбука, Трипура – четвёртая по производству резины³⁶².

Промежуточным итогом реализации правительственных программ развития стало то, что в штатах, специализирующихся на выпуске сельскохозяйственной продукции, некоторые показатели производства находятся на лидирующих позициях на уровне страны в целом. Так, 18% всего индийского шёлка производится в регионе, по данному продукту штат Ассам занимает третье место в Индии³⁶³.

³⁶¹ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁶² Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁶³ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

Таблица № 13. Производство сельскохозяйственной продукции (2021)³⁶⁴

Штат	Резина	Джут	Чай	Бамбук (в м)
Аруначал–Прадеш	450	-	11,2	<u>7455000*(2 по Индии)</u>
Ассам	24300	<u>794 (2 по Индии)*</u>	678	-
Манипур	1850	-	-	-
Мегхалая	9100	95	0,47	-
Мизорам	750	-	-	-
Нагаленд	4930	38	1,27	-
Трипура	<u>53050 (4)*</u>	6	8,7	-

Неуклонно растёт количество индустриальных технологических парков и других отраслевых объектов, связанных с производством и хранением продуктов питания, актуальных в условиях климатических особенностей страны. Создаются современные центры агропромышленного развития (8 объектов), зоны аграрного экспорта (4), аграрные кластеры (8), масштабные продовольственные парки (6), тестовые лаборатории и логистические аграрные центры (79), контейнерные терминалы (1), холодильные (71) и карантинные аграрные центры (3)³⁶⁵. Повышается уровень трудовых компетенций, открываются аграрные университеты в Ассаме, Мегхалае, Нагаленде и Трипуре: Indian Institute of Technology (ИТ) в Гувахати (Ассам) и Итанагаре (Аруначал–Прадеш), Тезпуре (Ассам), Импхале (Манипур), Айзауле (Мизорам), Агартале (Трипура)³⁶⁶.

Промышленный потенциал. Правительственной программой NER IDS (NER Industrial Development Scheme) предусмотрено содействие в получении доходов населением от занятости в обрабатывающей промышленности и

³⁶⁴ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁶⁵ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

³⁶⁶ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

секторе услуг. Это льготное кредитование до 2 млрд рупий (30 млн долларов) с условием инвестирования в промышленное производство, приобретение технологического оборудования. В качестве финансовой поддержки малого бизнеса создана NEDFC (North Eastern Development Finance Corporation)³⁶⁷.

Одним из направлений стало развитие малого бизнеса в сфере мелкого кустарного производства, сельского хозяйства, предоставления услуг и туристического бизнеса. Промышленное производство представлено небольшими компаниями по производству продуктов питания, свечной продукции (компания Brahmaputra Cracker & Polymer Limited), стекла, гранита, фармацевтической отрасли (Аюрведа), резины и так далее³⁶⁸.

Рекреационный потенциал, близость региона к развивающимся рынкам ASEAN и Бангладеш открывают возможности ведения широкомасштабной торговли, освоение этих рынков требует развитой логистической системы. Развитие туристического кластера – перспективное направление и драйвер развития этого региона, а также весьма полезная опция в рамках достижения экономической и инвестиционной привлекательности. Регион славится прекрасными ландшафтами и значительным природным потенциалом, культурным и историческим наследием. Реализуются программы развития туристической направленности в рамках Act East с брендом «лица Северо–Востока» (Brand Ambassador). «Чайный туризм» – одно из направлений, которое уже практикуется в регионе, когда сами производители чая организуют туры на свои плантации, куда приезжает множество туристов³⁶⁹.

Богатая история региона (Майдамы – система курганных погребений ассамской династии Ахом, входит в список наследия UNESCO / United Nations

³⁶⁷ Ankita Sharma. India's North–East may become a growth engine (2019). URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.03.2022).

³⁶⁸ Ankita Sharma. India's North–East may become a growth engine (2019). URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения 20.03.2022).

³⁶⁹ «Чайный туризм» открывает новые возможности для Северо–Восточной Индии (2014). URL: <https://www.tea-terra.ru/2014/05/15/16406/> (дата обращения 10.05.2023).

Educational, Scientific & Cultural Organization наряду с заповедниками Kanchenjunga в Сиккиме, Kaziranga и Manas в Ассаме), его культурные традиции и красочные фестивали (Losar в Аруначал-Прадеш, Bihu в Ассаме, Nongkrem в Мегхалае, Moatsu Mong в Нагаленде, Saga Dawa в Сиккиме) привлекают своей экзотикой внимание туристов³⁷⁰.

На всех уровнях предпринимаются шаги по внедрению максимально эффективных правил ведения бизнеса, стимулируется, финансируется и поощряется предпринимательство и активность населения, что открывает новые возможности для бизнеса, создаются предпосылки для привлечения инвестиций, необходимых для дальнейшего рывка.

Подводя итог, следует отметить, экономическая политика и деятельность государства в отношении региона за последние десятилетия (конец XX – начало XXI века) претерпевает изменения. С 2014 по 2021 годы она прошла под знаком экономических трансформаций в рамках «Восточной политики» Н. Моди. Объективным фактором следует считать благоприятные условия для роста в целом, что позволило перераспределять капитал в пользу дотационных регионов, дав толчок к развитию традиционных сфер занятости населения, появлению новых технологий. Также отмечается системность в проведении реформ и подходах к выравниванию экономик «проблемных штатов» Северо-Восточной Индии для достижения ими уровня более развитых штатов Индии. Статистические данные подтверждают тенденции повышения уровня основных экономических показателей (ВВП, ВНД / Валовой национальный доход и других). Большинство штатов региона в динамике демонстрируют высокий потенциал для развития, от органического земледелия до производства возобновляемой энергии. Участие в международных проектах в ЮА и ЮВА говорят об изменении внутригосударственного статуса региона как полноценного участника

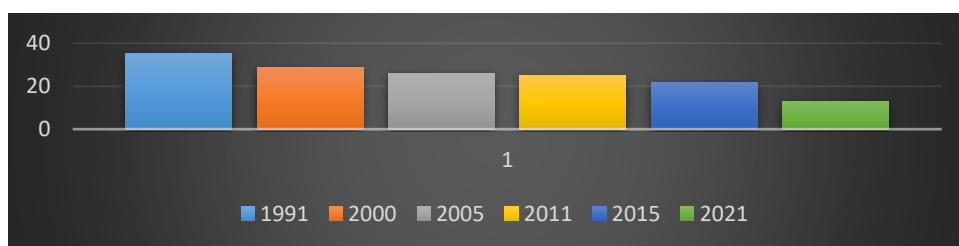
³⁷⁰ Travelogy India. 15 Famous Festivals in North East India. URL: <https://www.travelogyindia.com/north-east-india/festivals-in-north-east-india.html> (дата обращения 10.05.2023).

индийских государственных реформ и развития. Практика проведения реформ может быть опытом для стран с подобными проблемами. На примере Индии можно проследить эффективность применения экономических мер, когда их реализация влияет на снижение сепаратистских настроений.

2.2. Социальная политика Индии в Северо–Восточной Индии

Второй важной составляющей плана по восстановлению и превращению этих территорий в зону, свободную от сепаратизма, является развитие социальной сферы на достойном уровне. Оно подразумевает неотъемлемое право населения на социальную защищённость, образование, здравоохранение, культуру. Ранее социальные проблемы региона не удавалось решить, несмотря на все усилия федеральных правительств как INC, так и BJP. Со времени объявления независимости в годы правления INC Индия добилась серьезных изменений, о которых сегодня уже начинают забывать. Дж. Зубжицки приводит следующие данные: в 1931 году средний возраст жизни индийца достигал 27 лет, в 2021 году этот показатель достиг 69 лет; количество бедных людей снизилось за 15 лет на 415 млн человек. Тем не менее, в 2021 году в стране зафиксировано самое большое количество бедных в мире – 229 млн человек³⁷¹.

Рисунок № 7. Уровень бедности в Индии, в % (1991–2021)³⁷²

³⁷¹ Зубжицки Дж. Краткая история Индии. М.: Колибри. 2023. С. 286.

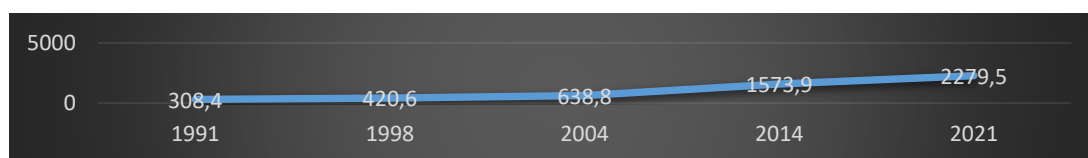
³⁷² Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения 10.08.2023).

Попытки перехода экономики на модель устойчивого развития предпринимались и ранее. Однако требовались перемены, которые удовлетворили бы потребности времени. Такой подход подразумевал решение целого ряда социальных проблем, искоренение голода, бедности, снижения безработицы, повышения уровня образования, доступности медицинских услуг³⁷³. В рисунках ниже представлены основные экономические параметры, отражающие состояние социальной сферы в регионе:

Рисунок № 8. Динамика ВВП Индии (1991–2021), в трлн долларов³⁷⁴

Рисунок № 9. Динамика ВНД в Индии, в трлн долларов (1991–2021)³⁷⁵

Социальная сфера всегда была в приоритете правительств INC в лице Джавахарлала Неру (1947–1964), Лалбахадура Шастри (1964–1966), Индиры Ганди (1966–1977 и 1980–1984), Раджива Ганди (1984–1989), Нарасимхи Рао (1991–1996) и Манмохана Сингха (2004–2014). Реализовывались различные социальные программы, направленные на снижение бедности и обеспечение грамотности, в том числе в сельской местности, поддержку мелкого бизнеса, резервирование мест для малоимущих, обеспечение льготными продуктами питания. Были достигнуты значительные успехи в борьбе с бедностью, почти вдвое снизилась младенческая смертность, повысился уровень и качество образования³⁷⁶. Однако INC не удалось в полной мере решить социальные

³⁷³ Бюллетень Счётной палаты РФ. Цели устойчивого развития. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

³⁷⁴ International Monetary Fund. India. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (дата обращения: 20.05.2023).

³⁷⁵ International Monetary Fund. India. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (дата обращения: 20.05.2023).

³⁷⁶ Зубжицки Дж. Краткая история Индии. М., 2023. С. 287.

задачи. Они и сейчас остаются острыми для политического истеблишмента.

Проблемы прошлых лет связаны с активным сепаратистским противостоянием властям, коррумпированность и некомпетентность чиновников, недофинансирование программ и их последующая заморозка, формальные подходы к реализации проектов, негативные внешние факторы (кризисы, военные действия и прочее), непропорциональное финансирование штатов³⁷⁷. Программа Н. Модии мало чем отличается от предыдущих проектов, однако существует разница в методах и системе их реализации.

Территории Северо–Востока, фактически оказавшиеся за пределами реформирования социальной и экономической сферы, подошли к 2014 году с многочисленными социальными проблемами. Об этом свидетельствует ряд общепринятых параметров благосостояния населения, таких как ИЧР (ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности, жизни на душу населения). В данном случае Индекс использован для выявления отличий между штатами региона и оценке экономических реформ на качество жизни населения. В 2018–2021 годах в Индии фиксировался средний показатель ИЧР в 0,633 (132 место в мире)³⁷⁸. На Северо–Востоке этот показатель незначительно выше, но есть тенденции к его снижению. Несмотря на средний по оценке ООН уровень индийский ИЧР, в регионе он относительно более высок в сравнении с Северной Индией («пояс БиМаРУ» (Бихар, Мадхья–Прадеш, Раджастан и Уттар–Прадеш). Следующим критерием является уровень ВВП (валовой внутренний продукт):

³⁷⁷ Лунёв С.И. Социальные протесты в Индии (2015). С. 200–203. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2864/2341?locale=ru_RU (дата обращения 20.02.2023).

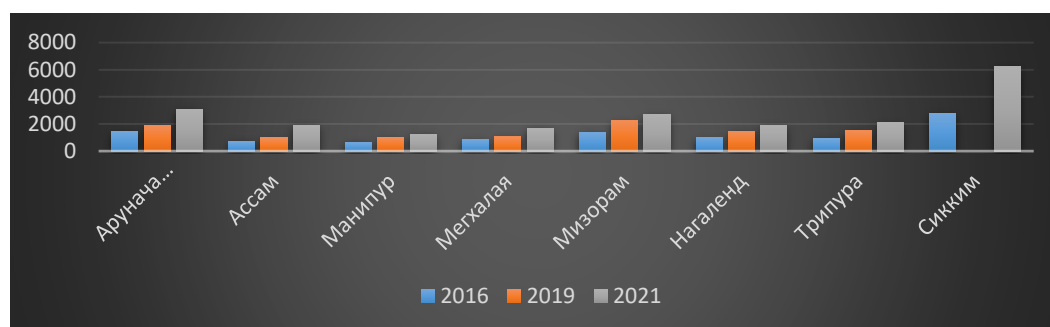
³⁷⁸ Ministry of Development of North-East Region (20.01.2015). URL: <https://pib.gov.in/newsite/mbErel.aspx?relid=114811> (дата обращения 20.10.2022).

Таблица № 14. Уровень ВВП, ВНД, ИЧР по штатам региона^{379, 380, 381}

	Млрд \$ (2021)	ВНД (2016–2021)			ИЧР 2018
		2016	2019	2021	
Аруначал–Прадеш	4,76	1480	1855	3100	0,65–0,699
Ассам	67,85	725	972	1890	0,6–0,649 (н)
Манипур	4,29	667	1017	1225	0,65–0,699
Мегхалая	5,69	856	1045	1680	0,65–0,699
Мизорам	3,34	1368	2248	2735	0,65–0,699
Нагаленд	4,28	1003	1446	1920	0,65–0,699
Трипура	8,72	960	1507	2112	0,65–0,699
Сикким	5,13	2797	н/д	6232,68	
Всего	104,06			2485	0,63 (Индия) (н)

Внимания заслуживает такой показатель, как ВВП на душу населения (ВНД), он универсален и служит индикатором уровня экономического развития стран или региона, степени их бедности или богатства.

Рисунок № 10. Динамика ВНД в регионе по штатам (2016–2021)³⁸²

В исследованиях А.В. Коротаева, И.А. Васькина и С.В. Циреля и с помощью математических методов подтверждается наличие выраженной зависимости между уровнем террористической активности и ВНД³⁸³.

³⁷⁹ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения 10.08.2023).

³⁸⁰ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения 10.08.2023).

³⁸¹ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 479.

³⁸² International Monetary Fund. India. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (дата обращения: 20.05.2023).

³⁸³ Васькин И.А., Коротаев А.В., Цирель С.В. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа (2018). С. 30–33. URL:

Представленные данные отражают уровень жизни в штатах региона. Отстают Ассам, Манипур, Мегхалая, Трипура, что коррелируется и с уровнем сохраняющихся там протестных настроений. Низкий уровень жизни воспринимается населением как ущемление прав национальных меньшинств.

В то же время наиболее успешными являются Сикким, Мизорам и Аруначал–Прадеш. И если в отношении первых двух корреляция между уровнем экономического и социального развития и уровнем радикализма в целом соблюдается, то пример Аруначал–Прадеш показывает, что относительно высокие региональные показатели развития не являются гарантией отсутствия сепаратистских настроений, в последние годы здесь наметились тенденции к их усилению. Одним из объяснений является ситуация, когда вытесняемые в результате деятельности силовых структур боевики террористических организаций из Ассама, Манипура и Нагаленда перемещаются в другие штаты, в том числе Аруначал–Прадеш (округ Чангланг и Лонгдинг)³⁸⁴.

Лидерами по депрессивным показателям индекса многомерной бедности являются Ассам и Мегхалая. При этом в Мегхалае высокий уровень бедности местного населения принципиально не влияет на уровень активности радикальных группировок штата.

<https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-rost-obrazovanie-i-terrorizm-opyt-kolichestvennogo-analiza/viewer> (дата обращения 10.05.2023).

³⁸⁴ South Asia Terrorism Portal. URL: <https://www.satp.org/about-satp/> (дата обращения 10.05.2023).

Рисунок № 11. Вклад штатов региона в ВВП Индии (2021)³⁸⁵

Ассам, в отличие от большинства других штатов региона, богат природными ресурсами – нефть, газ (около 15% добычи нефти в Индии приходится на него). Доказанные запасы сырой нефти составляют 1,3 млрд тонн, природного газа – 156 млрд кубометров, также здесь добывается уголь, силлиманит, каолин, кварцит, полевой шпат отделочных сортов, гранит, золото³⁸⁶. Вклад штата в общий ВВП страны значителен. Тем не менее, он не получает полноценной отдачи от своих преимуществ. Ситуация осложняется перенаселённостью, значительным числом сельского населения, недостаточностью инфраструктурных промышленных объектов, безработицей, проблемой мигрантов и так далее. Следствием этого является высокий уровень противоправной деятельности в Ассаме.

Рейтинг штатов региона по уровню урбанизации низок, а это один из ключевых показателей социально-экономического развития. Увеличение доли городского населения объективно сопровождается ростом экономического, социального и культурного развития. В целом доля городского населения в регионе колеблется в пределах от 0 до 55%³⁸⁷. К категории наиболее урбанизированных относятся Манипур и Мизорам.

³⁸⁵ International Monetary Fund. India. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (дата обращения: 20.05.2023).

³⁸⁶ Планета Земля. Историческая география (Ассам). URL: <https://geosfera.org/aziya/indiya/811-assam-shtat-v-indii.html> (дата обращения 10.08.2023).

³⁸⁷ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 477.

Сегодня в регионе реализуются государственные программы «Миссия технологичных городов», «Умные города» (Гувахати, Ассам). Планируется создание эталонных мегаполисов с развитой инфраструктурой. Финансируются федеральным правительством в режиме СЭЗ.

Показатель ЦУР (Цели устойчивого развития), разработанный ООН в 2015 году, объединяет три основных параметра (социальный, экономический и экологический)³⁸⁸. Результаты, отражённые в таблице ниже, коррелируются с иными критериями социально–экономического благополучия региона.

*Таблица № 15. Интегральные индексы ЦУР для штатов региона³⁸⁹;
Индекс благополучия по штатам региона³⁹⁰*

Штаты	%	Категории территорий по степени успешности достижения ЦУР (%)	Индекс благополучия				
			5*	4*	3*	2*	1*
Аруначал–Прадеш	38	Начинающие 0–49		+	+	+	+
Ассам	30	Начинающие 0–49	+	+	+	+	+
Манипур	67	Передовые (65–70)	+	+	+	+	+
Мегхалая	52	Прогрессирующие 50–65	+	+	+	+	
Мизорам	53	Прогрессирующие 50–65	+	+		+	+
Нагаленд	34	Начинающие 0–49	+	+			
Трипура	53	Прогрессирующие 50–65			+		+
Сикким	52	Прогрессирующие 50–65	+		+	+	
По Индии	62						

В ключевые результаты ЦУР заложены критерии общечеловеческих потребностей, такие как повышение продолжительности жизни; устойчивый рост реальных доходов граждан; снижение уровня бедности; справедливого доступа населения к системам здравоохранения, выделение уязвимых категорий граждан (женщин, людей с ограниченными возможностями, членов зарегистрированных племен, каст (предоставление им зарезервированных льгот)); улучшение жилищных условий; ускорение технологического

³⁸⁸ Бюллетень Счётной палаты РФ. Цели устойчивого развития. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

³⁸⁹ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 448–449 (рис. 54).

³⁹⁰ Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М., 2021. С. 448–449 (рис. 56).

развития и вхождение Индии в число крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых и многое другое³⁹¹.

Индекс развития человеческого потенциала по Индии составляет 0,63 (средний 0,539), этот показатель находится в одном диапазоне с такими странами, как Бангладеш, Бутан или Гватемала. Индекс отражает достижения страны в обеспечении важных аспектов человеческого благополучия, таких как ожидаемая продолжительность жизни (составляет 67,74 года (2021))³⁹²; грамотность и так далее. Считается, что ИЧР менее 0,5 – показатель низкого уровня развития, больше 0,8 – высокого.

В 2005 году за чертой бедности в регионе находилось 7,9 млн человек (в сельской местности – 22,3%, в городах – 3,3%). При этом внутри штатов распределение остаётся неравномерным. Правительственное агентство NITI Aayog представило «Индекс бедности» на Северо–Востоке, данные которого свидетельствуют, что Ассам и Мегхалая – это наиболее бедные штаты, а Мизорам и Сикким – наиболее благополучные³⁹³.

Рисунок № 12. Параметры бедности в регионе (по штатам, 2021)³⁹⁴

Индийское государство предпринимает меры по сокращению масштабов бедности в том числе за счёт стимулирования развития мелкого бизнеса в рамках SHG–BLP (Self Help Group – Bank Linkage Program) для групп «самопомощи». Выполнение этой программы позволяет снизить

³⁹¹ Бюллетень Счётной палаты РФ. Цели устойчивого развития. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

³⁹² The Global Economy. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 10.05.2023).

³⁹³ Latest News from NER. URL: <https://www.insidene.com/> (дата обращения 20.12.2022).

³⁹⁴ Latest News from NER. URL: <https://www.insidene.com/> (дата обращения 20.12.2022).

количество бедных и увеличить число среднего класса и в долгосрочной перспективе может привести к решению многих социальных проблем. Все штаты вводят собственные программы для малоимущих, чаще всего это адресная помощь в виде выделения льготных продуктов по доступной цене. Также создана система государственных магазинов «справедливых цен для населения, живущего за чертой бедности»³⁹⁵. Программа прямых льгот и пособий сегодня наиболее эффективна и ощутима для населения. Так, в 2023 году правительством в рамках 315 программ было распределено около 60 млрд долларов среди 900 млн получателей социальной помощи³⁹⁶.

В 2020 году была внедрена программа «Стимулы, связанные с производством» – форма экспортных субсидий, было выделено 22 млрд долларов на 14 ключевых секторов (производство смартфонов, медицинских изделий и автомобильных компонентов). Цель – заместить Китай в качестве мирового производителя электроники, однако структурные слабости экономики и недостаточный профессионализм кадров тормозят реализацию подобных планов. Тем не менее, Индия расширяет портфель крупных инвестиционных проектов транснациональных компаний. Марка «Сделано в Индии» известна на мировых площадках, экспорт смартфонов достиг 11 млрд долларов (2023, Le Monde). Ещё в 2014 году флагманским проектом Н. Модии стала программа «Приезжайте и делайте в Индии»³⁹⁷.

Когда говорится о социальной справедливости в регионе, в том числе подразумевается возможность доступа населения к системам образования и здравоохранения. Считается, что индийская система здравоохранения, в целом, находится на высоком уровне. Однако в регионе эта сфера является

³⁹⁵ Галищева Н.В. Проблема бедности и пути её решения в современной Индии в условиях либеральных реформ (2021). URL: https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-02/india-poverty-problem?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения 20.02.2023).

³⁹⁶ Гаурав Далмиа. Чем объяснить рост популярности партии BJP? (2024). URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/india-election-2024-explaining-modi-bjp-appeal-by-gaurav-dalmia-1-2024-05/russian> (дата обращения: 10.07.2024).

³⁹⁷ Рубин В. Выборы в Индии. Модии опять в моде (2024) URL: <https://iarex.ru/articles/131270.html> (дата обращения: 10.07.2024).

проблематичной, ускоренная реализация новых проектов уже не является достаточной. У населения штатов зачастую отсутствует возможность получать квалифицированную медицинскую помощь на местах³⁹⁸.

В рамках политики правительства по строительству СНС (Community Health Centre) открываются новые медицинские центры. Форсированными темпами проводится работа по выравниванию норм соотношения в системе «пациент – медицинский работник». Если до 2019 года на одного врача региона, работающего в системе СНС, приходилось 120 тысяч потенциальных пациентов, сейчас это количество уменьшилось до 80 тысяч человек³⁹⁹.

Таблица № 16. Здравоохранение в регионе⁴⁰⁰

Данные Министерства информации Индии	до 2019 года (1 тыс. чел.)	2019
Community Health Centre (CHC)	120	80
First Aid Centre (FAC)	30	20
Sub Centers / Sub Stations	5	3

Северо–Восток продолжает испытывать недостаток кадров. Система образования региона не справляется с подготовкой профессионального медицинского персонала, включая младшее и среднее звено.

Таблица № 17. Здравоохранение в регионе (2016–2020)⁴⁰¹

Штат	Население (млн человек)	Коэффициент рождаемости (на 1 тыс. чел.)	Смертность (на 1 тыс. чел.)	Количество больниц	Обеспеченность койкоместами
	2020	2020	2020	2016	2016
Аруначал–Прадеш	1,533	17,3	5,7	212	2 313
Ассам	35,043	20,8	6,2	1175	16 791
Манипур	3,165	13,3	4,3	30	1427
Мегхалая	3,288	22,9	5,3	40	3127
Мизорам	1,216	14.4	4,2	24	1399

³⁹⁸ Purvattara kshetr me gatividhiya (adyayay 22). [Прогресс развития Северо–Восточной Индии (пункт 22)]. URL: https://mohfw.gov.in/sites/default/files/22%20Chapter_HAN2018–19.pdf (дата обращения 01.12.2022).

³⁹⁹ Purvattara kshetr me gatividhiya (adyayay 22). [Прогресс развития Северо–Восточной Индии (пункт 22)]. URL: https://mohfw.gov.in/sites/default/files/22%20Chapter_HAN2018–19.pdf (дата обращения 01.12.2022).

⁴⁰⁰ Purvattara kshetr me gatividhiya (adyayay 22). [Прогресс развития Северо–Восточной Индии (пункт 22)]. URL: https://mohfw.gov.in/sites/default/files/22%20Chapter_HAN2018–19.pdf (дата обращения 01.12.2022).

⁴⁰¹ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения: 10.08.2023).

Нагаленд	2,192	12,5	3,7	36	1880
Трипура	4,071	12,6	5,7	140	4806
Сикким	0,677	15,6	4,1	33	1560

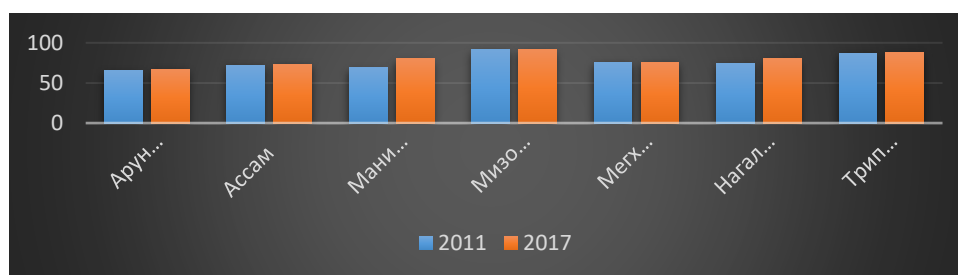
Более успешными выглядят реформы в области образования. Приоритетной задачей является достижение абсолютной грамотности населения. Средние показатели по стране (согласно последней официальной переписи 2011 года) выглядят следующим образом:

Таблица № 18. Уровень грамотности населения Индии (2011)⁴⁰²

Общая грамотность населения Индии (по официальной переписи 2011 года)					
Грамотное население	695 088 940	72,14%*	Мужчины	80,95	Молодёжь
					91,83
			Женщины	62,84	87,24
Неграмотное население	268 425 098				

Грамотность населения в регионе находится на уровне средних показателей по стране (72,14%), в таких штатах, как Трипура и Мизорам (третье место по стране), она рекордно высока. Промежуточные данные фиксируют замедление роста уровня грамотности, далее оно может варьироваться от небольшого повышения или понижения, что связано с ростом населения, опережающим возможности и ресурсы индийского образования. Достижение абсолютного уровня грамотности в регионе в ближайшее время маловероятно.

Рисунок № 13. Грамотность в регионе (2011–2017)⁴⁰³

⁴⁰² Vivace Panorama. Bharat me sanrakshata [Грамотность в Индии]. URL: <http://www.vivacepanorama.com/literacy-in-india/> (дата обращения 01.12.2022).

⁴⁰³ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения: 10.08.2023).

Драйвером образования становится выход на уровень более качественного высшего и специального образования, а также увеличение количества учебных заведений.

Таблица № 19. Образование в регионе (2017–2021)⁴⁰⁴

Штат	Население (2021)	Грамотность 2017 (%)	Количество учебных заведений (2021)			
			Университеты	ВТУЗы	Колледжи	Начальные школы
Аруначал-Прадеш	1,533	67	10	8	42	1847
Ассам	35,043	73,2	28	28	595	40482
Манипур	3,165	79,9	9	5	105	2422
Мегхалая	3,288	75,5	11	3	75	9223
Мизорам	1,216	91,6	3	2	39	1481
Нагаленд	2,192	80,1	5	7	68	1157
Трипура	4,071	87,8	5	-	54	2522
Сикким	0,677	82,2	8	2	23	685

Проблемой остаётся низкая востребованность образовательного потенциала. В отсутствие технической базы и крупной промышленности не менее 60% населения заняты в низко технологичных отраслях, что отражается на доходах, вызывая дополнительное раздражение в обществе. Грамотность не является гарантией социальной востребованности, высока доля безработных и бедных, пополняющих ряды сепаратистских отрядов⁴⁰⁵.

По данным Centre Monitoring Indian Economy (СМІЕ), негативным фактором является возрастающий уровень проблем в социально–экономической сфере, безработица достигла 7,8% в 2024 году (в 2018 году этот показатель составлял 6,1%)⁴⁰⁶. Примерно из 1 млрд трудоспособного населения только 100 млн индийцев официально числятся занятыми⁴⁰⁷.

⁴⁰⁴ Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения: 10.08.2023).

⁴⁰⁵ Vivace Panorama. Bharat me sanrakshata. [Грамотность в Индии]. URL: <http://www.vivacepanorama.com/literacy-in-india/> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴⁰⁶ Policy Wire. A Critical Analysis of BJP Loosing Grip (2024). URL: <https://policy-wire.com/a-critical-analysis-of-bjps-loosing-grip/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴⁰⁷ Рубин В. Выборы в Индии. Моды опять в моде (2024) URL: <https://iarex.ru/articles/131270.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Высокий уровень грамотности (помимо плюсов) имеет и обратную сторону. Исследования специалистов свидетельствуют о взаимосвязи между ростом повышения грамотности населения и усилением сепаратистских настроений. Например, Гражданская война в Шри-Ланке в 1983–2009 годах (уровень грамотности среди мужского населения достигал 97,33%) или «Арабская весна» с такими же показателями в Египте, Тунисе, Ливии⁴⁰⁸. Исследования в этой области подтверждают гипотезу о влиянии образования на способность к политическим действиям. Уровень образования связан с общественно–политической активностью в различных воплощениях, вплоть до протестных выступлений с целью радикальных институциональных изменений в стране⁴⁰⁹. Образованная, мобильная молодёжь, не имеющая реальных жизненных перспектив, склонна к эмоциональному восприятию действительности, участию в социальных протестах, недовольству существующим положением («перемены ради перемен»), к совершению противоправных действий, противостоянию силовым структурам⁴¹⁰.

В случае с Северо–Востоком штаты–лидеры по уровню образования Мизорам и Трипура демонстрируют лояльность государству и меньшую вовлеченность в протестную деятельность. Здесь образование скорее формирует уровень критического мышления, препятствующий радикализации⁴¹¹. В целом протесты в регионе имеют место, однако преимущественно носят мирный характер. Это объясняется особенностями

⁴⁰⁸ The Global Economy. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴⁰⁹ Латова Н.В. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России (2021). С. 115–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obrazovaniya-na-politicheskoe-uchastie-i-zapros-na-peremeny-v-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴¹⁰ Медведев И.А. Молодёжь и «цветные революции»: тенденции взаимодействия в современном обществе (2019). С. 8–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-tsvetnye-revolutsii-tendentsii-vzaimodeystviya-v-sovremennom-obschestve/viewer> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴¹¹ Васькин И.А., Цирель С.В., Коротаев А.В. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа (2018). С. 31–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-rost-obrazovanie-i-terrorizm-opyt-kolichestvennogo-analiza/viewer> (дата обращения: 10.05.2023).

менталитета и восприятия индуистами действительности (принципы кармы, дхармы, сатьяграхи) и идеологии ненасилия. В интересах индийского правительства не ограничиваться «победными реляциями» в мировых рейтингах, а постараться добиться максимальной занятости, снижения безработицы, повышения уровня жизни, что предотвращает развитие негативных сценариев⁴¹².

Выше уже говорилось о роли определённых маркеров для культурной идентификации народов. Одним из них является родной язык. Претензии малочисленных племён Северо–Востока, как правило, связаны с ущемлением прав малых народов на свободное изучение и обучение на родном языке, недостаточным выпуском местной литературы, периодической печати, с отсутствием системы регионального теле– и радиовещания, недостатком национальных кадров. По мнению общественных деятелей региона, коренные жители хотят изучать историю своего народа, возрождать культуру, не желая ассимилироваться с мигрантами из Бангладеш и Мьянмы⁴¹³. Этот вопрос активно обсуждается в среде местных националистических и общественных организаций и зачастую переходит в область излишней политизированности языковой проблемы и избыточных опасений на этот счёт. Ущемление гражданских прав в условиях слабо проработанного законодательства не оставляет местным племенам иных возможностей борьбы за свои права, тем более что проблема практически не решается⁴¹⁴.

Примером служит ситуация с народом чакма в Аруначал–Прадеш, которому в течение 50 лет не предоставляется индийское гражданство, за ним закреплён статус мигрантов без политических прав. Малые народности

⁴¹² Социальный протест на современном Востоке / Под редакцией Стрельцова Д.В. (2016). С. 155–158. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bdf/socialnyj-protest-na-sovremennom-vostoke.pdf> (дата обращения 10.01.2023).

⁴¹³ Ministry of Development of North-East Region (06.05.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/printrelease.aspx?relid=145050> (дата обращения: 30.09.2022).

⁴¹⁴ Amitabh Bhatushali. Mizorame keno uthce “Biday Bharot, shagoto Chin?” (2019) [Почему в Мизораме возник лозунг: «Прощай, Индия, да здравствует Китай»? (2019)]. URL: <https://www.bbc.com/bengali/news-47058551> (дата обращения: 20.07.2022).

Бодоленда, например, бодо качари, живущие в Карби Англонге и Диме Хасао (горные районы Ассама), а также карби (равнинные районы Ассама), требуют предоставления статуса «закреплённого племени» (scheduled tribe), что могло бы гарантировать определённые привилегии местному населению⁴¹⁵.

Проблемы гражданской дискриминации остаются острыми, вызывая социальную напряжённость. Нарботки в решении подобных проблем связаны в большей степени с возможностью получения образования, повышением уровня политической и правовой грамотности, что позволит населению повысить собственный статус и более активно использовать имеющиеся конституционные и иные права.

Деятельность правительства в этой сфере подвергается критике. По мнению оппозиции, последовательно снижается возможность получения образования, сокращаются программы стипендий (Бюджет SC Pre–Matric сокращен на 40%, программа для женщин–далитов на 20%). Минимально участие «обездоленных» в государственном управлении («Ни одного далита – главного министра в 18 штатах, управляемых BJP»), отсутствует достаточного количества рабочих мест, ущемляются конституционные права каст, племён и «отсталых классов»⁴¹⁶. Объективности ради стоит отметить, что один только демографический фактор в Индии способен объяснить причины роста темпов безработицы, инфляции, бедности, снижения уровня социальных параметров. Тем не менее, эти факты свидетельствуют о наличии проблем, и результаты выборов 2024 года наводят на мысль, что BJP есть над чем работать.

Подводя итоги параграфа, следует отметить, что представленный анализ экономических, социальных программ, статистических данных основных экономических и социальных показателей (по 2021 год включительно,

⁴¹⁵ Ministry of Development of North-East Region (11.10.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=151588> (дата обращения 10.10.2022).

⁴¹⁶ 8 Years 8 Frauds, BJP Government Failed (2022). URL: <https://inc.in/congress-sandesh/economy/8-years-8-frauds-bjp-government-failed> (дата обращения: 10.07.2024).

индексы развития, бедности, грамотности), – все они свидетельствуют о системном характере проблем и отражают неоднозначное положение в социальной сфере во всех штатах, фиксируют значительное экономическое отставание, низкий уровень жизни населения. С другой стороны, это свидетельство того, что предпринимаемые меры постепенно (хотя и медленно) меняют сам вектор развития региона и приносят определённый результат.

Второй аспект – это оценка предпринимаемых правительством мер по исправлению перекосов развития региона. Очевидны намерения правительства структурно изменить саму природу причин конфликта в регионе, устранив социальное неравенство, связанное с неравномерным экономическим развитием региона и его отставанием по многим параметрам в сравнении с более развитыми регионами Индии.

Фактором, снижающим экономическую эффективность принимаемых решений, являются традиционные проблемы (демография, бедность, политическая нестабильность и сохранение сепаратизма). В таких условиях попытки создать экономические предпосылки для превращения региона в полноценную часть «Большой Индии» не могут дать быстрых результатов. Приближение Северо–Востока к более развитым в экономическом плане регионам осложняется отсутствием промышленной базы и ограниченностью сырьевого сектора. Разработанность потенциальных природных преимуществ недостаточна. В этой связи актуален пример Сиккима, достигшего роста по всем экономическим показателям, он оставляет «коридор развития» и для региона. Это сфера гидроэнергетики, транспорт, использование сильных сторон возможностей региона, развитие малого бизнеса, сектора услуг, сельского хозяйства, туризма, что уже привело к росту ВВП от 7 до 13%⁴¹⁷.

Индийский опыт свидетельствует, что экономическая интеграция региона в общую систему разделения труда позволяет понизить уровень

⁴¹⁷ Ministry of Development of North Eastern Region (Annual Report 2021–2022). URL: https://mdoner.gov.in/contentimages/files/Annual_Report_2021–22.pdf (дата обращения 20.05.2023).

напряжённости в регионе, поскольку перераспределение избыточных трудовых ресурсов нивелирует негативные тенденции, связанные с высокой безработицей. Минусом следует считать отсутствие интегральных связей и малое вовлечение Северо–Востока в общегосударственную систему, такое положение существенно не меняет экономический статус региона. Препятствием также является сохраняющаяся обособленность и закрытость территорий и населения как в географическом, так и в социальном смысле. Социальная сфера претерпевает серьёзные изменения в области образования и медицинского обслуживания. Работают специальные социальные программы, направленные на повышение общеобразовательного уровня, повышения качества квалификационного уровня трудовых ресурсов, что позволяет решать проблемы трудоустройства и безработицы.

Политика ВЈР подвергается серьёзной критике со стороны оппозиционных сил. Устойчивость правительства Н. Модии напрямую зависит от реализации предвыборных обещаний в социальной и экономической сфере, возможностях обеспечить темпы экономического роста, занятость граждан, от степени поддержки социально незащищённых слоев населения, а также решения проблем регионов (включая Северо–Восток), тем более что партия нуждается в притоке сторонников, которых они могут делегировать в случае реального выполнения обязательств. В перспективе проблема сепаратизма в регионе будет оставаться актуальной, поскольку регион пока не достиг тех параметров развития, когда социальные проблемы не будут оказывать значительного влияния на настроения общества. Преодоление последствий застоя требует значительных усилий и времени.

2.3. Военно–политические методы решения проблем сепаратизма в Северо–Восточной Индии

Третьим не менее важным направлением в достижении гражданского мира в регионе является использование военно–политических мер для

стабилизации общей обстановки в регионе. Анализ деятельности структур МВД позволяет оценить эффективность и целесообразность применения жестких силовых методов на современном этапе.

Северо–Восток стратегически важен для Индии («ворота» в регионы ЮВА и ASEAN), в этой связи вопросы безопасности и обеспечение здесь конституционного порядка имеют ключевое значение. Федеральное правительство страны на всём протяжении независимой истории Индии (с 1947 года) использовало самые разнообразные методы решения данной проблемы от проведения армейских и пограничных силовых операций до создания специализированных министерств, занимающихся проблемами региона. Эффективность предпринимаемых мер долгое время оставляла желать лучшего, и напряжённость сохранялась⁴¹⁸.

Проблема правительств страны (до 2014 года) заключалась в том, что ставка делалась на силовое и военное решение, физическое подавление вооружённых выступлений. Практиковались политические уступки лидерам сепаратистов, что воспринималось последними скорее как слабость Центра.

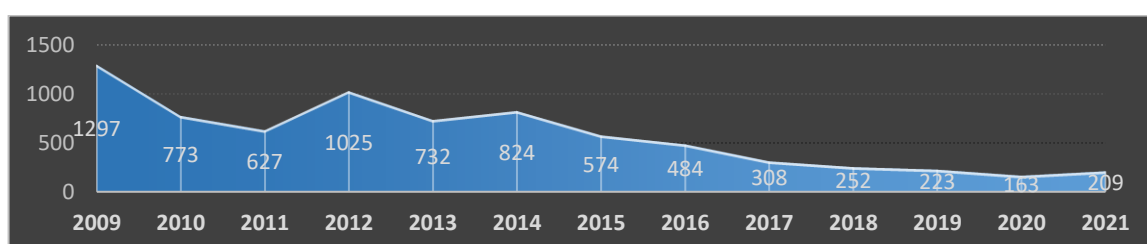
Проведение социальных и экономических реформ на территориях региона затруднялось сохранением практически военного положения. Ситуация с обеспечением безопасности актуальна и сегодня, оставаясь ключевой проблемой, препятствующей развитию региона и его конкурентных отраслей (туризм, энергетика, земледелие и так далее).

На рубеже XX–XXI веков правительство А.Б. Ваджпаи добилось успехов в данной области, однако в целом ситуация в регионе кардинально не изменилась. Правительство INC Манмохана Сингха в 2004–2014 годах в силу объективных обстоятельств снизило уровень внимания к проблемам региона, что незамедлительно сказалось на ситуации с безопасностью – уровень ожесточения противоборствующих сторон существенно вырос.

⁴¹⁸ Баранов С.А. Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии. Дисс...к.и.н. М., 2001. С. 292–294.

Неудача Конгресса на выборах 2014 года привела к возвращению к власти националистической партии BJP. Н. Моди убедил избирателей что проблема Северо–Востока для партии является одной из важнейших. Ему удалось добиться успехов в борьбе с местным сепаратизмом, и их нельзя отнести только на счёт благоприятной внешней и внутренней конъюнктуры.

Рисунок № 14. Вооружённые инциденты в регионе в 2009–2021 годах⁴¹⁹

Правительство сегодня реализовывает комплексную программу, представляющую собой комбинацию социальных, экономических, военных и политических мер, которая позволит снизить и удержать уровень активности радикалов Северо–Востока в приемлемых параметрах. Тем не менее, первые годы правления были отмечены резким и неожиданным для Центра ростом насилия (данные МВД страны с 2009 по 2018 годы).

Таблица № 20. Ситуация с безопасностью в регионе (2009–2021)⁴²⁰:

Год	Инциденты	Погибшие радикалы	Задержанные радикалы	Погибшие военные	Погибшие гражданские	Похищенные граждане	Добровольно сдавшиеся радикалы	Радикалы, захваченные с оружием
2009	1297	571	2162	42	264		1109	420
2010	773	247	2213	20	94		846	351
2011	627	114	2141	32	70		491	381
2012	1025	222	2145	14	97		1195	612
2013	732	138	1712	18	107		640	416
2014	824	181	1934	20	212	369	965	151
2015	574	149	1900	46	46	267	143	69
2016	484	87	1202	17	48	168	267	93

⁴¹⁹ Ministry of Home Affairs (India). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency_NE_0.PDF (дата обращения 20.09.2022).

⁴²⁰ Ministry of Home Affairs (India). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency_NE_0.PDF (дата обращения 20.09.2022).

2017	308	57	995	12	37	102	130	27
2018	252	34	804	14	23	117	161	58
2019	223	12	936	4	21	108	158	67
2020	163	21	646	5	3	69	2696	445
2021	209	40	686	8	23	94	1473	471

Так, для 2014 года характерно большое количество инцидентов – 824, третий показатель после 2009 (1297) и 2012 (1025) годов. Ещё более высокое место занимает первый год правления Н. Модии по числу убитого гражданского населения (212 человек), что меньше лишь 2009 года (264). Высокое место (четвёртое) характерно и для числа убитых радикалов (181), что меньше 2009 (571), 2010 (247) и 2012 (222).

2015 год вошёл в историю региона как один из самых кровавых по количеству жертв среди отрядов индийских сил безопасности (suraksha bal). Количество погибших силовиков выросло до 46 человек, что превысило даже отмеченный ранее как критичный 2009 год, когда погибло 42 человека⁴²¹.

В 2015 году произошёл ряд вооружённых нападений радикалов на силовиков, сопровождавшихся серьёзными потерями сил безопасности. Яркий пример – май 2015 года, 11 погибших военных от рук боевиков NSCN (К) в округе Тирап (Аруначал-Прадеш), а затем в округе Мон (Нагаленд)⁴²².

Эти события стали прологом к одному из самых трагичных инцидентов в истории региона. 4 июня 2015 года в Чанделе (Манипур) произошло нападение боевиков NSCN (К) и KYKL, в результате которого погибло 18 военных. Теракт стал резонансным, события на Северо-Востоке вышли на передовицы мировых изданий и освещались в BBC (British Broadcasting System), YouTube⁴²³. Реакция индийского общества подтолкнула

⁴²¹ Ministry of Home Affairs (India). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency_NE_0.PDF (дата обращения 20.09.2022).

⁴²² Nagaland me ugravadi hamla, ath javan shahid (2015) [Теракт в Нагаленде, восемь военных погибли (2015)]. URL: <https://www.amarujala.com/news-archives/india-news-archives/militant-attack-in-nagaland-eight-soldiers-martyr-hindi-news-rs> (дата обращения 10.10.2022).

⁴²³ India ambush: Manipur rebels kill at least 20 soldiers (2015). URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-33007086> (дата обращения 20.10.2022).

правительство к ужесточению мер силового характера, направленных на решение проблемы⁴²⁴:

С 2014 по 2019 годы проводилась интенсивная «зачистка» территорий Северо–Востока и приграничных районов ряда соседних стран (Мьянма, Бангладеш и другие), активно использовавшихся сепаратистами для терактов.

За период 2018–2019 годов были задержаны 1152 боевиков NDFB, изъято множество оружия и агитационной литературы. В ходе 100 операций было ликвидировано 63 радикала. Взаимодействие сил безопасности Индии с соседними государствами позволило обезвредить и арестовать в приграничных районах Мьянмы в начале 2019 года членов ULFA, PLAM, KYKL, PREPAK (People’s Revolutionary Party of Kangleipak). Впоследствии они были осуждены на территории Мьянмы либо выданы Индии⁴²⁵.

На активное сотрудничество и экстрадицию радикалов на территорию Индию пошла Бангладеш, выдав Индии высших руководителей ULFA (за исключением Пареша Баруа) и NDFB, вынудив последних сесть за стол переговоров с федеральным правительством. Этот процесс завершился при М. Сингхе (2004–2014) и Н. Моди (в 2014–2015 годах)⁴²⁶.

После резкого обострения в 2014–2015 годах правительству удалось добиться целого ряда важных мирных соглашений с сепаратистами нага. Так, 3 августа 2015 года создатель NSCN (IM) Исаак Муйва и премьер–министр страны подписали «историческое» мирное соглашение, которое должно было положить конец активным выступлениям NSCN (IM) с целью создания «Великого Нагаленда». Вот что по этому поводу заявил Н. Моди: «Я уважаю великий народ нага за то, что он оказывает значительную поддержку мирным

⁴²⁴ Ministry of Home Affairs (India). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency_NE_0.PDF (дата обращения: 20.09.2022).

⁴²⁵ Ministry of Home Affairs (India). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency_NE_0.PDF (дата обращения: 20.09.2022).

⁴²⁶ Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move (2020). URL: <https://thewire.in/south-asia/myanmar-militant-northeast-handover> (дата обращения: 20.07.2022).

усилиям. К сожалению, решение их проблемы заняло много времени. Причина этого заключалась в том, что мы не могли понять друг друга»⁴²⁷. Эти слова подтверждают приоритетность целей достижения безопасности в регионе.

В этой связи логично отметить, что главным итогом 2014–2019 годов следует считать существенное улучшение ситуации с безопасностью в регионе. В Мизораме и Мегхалае они были сведены до минимума, в других штатов фиксировалось существенное снижение количества правонарушений в сравнении с 2009 годом.

Таблица № 21. Инциденты и погибшие граждане в регионе (2009–2021)⁴²⁸

Штат	Инциденты			Погибшие граждане		
	2009	2018	2021	2009	2018	2021
Аруначал–Прадеш	53	21	26	3	11	0
Ассам	424	15	21	152	81	14
Манипур	659	74	112	81	4	9
Мегхалая	12	2	2	3	1	0
Мизорам	1	0	0	1	0	0
Нагаленд	129	16	47	24	0	0
Трипура	19	8	1	0	0	0

В открытом доступе МВД Индии представлена информация о преступности, связанной с деятельностью в регионе сепаратистских групп. В целом следует подчеркнуть, что начиная с 2015 года ситуация существенно изменилась. К примеру, в 2018–2019 годах зафиксировано наименьшее (с 1997 года) число инцидентов и смертей гражданского населения. По сравнению с 2017 годом (308) в 2018 году число инцидентов уменьшилось на 18% (252). Сократилось на 25% количество погибшего гражданского населения и силовиков (37 против 49). В Трипуре в 2018 году не зафиксировано ни одного инцидента, а в ряде штатов отмечено сокращение по сравнению с 2017 годом – Мегхалая (на 48%), Аруначал–Прадеш (40%), Манипур (24%) и Ассам (16%).

⁴²⁷ Alagavadi sangathan NSCN (IM) aur Modi sarkar ke bich hua etihāsik Shanti samajouta (2015) [Сепаратистская организация NSCN (IM) и правительство Моды подписали «историческое» мирное соглашение (2015)]. URL: <https://aajtak.intoday.in/story/nscn-thuingaleng-muivah-signed-peace-accord-with-modi-govt-1-826094.html> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴²⁸ Ministry of Home Affairs (India). URL: NE_Major_Achievements_14032022E[1].PDF (mha.gov.in) (дата обращения: 20.09.2023).

По сравнению с 2014 годом количество инцидентов уменьшилось на 70%, число пострадавших сотрудников МВД – на 60%⁴²⁹.

Согласно данным МВД, наиболее безопасными штатами являются сегодня Мизорам и Трипура. В январе 2020 года в Гувахати (Ассам) сложили оружие 644 радикалов (ULFA – 50 человек, NDFB – 8, KLO – 6, Rabha National Liberation Front / RNLF – 13, Communist Party of India (Maoists) / CPI (M) – 1, National Santal Liberation Army / NSLA – 87, Adivasi Dragon Fighters / ADF – 178, National Liberation Front of Bengalis / NLFB – 301). Было конфисковано 177 винтовок, 52 гранаты, 71 бомба, 3 РПГ, 306 детонаторов, около 2 килограмм взрывчатки, 1686 комплектов амуниции. В феврале 2021 года в Гувахати арестованы 1040 лидеров различных повстанческих группировок из округа Карби Англонг (Ассам), конфисковано 338 комплектов оружия⁴³⁰.

Тем не менее, в Ассаме, Манипуре, Нагаленде, Аруначал-Прадеш (Долина Нижнего Дибанга и Лохит) по-прежнему действует режим особых полномочий сил безопасности (от 1958 года). Федеральным правительством выделены дополнительные средства (в 2021 году – 952,5 млн рупий) на модернизацию полицейских участков в округах Тирап, Чангланг, Лонгдинг. При этом режим «повышенной готовности» был отменён в Трипуре (2015) и Мегхалае (2018). В рамках действия Акта 1967 года «О противодействии «незаконной деятельности» в 2021 году к числу запрещённых террористических организаций СВИ были отнесены 16 организаций, действующих на территориях Ассама (3), Манипура (8), Мегхалаи (1), Нагаленда (1), Трипуры (2)⁴³¹.

Следует отметить, что со второй половины 2010-х годов в мире в целом наблюдалось снижение сепаратистской и террористической активности, и

⁴²⁹ Ministry of Home Affairs (India). URL: NE_Major_Achievements_14032022E[1].PDF (mha.gov.in) (дата обращения: 20.09.2023).

⁴³⁰ Ministry of Home Affairs (India). URL: NE_Major_Achievements_14032022E[1].PDF (mha.gov.in) (дата обращения 20.09.2023).

⁴³¹ Ministry of Home Affairs (India). URL: NE_Major_Achievements_14032022E[1].PDF (mha.gov.in) (дата обращения 20.09.2023).

ситуация в регионе вполне вписывается в общемировую картину. Популярность радикальных идей снижается, в сравнении, с 1970–1980–ми – началом XXI века, что заметно на примере таких государств, как Индия, Китай, Россия, Саудовская Аравия, Сирия, Индонезия. Ряды сторонников сепаратизма на Северо–Востоке также значительно уменьшились. Тем не менее, это не означает, что угроза сепаратизма уходит на второй план⁴³². Латентные формы проявления радикализма, способные активизироваться в любой момент, не менее опасны. Этот процесс обусловлен как стремлением региональных элит к лидерству, так и провокационными действиями ряда государств использующих радикалов в конъюнктурных целях. Реагирование силовых структур на эти вызовы уже в 2016–2019 годах привело к сокращению инцидентов и жертв в целом.

Такие результаты достигнуты благодаря применению широкого спектра военных и политических методов, таких как «зачистка» пограничных территорий региона с Мьянмой, Бангладеш, ранее практически не контролируемых силами безопасности; оптимизация финансирования МВД и других структур, ответственных за поддержание стабильности в регионе; укрепление сотрудничества с рядом пограничных государств; заключение мирных соглашений с радикальными группировками (NSCN, 2015 год).

МВД Индии действует жёстко и последовательно в отношении местных группировок радикалов, внесённых в «чёрный список» (Акт 1967 года «О противодействии «незаконной деятельности»»)⁴³³: объявление ряда штатов «нестабильной территорией» (Ассам, Манипур) позволяет силовым структурам действовать с учётом чрезвычайных полномочий; сохранение режима «внутреннего разрешения» (Inner Permit) на посещение штатов региона (в частности, Нагаленд), гражданское население считает сохранение режима нарушением Конституции страны; сохранение «чёрных списков»

⁴³² Красинский В.В., Машко В.В. Кто есть кто в международном терроризме. М., 2019. С. 108.

⁴³³ Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967. URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/A1967–37.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

радикальных организаций, деятельность которых запрещена и приравнена к террористической; увеличение числа полицейских участков и их финансирования в регионе (Аруначал–Прадеш, где наблюдается рост напряжённости); создание новых резервных батальонов в Ассаме, Аруначал–Прадеш, Манипуре, Мегхалае и Трипуре; развёртывание в регионе вертолётных служб и современных систем дистанционного контроля границы; социальная реабилитация сдавшихся повстанцев, не совершивших тяжких преступлений. Программа действует в Трипуре в отношении бывших членов экстремистской группировки NLFT, прекратившей деятельность в 2016 году; оказание финансовой помощи беженцам, лицам без гражданства, этническим меньшинствам Северо–Востока, обеспечение их жильём и образованием⁴³⁴.

Таблица № 22. Мирные соглашения Центра и радикалов (1997–2021)⁴³⁵

Штат	Организация	Начало действия соглашения	Окончание действия
Ассам	ULFA (R)	3.09.2011	бессрочно
	NDFB (R)	1.06.2005	31.12.2019
	NDFB	27.01.2020	27.01.2025
	Karbi (различные)	04.09.2021	04.09.2026
Манипур	Kuki National Organization / KNO	22.08.2008	28.02.2022
	United People's Front / UPF	22.08.2008	29.02.2020
Нагаленд	NSCN (IM)	1.08.1997	бессрочно
	NSCN (NK)	28.04.2012	27.04.2020
	NSCN (R)	27.04.2015	27.04.2020
	NSCN (K)	15.04.2019	14.04.2020
Трипура	National Liberation Front of Tripura (NLFT)	10.08.2019	бессрочно

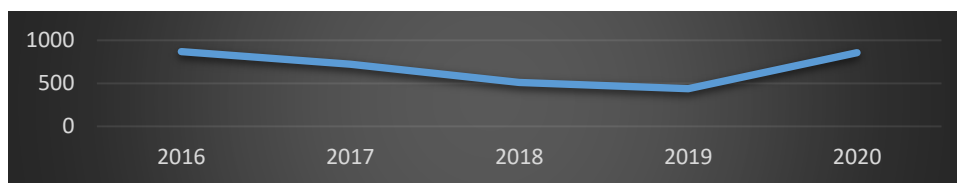
Недостатком этих договорённостей является тот факт, что большинство мирных соглашений не являются бессрочными и требуют продления. Это оставляет за боевиками возможность для манипуляций и возобновления сопротивления, тем не менее, договорённости в основном выполняются. В то же время МВД Индии фиксировало в 2020 году рост напряжённости и

⁴³⁴ 30 sal se Tripura me sakriya NLFT ke 88 ugravadi surrender karenge (2019) [88 активных участников радикальной группировки NLFT в Трипуре, действовавшей в штате в течение 30 лет, задержаны (2019)]. URL: <https://www.bhaskar.com/national/news/militant-group-nlft-sd-will-surrender-88-militant-surrender-in-tripura-01614995.html> (дата обращения: 01.11.2022)

⁴³⁵ Ministry of Home Affairs (India). URL: NE_Major_Achievements_14032022E[1].PDF (mha.gov.in) (дата обращения: 20.09.2023).

инцидентов в отдельных штатах, что характеризует население региона как традиционно довольно протестный электорат.

Рисунок № 15. Религиозные конфликты в Индии (2016–2020)⁴³⁶

Если в целом оценивать деятельность государственной власти в сфере противодействия радикальным сепаратистским движениям региона, то её следует признать успешной, даже несмотря на рост религиозных инцидентов в 2019–2020 годах. Сочетание военных, правовых мер, межгосударственного отраслевого сотрудничества с соседними странами, готовность к компромиссу в переговорном процессе для достижения приемлемых для всех результатов, позволяет реализовать комплекс эффективных мер. Это касается экономической, социальной и политической сфер, что препятствует открытой конфронтации и потерям среди гражданского населения.

Данные МВД Индии по региону подтверждают снижение сепаратистской активности и стабилизацию по всем штатам Северо–Востока. В этом контексте важна готовность государства продолжать процесс деэскалации конфликта и сокращения масштабов противостояния до минимальных. Использование чрезмерных военных и силовых методов на современном этапе развития взаимоотношений «Центр – Северо–Восток» становится нецелесообразным, в большей степени выступая в качестве демонстрации намерений государства противостоять деятельности радикальных группировок и при необходимости решать проблему исключительно методами, предусмотренными в рамках Конституции страны.

⁴³⁶ Malavika Murali (Hindustan Times, 2022). Around 3400 Communal Riots Took Place from 2016–2020: Centre. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/around-3-400-communal-riots-took-place-from-2016-2020-centre-101648611989880.html> (дата обращения 01.11.2022).

ГЛАВА III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН РЕГИОНА ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА

3.1. Геополитические аспекты регионального сепаратизма

В третьей главе исследования рассматриваются проблемы отношений по линии «Индия – Китай – Мьянма – Бангладеш – Бутан» на фоне деятельности сепаратистских движений на Северо–Востоке и прилегающих к нему регионах. Анализ внешнеполитической деятельности позволит выявить потенциал сотрудничества в области безопасности на пограничных территориях этих стран и степень воздействия внешних факторов на отношения «Индия – Северо–Восток». Также будет представлен ряд аргументов в пользу того, что эндогенный этнический сепаратизм отдельных территорий (на примере региона) не может быть исключительно внутригосударственной проблемой, что связано с распространением деятельности международных сетевых радикальных организаций в приграничных территориях соседних государств.

Географическое положение Северо–Востока на стыке Южной, Юго–Восточной и Восточной Азии является как преимуществом, так и источником дополнительных проблем с безопасностью границ, расширяя в том числе границы конфликта. Подобную конфигурацию (с учётом наличия в качестве соседа такого гиганта, как КНР) можно назвать «пентагоном» (пятиугольником) вызовов и проблем, в том числе связанных с сепаратизмом. Индия, Китай, Мьянма, Бангладеш и Бутан – это страны с традиционно большим потенциалом конфликтности в силу нерешённых внутренних этнических противоречий, территориальных претензий, дислокации значительных сил сепаратистских группировок. Вопрос заключается в том, насколько реалистичен сценарий, при котором существует вероятность сохранения регионального сепаратистского конфликта в рамках эндогенного

состояния. Определяющим фактором является способность государства сохранить самостоятельность в решении внутренних проблем, что исключит риск его распада, разрастания и интернационализации конфликта.

Практика показывает, что степень эскалации таких конфликтов зависит от внешнего влияния третьих сторон, военных блоков, таких как НАТО (North Atlantic Treaty Organization). Пример Югославии 1990–х годов подтверждает, что подобное вмешательство несёт негативные последствия для государств с этническими и конфессиональными конфликтами на собственной территории.

Опасность сепаратистской деятельности в отдельно взятом государстве при наличии практически не контролируемых границ чревата расширением зоны деятельности организованных радикальных группировок, что приводит к дестабилизации, вплоть до вооружённых восстаний. При отсутствии полноценного конструктивного диалога на уровне государств нельзя решить проблемы сепаратизма с его деструктивным влиянием на приграничье.

Анализируя в динамике развития происходящие события в регионе ЮА, ЮВА и ВА, можно оценить степень многоаспектного влияния сепаратистского конфликта на Северо–Востоке на соседние с ним страны. Нестабильная ситуация на границах региона и стран Южной Азии (Бангладеш, Бутан), Юго–Восточной Азии (Мьянма) и Восточной Азии (Китай) вызывает (как минимум) негативный геополитический фон и недоверие сторон.

В большей степени это касается Мьянмы, которая имеет собственную длительную историю сепаратизма, с 1948 года постоянно сталкиваясь с угрозой распада страны. Деятельность местных радикалов связана с мировым наркотрафиком, контрабандой оружия, работоторговлей. Символично, что районы действия местных сепаратистов в ряде случаев совпадают с маршрутами знаменитого «золотого треугольника» наркоторговли. Получаемые преступные доходы идут в том числе и на финансирование местных радикальных группировок⁴³⁷.

⁴³⁷ Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. Дисс...к. г. н. М, 2010. С. 147–148.

Несмотря на то, что народы региона имеют более чем тысячелетнюю историю совместного проживания и высокий уровень культурного взаимодействия, зачастую взаимоотношения между ними складываются по принципу «каждый сам за себя». Уровень взаимного недоверия велик, что провоцирует геополитические конфликты (инцидент 2020 года между Индией и КНР), поскольку проблемы не решаются по сути. Местные границы между государствами в основном не демаркированы, что сохраняет политическую и дипломатическую напряжённость, позволяет предъявлять оппонентам территориальные претензии, давая повод сепаратистам и радикалам использовать подобную ситуацию в своих интересах⁴³⁸. Индийские эксперты видят суть проблемы в том, что радикальные движения используются в конъюнктурных военных и политических целях Китая, Бангладеш (с оговорками) и Пакистана, не имеющего прямых границ с регионом. По данным индийской разведки, представители пакистанской ISI (Inter-Services Intelligence) поддерживают антиправительственные группировки в регионе⁴³⁹.

По мнению Индии, для спецслужб Пакистана фундаментальные принципы борьбы с терроризмом – «никаких переговоров с террористами» и «консолидация общих усилий» – являются декларативными. Индия считает, что КНР, Пакистан и, возможно, Бангладеш, имеют контакты с сепаратистами Северо-Востока. Однако следует отметить, что прямых доказательств участия своих оппонентов в данном процессе нет, и подобная риторика может быть пропагандой⁴⁴⁰. При этом Индия не финансирует сепаратистов и радикалов и ведёт с ними бескомпромиссную войну. Нет доказательств, что её соседи

⁴³⁸ Чжун Жуй. Тибетский фактор в китайско-индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI века. Дисс...к. и. н. М., 2016. С. 146–148.

⁴³⁹ Brahma Chelani. Sharanarathi nahin avodh pravasi hen rohingya (2017) [Брахма Челани. Рохинджа – это не беженцы, а нелегальные мигранты (2017)]. URL: <https://www.jagran.com/editorial/apnibaat-rohingyas-are-not-refugees-illegal-immigrants-16818707.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁴⁰ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

придерживается противоположной практики, однако ни одно государство не признает поддержку сепаратистских движений. Но официальные декларации часто не согласуются с конкретными действиями спецслужб⁴⁴¹.

Геополитическая ситуация в регионе такова, что Бангладеш остаётся потенциально «взрывоопасным» государством с точки зрения возможности насаждения там исламского радикализма. С другой стороны, религиозное деление бенгальцев в Бангладеш на мусульманское большинство и индуистское меньшинство (ислам суннитского толка 90% жителей, индуизм – 7,95%, буддизм – 0,61% и католицизм – 0,3%) формирует относительно низкую этническую напряжённость⁴⁴². Межнациональные столкновения в основном отмечены на ограниченных территориях в Chittagong Hill Tracts⁴⁴³.

В свою очередь, ключевое этническое противостояние в Бутане происходит между буддийским большинством (75%) (школа «Друкпа Кагью») и индуистским меньшинством на Юге страны (непальский язык). В начале девяностых годов XX века миграция непальских эмигрантов вызвала волнения коренных бутанцев. Правительство страны не признало непальцев гражданами и проводило в отношении них политику этнической дискриминации. В результате около 120 тысяч непальцев покинули Бутан. До сих пор они проживают в пунктах временного размещения для беженцев, страдают от принудительных депортаций, им отказано в восстановлении собственных прав на землю предков. Несмотря на это, уровень этнической напряжённости в Бутане с 2005 годов остаётся сравнительно низким⁴⁴⁴.

⁴⁴¹ Серенко А.Н. Пакистанские спецслужбы пытаются руками джихадистов взорвать Кашмир (2020) // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/world/2020-05-07/100_rshmir07052020.html?id_user=Y (дата обращения: 20.01.2022).

⁴⁴² Посольство РФ в НРБ. Информация о Бангладеш. https://bangladesh.mid.ru/ru/press-centre/news/informatsiya_o_bangladesh/ (дата обращения: 10.08.2023).

⁴⁴³ Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М., 2014. С. 132.

⁴⁴⁴ Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М., 2014. С. 166.

Что касается Мьянмы, то она серьёзно расколота в этническом отношении. Бирманское большинство составляет около двух третей населения. Сепаратизму местных этнических меньшинств способствуют географические условия страны, управленческая неэффективность федерального правительства и длительный военный режим. Еще в 2011 году Т. Ванханен, исследуя уровень этнической конфликтности в ЮА и ЮВА (Индия, Мьянма), пришёл к выводу, что он значительно превышает средние показатели, приближаясь к максимальным значениям, оценивая их в диапазоне 4 балла по пятибалльной шкале⁴⁴⁵. В настоящее время в Мьянме эти показатели немногим ниже оценок прошлых лет.

Опасность перерастания внутригосударственных конфликтов в межгосударственные увеличивается в случае вынужденной миграции населения. Как правило, происходит резкий подъём проявлений терроризма и этнического насилия, отягощённый современными методами эскалации, высокотехнологической оснащённостью военизированных организованных группировок. Радикализм становится привлекательным для молодёжи.

Ситуация в регионе усложняется регулярными пограничными конфликтами. Весенне–летний конфликт 2020 года между пограничниками Индии и КНР иллюстрирует отношения между двумя ключевыми соседями по региону. Внешняя политика Н. Моди подвергается критике и со стороны оппозиционно настроенных СМИ, которые видят слабость правительства в решении этих вопросов. В качестве аргументов приводятся примеры «ползучей оккупации» Китаем ряда территорий в Ладакхе, строительство мостов и деревни внутри индийской границы в Аруначал–Прадеш. Строительство военных объектов в Докламе является прямой угрозой «коридору Шилигури», соединяющему Северо–Восток с Индией⁴⁴⁶. В целом

⁴⁴⁵ Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М., 2014. С. 248–251.

⁴⁴⁶ 8 Years 8 Frauds, BJP Government Failed (2022). URL: <https://inc.in/congress-sandesh/economy/8-years-8-frauds-bjp-government-failed> (дата обращения: 10.07.2024).

следует признать, что вопросы безопасности требуют внимания правительства, включая ситуацию в регионе. Вектор отношений и позиция Индии в отношении своих ключевых иностранных партнёров и конкурентов остается стабильной. Стране в целом присуща дипломатическая гибкость и наличие рычагов влияния на фоне сложной динамики её отношений с КНР, способность извлекать выгоду, используя те или иные разногласия.

Заинтересованность Индии в сотрудничестве с Бангладеш, Мьянмой, Китаем, Бутаном вызвана необходимостью решить проблему пограничных конфликтов в условиях террористической деятельности сепаратистских организаций, создания общей системы коллективной безопасности, принятия совместных правовых актов о регулировании пограничного сотрудничества, позволивших бы снизить уровень напряжённости на территориях региона.

Вариантом взаимодействия могла бы стать практическая реализация элементов концепции Теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ) Барри Бузана и Оле Вэвера, которая предлагает создание «кластера безопасности» стран, настолько тесно связанных друг с другом, что разрешить отраслевые проблемы по отдельности не представляется возможным. Эффективным такой метод мог бы стать для Бангладеш, Бутана, Мьянмы, – стран, не имеющих глобальных геополитических интересов и сосредоточенных на региональном измерении. Однако они не принадлежат ни к КРБ ЮА, ЮВА или ВА, являясь так называемыми «инсуляторами». Деструктивным моментом является то, что КРБ Южной Азии изначально является «конфликтным образованием», которое предполагает высокую потенциальную вероятность применения насилия и военных конфликтов, а также непосредственное соседство Индии и Китая – держав, имеющих друг к другу много претензий (в том числе территориального характера). В этой связи вариант реализации ТКРБ на практике мало реалистичен⁴⁴⁷.

⁴⁴⁷ Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия (2011). С. 8–11. URL: <https://cloud.mail.ru/attaches/17491228151467909845%3B0%3B1?folder-id=0&x-email=24rotweiss48%40mail.ru&cvq=f> (дата обращения: 20.10.2023).

Конкретные меры по решению проблемы трансграничного сепаратизма и терроризма в регионе сводятся к согласованной пограничной политике, охране внешних границ, взаимодействию в кризисных ситуациях, согласованию общих функций для соответствующих структур. Целесообразным стало бы использование мирового правового опыта с учётом коррекции, предусматривающей этнические особенности региона. На практике это могло бы выразиться в принятии конвенции, регламентирующей общий для всех режим о пересечении границ, введению единого визового режима, мониторингу границ с применением современных технологий, сотрудничеству правоохранительных органов, созданию органа по координации пограничного сотрудничества в рамках SAARC, интегрированному управлению границами (обмен и анализ информации при существовании угроз общим границам, осуществление совместных действий по обеспечению пограничной безопасности, включающее создание совместной системы береговой охраны). Однако отсутствие доверия между партнерами и внешней реальной общей угрозы пока не позволяет создать общую систему региональной безопасности⁴⁴⁸.

3.2. Взаимодействие стран региона в рамках решения проблемы сепаратизма

Взаимодействие Индии и Бангладеш в решении пограничных споров и совместной борьбе с сепаратистскими и террористическими группировками Северо-Восточной Индии – это пример того, насколько сильно зависит решение подобных проблем от политической конъюнктуры на том или ином

⁴⁴⁸ Маккамбаев П.У. Международно-правовое регулирование пограничной безопасности интеграционных сообществ: на примере опыта СНГ, Союзного государства, ЕАЭС и ЕС (2019). С. 96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-pogranichnoy-bezopasnosti-integratsionnyh-soobschestv-na-primere-opyta-sng-soyuznogo/viewer> (дата обращения: 20.05.2023).

историческом этапе развития межгосударственных отношений. И здесь ключевое значение имеет позиция руководителей Бангладеш, поскольку Индия традиционно занимала в отношении своего соседа достаточно конструктивную позицию (как минимум с 1969 года – начала борьбы Восточного Пакистана за независимость), поддерживая стремление бенгальцев к самоопределению и суверенитету.

Необходимо отметить, что впервые пограничная проблема в данном регионе возникла ещё в 1947 году, когда произвольное территориальное разделение Бенгалии и Северо–Востока привело к тому, что возник крайне болезненный вопрос читмахалов – индийских и бангладешских анклавов внутри территории уже другого государства. Эта ситуация напрямую связана с деятельностью Комиссии Сирила Рэдклиффа, которая летом 1947 года устанавливала границы без учета конфессионального принципа, а, исходя из экономической целесообразности. К примеру, Chittagong Hills, населённый преимущественно буддистами, отнесённых к Восточному Пакистану (Бангладеш)⁴⁴⁹.

Поэтому есть смысл представить ситуацию в контексте корреляции «пограничья» и отношений Индии и Бангладеш. Пограничная проблема Северо–Востока и близлежащих к ней регионов во время нахождения Бангладеш в составе Пакистана практически не решалась. Пакистан не контролируемую границу Северо–Востока и Восточного Пакистана рассматривал в качестве рычага давления на Индию, сепаратисты и радикалы получали убежище как раз в читмахалах. Эти фактически «ничейные» территории превратились в гнездо распространения криминала и коррупции, нелегальной миграции, иной деятельности, наносящей значительный ущерб местным жителям и провоцировавших их на протестные выступления⁴⁵⁰. Пакистан имел канал взаимодействия с Китаем, который до 1980–х годов

⁴⁴⁹ Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии. М., 2012. С. 211.

⁴⁵⁰ Бочковская А.В. Контуры границ и пограничья // Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. С. 69–70.

также активно поддерживал местных радикалов. Таким образом, в период 1947–1971 годов проблема «пограничья» и читмахалов оставалась нерешенной в силу враждебных отношений между Индией и Пакистаном (трижды воевавших за это время).

Независимость Бангладеш должна была изменить негативную для Индии ситуацию. Пакистан терял возможность напрямую влиять на обстановку в восточной части Индии, к власти в Дакке пришёл Муджибур Рахман и партия Awami League (AL), дружественно относившаяся к Индии. В 1974 году Индира Ганди и Муджибур Рахман подписали соглашение, согласно которому две страны брали под свою юрисдикцию те анклавные территории соседнего государства, которые располагались на его территории (для наведения там «конституционного порядка»)⁴⁵¹. Однако правительство М. Рахмана (1971–1975) не справилось с потоками беженцев из Восточного Пакистана, хлынувших на территорию Северо–Востока после массовых репрессий и Войны за независимость Бангладеш (1971). Ситуация в индийских штатах Ассаме и Трипура накалилась, нарушив этноконфессиональное равновесие.

Убийство М. Рахмана в 1975 году фактически уничтожило все предыдущие усилия, и после перехода власти к военным проблема была «заморожена» на 17 лет (до 1992 года). Военные режимы НРБ (Зиаур Рахман, Хуссейн Мохаммед Эршад) поддерживали сепаратистское движение в регионе, действуя в пользу Пакистана и Китая⁴⁵².

Улучшение отношений двух стран, произошедшее во время первого прихода к власти Хасины Вазед (1996–2001), привело к частичному решению пограничной проблемы, совместному противодействию как с террористами Бангладеш, так и радикалами из региона. Правление Халеды Зии (вдовы Зиаура Рахмана) в 2001–2006 годах, последующий период военного режима

⁴⁵¹ Бочковская А.В. Контуры границ и пограничья // Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. С. 59–60.

⁴⁵² Subir Bhaumik. Troubled periphery: crisis of India's North East. New Delhi, 2009. P. 224.

(2007–2008), вновь отложили решение пограничной проблемы. И лишь в 2009 году после возвращения к власти Шейх Хасины эта проблема была разрешена.

Партия Awami League видела в поддержке повстанцев Северо–Востока угрозу существования своей страны. В ноябре 2009 года были выданы Индии десять лидеров ULFA, в том числе глава организации Арабинда Раджкхова и его заместитель, полевой командир Радж Баруа. В сентябре 2010 года такая же участь постигла Раджкумара Мегхена (или Сану Яйму) – лидера UNLFM. Примерно в то же время в аэропорту Катманду был задержан и экстрадирован в Индию основной поставщик китайского оружия радикалам нага Антони Шимрай, проживавший в Таиланде⁴⁵³. Бангладеш активно взаимодействовала с Индией в вопросе борьбы с сепаратизмом. Как жест доброй воли рассматривается выдача лидеров группировок СВИ (ULFA, NSCN–K, NDFB и ряда других) в 2009–2015 годах⁴⁵⁴.

Продолжением сближения двух стран стало подписание в 2011 году Дополнительного протокола к Соглашению 1974 года, а в мае 2015 года была принята 100–я поправка к Конституции Индии. Летом 2015 года страны ратифицировали Договор о сухопутной границе, обменялись 162 пограничными анклавами (111 – НРБ, 51 – Индии). В итоге проблема, которой насчитывалось 68 лет, была, по крайней мере частично, решена⁴⁵⁵.

Достижения 2009–2015 годов по разрешению проблемы радикализма в регионе (в том числе в проведении совместных операций против радикалов, взаимной выдачи преступников и попытки пресечь наркотрафик, контрабанду), по мнению лидеров Индии и НРБ, были вполне закономерны⁴⁵⁶.

⁴⁵³ Subir Bhaumik. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. P. 224.

⁴⁵⁴ Rajiv Bhattacharya. *Why has China given shelter to a rebel leader from India's Northeast?* (2020) // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2020/02/why-has-china-given-shelter-to-a-rebel-leader-from-indias-northeast/> (дата обращения: 30.06.2022).

⁴⁵⁵ Ministry of External Affairs of India. *India–Bangladesh Land Boundary Agreement* (6.06.2015). URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/25354_scan0006.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁵⁶ Shishir Gupta. *Sheikh Hasina at helm, India-Bangladesh economic cooperation sets a new milestone* (2020) // *Hindustan Times*. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/sheikh-hasina-at-helm-india-bangladesh-economic-cooperation-sets-a-new-milestone/story-auufS6006TbOmRepnTmNSI.html> (дата обращения: 10.06.2022).

Тем не менее, существование реальных угроз, трафик наркотиков, оружия и нелегальной миграции пока остаётся практически не решаемой задачей. Полный разгром баз боевиков Северо–Востока на территории Бангладеш рассматривается Индией как одно из условий интенсификации совместного диалога, но коррумпированность чиновников и других заинтересованных лиц высока, несмотря на угрозу наказания. Преступные доходы – источник обогащения бангладешских отраслевых чиновников, что приводит к увеличению трафика контрабандных товаров в Индию⁴⁵⁷.

Также необходимо отметить, что рост радикальных исламских настроений в государстве, которое имеет плохо контролируемую границу с Северо–Восточной Индией, практически неизбежно приводит к активизации в регионе мусульманских экстремистов. Соответственно, существенное снижение роли исламистов в НРБ, наблюдаемое в последнее десятилетие, до определённой степени коррелируется с ослаблением деятельности мусульманского подполья на Северо–Востоке (в частности, Ассаме и Трипуре, где велика доля бангладешских мигрантов). В этом контексте следует отметить, что отношение двух ключевых политических группировок страны – Awami League (Х. Вазед) и «Националистической партии» (Х. Зия) – к процессам радикализации ислама в Бангладеш, включая такие аспекты, как введение системы шариатских судов, существенно отличаются. И если первые негативно относятся к радикальным проявлениям в исламе и стремятся поддерживать секуляристский курс. Вторые, напротив, открыто выступают за форсированную и всеобъемлющую исламизацию, которую, к слову, не поддерживает большая часть населения в силу особенностей бангладешской истории, культуры и менталитета⁴⁵⁸.

Следует подчеркнуть, что Индия категорически не хотела бы иметь на двух границах – западной и восточной – два враждебно настроенных

⁴⁵⁷ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁵⁸ Котин И.Ю. Ислам в Бангладеш. СПб, 2019. С. 161.

государства (Пакистан и Бангладеш). В Нью-Дели хорошо помнят, что во время нахождения у власти в Дакке националистов Х. Зии или военных диктаторов (З. Рахман, Х.М. Эршад) ситуация складывалась крайне негативным для Индии образом. В то же время в периоды 1971–1975, 1996–2001 и 2009–2024 годов отмечены активным сотрудничеством в рамках совместной борьбы с сепаратизмом, добившись существенных успехов.

Тем не менее, добрососедские отношения вовсе не означают, что всё складывается бесп проблемно. Еще со времён нахождения Бангладеш в составе Пакистана сформировалась такая сложная проблема, как отсутствие контролируемой границы с регионом со всеми вытекающими проблемами, в том числе подрывной деятельностью иностранных разведок против Индии⁴⁵⁹.

В свою очередь, Пакистан и Саудовская Аравия (СА) имеют каналы влияния на Бангладеш. Это деятельность разведок (пакистанская ISI), многотысячный хадж бангладешских паломников в Мекку и Медину, значительное количество трудовых мигрантов из НРБ в арабских странах, многочисленные духовные школы–медресе, финансирование и политические увязки кредитования (со стороны СА)⁴⁶⁰. Все эти факторы влияют на политическую стабильность в Бангладеш, хотя Х. Вазед в целом удается ограничивать мусульманский радикализм и другие негативные проявления. Впрочем, ситуация в стране может измениться в любой момент, как было, например, в 2013–2017 годах, когда так называемый «Джихад ножей» переживал один из своих пиков⁴⁶¹.

Несмотря на существенные экономические успехи Бангладеш в последние годы, уровень жизни и процент среднего класса остаются низкими, а количество бедных критически велико. Значительная часть бангладешской

⁴⁵⁹ Brahma Chelani. Sharanarathi nahin avodh pravasi hen rohingya (2017) [Брахма Челани. Рохинджа — это не беженцы, а нелегальные мигранты (2017)]. URL: <https://www.jagran.com/editorial/apnibaat-rohingyas-are-not-refugees-illegal-immigrants-16818707.html> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁶⁰ Котин И.Ю. Ислам в Бангладеш. СПб, 2019. С. 161.

⁴⁶¹ Котин И.Ю. Ислам в Бангладеш. СПб, 2019. С. 161.

молодёжи не имеет работы, становясь лёгкой добычей для радикальных исламистских проповедников и сторонников национализма и терроризма. Схожее положение и в регионе, и этот объединённый потенциал радикализма представляет собой достаточно серьёзную угрозу. Правительство НРБ стремится минимизировать риски, развивая экономическую и социальную сферу по примеру Индии. Помимо реализации национальных проектов, направленных на обеспечение занятости населения, в стране проводится своеобразная «профилактика» радикализма, когда в образовательные программы вводятся элементы светского образования молодёжи. При этом важность ислама как государственной религии не ставится под сомнение⁴⁶².

В определённых ситуациях бангладешские власти действуют очень жёстко как против «внутренних» террористов, так и против радикалов Северо–Востока. Против первых были развёрнуты регулярные боевые действия (на юге страны, в Сундарбане). После беспорядков, вызванных итогами выборов 2014 года, были арестованы тысячи радикалов, в 2016 году казнены лидеры исламистских партий Jamaat-i-Islami («Исламское общество») и Tablig-i-Jamaat («Общество проповедников»). После резонансного теракта 1 июля 2016 года в Дакке были ужесточены антитеррористические меры, и 12 тысяч человек оказались в тюрьмах. Ситуация постепенно стабилизировалась, однако до полного решения проблемы исламских экстремистов, как и в случае с сепаратистами Северо–Востока ещё достаточно далеко⁴⁶³.

Подводя итог истории взаимодействия Индии и Бангладеш в рамках борьбы с внутренним и внешним сепаратизмом в регионе, следует отметить, что оно переживало как негативные, так и позитивные этапы. Совместная работа по снижению напряжённости, связанной с трансграничным сепаратизмом, позволяет надеяться, что в перспективе эта проблема будет сведена к минимуму. Проведение совместных пограничных операций, взаимная выдача лидеров сепаратистов и террористов, осуществление

⁴⁶² Котин И.Ю. Ислам в Бангладеш. СПб, 2019. С. 161.

⁴⁶³ Котин И.Ю. Ислам в Бангладеш. СПб, 2019. С. 169–170.

контроля над общей границей, внедрение систем дистанционного мониторинга часть комплексного взаимодействия в значительной мере зависит от политической ориентации государственной власти в НРБ. Индия заинтересована в сотрудничестве с Awami League, поскольку любое изменение политического курса, как правило, приводит к частичному или полному прекращению сотрудничества в этой области. Многое зависит от степени преемственности и стабильности курса правительств обеих стран.

Взаимодействие Индии и Мьянмы по решению проблемы сепаратизма в регионе. Взаимоотношения Индии и Бирмы/Мьянмы в целом нельзя назвать бесппроблемными, несмотря на заявления руководителей двух стран начиная с 1947–1948 годов. Это происходит несмотря на значительное культурное, религиозное влияние индийской цивилизации на бирманскую. Бирма после аннексии англичанами (1885–1886) была включена в состав Индийского союза (до 1937 года). Антиколониальное партизанское движение подавлялось при участии колониальных войск, в значительной степени состоящее из индийцев. Это обстоятельство, а также тот факт, что последние играли существенную роль в местной торговле, управлении, войсках и полиции, вызывало серьёзное недовольство и недоверие бирманцев к Индии⁴⁶⁴.

В большей степени это касается периода с 1962 по 1988 годы, когда у власти в Рангуне (Янгоне) находились военные, а в стране продолжалась Гражданская война. Принципиальной позицией индийских властей является отсутствие поддержки бирманских сепаратистов (в том числе в Ракхайне). Единственным шагом Индии стало предоставление убежища бывшему премьер-министру У Ну, свергнутого генералом Не Вином в 1962 году. Тогда как в ходе беспорядков в поддержку демократии, проходивших в Бирме в августе–сентябре 1988 года, Индия ограничилась «моральной поддержкой» местных активистов и протестующих⁴⁶⁵.

⁴⁶⁴ Листопадов Н.А. Проблемы отношений между Мьянмой и Индией: история и современность. М., 1995. С. 10–12.

⁴⁶⁵ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 25.

Ситуация периодически накаляется, и связано это в определённой степени с наличием протяжённой (порядка 1500 км) бирмано–индийской границы. Это труднодоступные горы и джунгли, где наблюдается обоюдная нехватка пограничных сил безопасности. Граница остаётся открытой для действий радикалов по обе её стороны, затрудняя наведение пограничниками и другими службами двух стран контроля в этих районах⁴⁶⁶.

Индию беспокоит тот факт, что Мьянма является ключевым партнёром КНР в регионе, поскольку именно через неё проходит транспортный коридор в Индийский океан (от юго–западных провинций Китая, включая Юньнань, отрезанных от выхода к Бенгальскому заливу). Кроме того, бывшие структуры КПБ (Коммунистическая партия Бирмы), в частности, UWSA (United Wa State Army) остаются инструментом удержания китайского влияния в Мьянме. Пекин оказывает помощь в модернизации ВМФ Мьянмы⁴⁶⁷.

В апреле 2015 года Индия выразила неудовольствие тем, что бирманцы продолжают спокойно смотреть на присутствие радикалов Северо–Востока на своей территории. Тогда индийские военные и пограничники пересекли границу с Мьянмой и уничтожили базы и лагеря повстанцев из Ассама, Манипура и Нагаленда, которые снабжались оружием, поступавшим с «секретных» оружейных предприятий Северного Качина – территории, где в своё время активно действовали бирманские коммунистические повстанцы. По мнению экспертов, оборудование и инструкторов предоставляла КНР. Пекин на официальном уровне не поддерживает идею независимости Ассама, Манипура и Нагаленда, тем не менее, сохранение напряжённости в регионе скорее соответствует его геополитическим интересам⁴⁶⁸.

⁴⁶⁶ Листопадов Н.А. Проблемы отношений между Мьянмой и Индией: история и современность. М., 1995. С. 45.

⁴⁶⁷ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 27.

⁴⁶⁸ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 27.

Ещё одним фактором, осложняющим взаимодействие Индии и Мьянмы, являются границы, установленные по этническому принципу, когда племена нага и мизо оказались разделёнными. Предполагалось, что народы округа Горы нага и Горы мизо образуют новую объединённую английскую колонию в регионе. Однако обретение Индией (1947) и Бирмой (1948) независимости от Великобритании разрушило данные планы, став триггером к будущим сепаратистским выступлениям как на территории Северо–Востока, так и в Бирме (в частности, в Чинском особом округе)⁴⁶⁹.

Отсутствие эффективного пограничного контроля ещё со времен получения двумя странами независимости позволило процветать местным мафиозным структурам. Такая ситуация вынуждала индийские силы пограничной безопасности неоднократно проводить операции на территории Бирмы с целью уничтожения сепаратистов из Ассама, Манипура, Мизорама и Нагаленда. Безусловно, это вызывало недовольство властей в Янгоне и ставило под удар взаимные контакты⁴⁷⁰.

Тем не менее, отношения Индии и Бирмы/Мьянмы в вопросах пограничной безопасности последовательно развиваются уже более 30 лет, начиная с 1990–х годов, когда Индия в рамках политики East Policy (премьер–министры Н. Рао и А. Б. Ваджпаи) стала проводить многовекторную политику в отношении соседних государств. Первым серьёзным успехом в деле объединения усилий военных стала совместная операция «Золотая птица» (Golden Bird) по разгрому лагерей боевиков Северо–Востока в 1995 году. В августе 2000 года в Янгоне состоялась встреча глав МИД обеих стран, тогда же были подписаны соглашения, касающиеся ужесточения контроля границы. В 2004 году в ходе визита в Дели бирманского правителя – генерала Тан Шве (1992–2011) – было подписано соответствующее соглашение, в рамках реализации которого в январе 2006 года состоялась совместная военная

⁴⁶⁹ Листопадов Н.А. Проблемы отношений между Мьянмой и Индией: история и современность. М., 1995. С. 35.

⁴⁷⁰ Листопадов Н.А. Проблемы отношений между Мьянмой и Индией: история и современность. М., 1995. С. 35.

операция против сепаратистов Северо–Востока на территории Мьянмы⁴⁷¹. Тем не менее, несмотря на частичное снижение активности сепаратистских группировок региона, положение дел оставалось нестабильным. Нахождение на территориях Мьянмы баз сепаратистов во многом нивелировало предпринимаемые Индией усилия по стабилизации ситуации, которая осложнялась Гражданской войной в Бирме (1948–2012) и не оставляла возможности федеральным властям контролировать районы, прилегающие к Северо–Востоку⁴⁷².

Окончание Войны в 2012 году, приход к власти в Индии Н. Моди (2014) дали возможность выйти на новый уровень отношений. В 2014 году был подписан Меморандум о взаимопонимании в сфере пограничного сотрудничества (обмен информацией о вооружённых инцидентах, торговле оружием, наркотиками, людьми и животными). С 2013 года практикуется совместное патрулирование пограничья, включая контроль морской границы. В 2018 году в индийском штате Мегхалая были проведены совместные военные учения IMBAX (India–Myanmar Bilateral Army Exercise)⁴⁷³.

В июле 2019 года был подписан Меморандум о взаимопонимании в области оборонного сотрудничества. В рамках данного соглашения Индия увеличивала поставки оружия, дистанционных средств контроля пограничных зон, а также направляла своих военных советников для подготовки и

⁴⁷¹ Rumki Basu. International Politics. Concepts, Theories and Issues. New Delhi, 2012. P. 474–475.

⁴⁷² Brahmadeep Alunay. Bharat–Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (2018) [Брахмадип Алунай. Для разрушения отношений между Индией и Мьянмой осуществляется геноцид индуистов в Мьянме (2018)]. URL: <https://www.jagran.com/news/national-india-myanmar-relation-and-mass-killing-of-hindus-jagran-special-18083469.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁷³ Paras Ral. Bharat–Myanmar raksha kutniti: ek mazbut sambandh ke taraph agrasar (2020) [Парас Рал. Оборонная политика Индии и Мьянмы: движение в сторону её укрепления (2020)]. URL: <http://earp.in/en/2020/03/18/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A4-%E0%A4%AE%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%82%E0%A4%AE%E0%A4%BE%E0%A4%B0-%E0%A4%B0%E0%A4%95%E0%A5%8D%E0%A4%B7%E0%A4%BE-%E0%A4%95%E0%A5%82%E0%A4%9F%E0%A4%A8/> (дата обращения: 20.06.2022).

переобучения бирманской армии. Последний момент крайне важен для Мьянмы, поскольку после эскалации конфликта с беженцами рохинджа в 2017 году Великобритания отказалась участвовать в подготовке бирманских военных. Взаимодействие пограничных сил безопасности двух стран укрепились после кровопролитной атаки сепаратистов региона, произошедшей в Чанделе (Манипур) в июне 2015 года. Тогда погибло 19 индийских пограничников, и ответственность за теракт была возложена на NSCN–К. Индийское правительство потребовало от Мьянмы ликвидировать лагеря и базы сепаратистов нага, находившиеся на территории страны⁴⁷⁴.

Главной задачей стало блокирование пограничных переходов, которыми практически беспрепятственно пользовались NSCN–К, ULFA–I, AA (Arakan Army), ARSA (Arakan Rohingya Salvation Army) и другие активные группировки как на территории Северо–Востока, так и Северо–Западной Мьянмы. Объединённые усилия привели к стабилизации обстановки в регионе. В период с 2015 по 2020 годы интенсивность конфликта здесь существенно снизилась. В немалой степени этому способствовало подписание мирного соглашения между Индией и представителями сепаратистов нага (NSCN–К) в 2015 году⁴⁷⁵.

Эскалация ситуации в штате Ракхайн и начало кризиса беженцев–мусульман рохинджа (с 2016–2017 года) в очередной раз осложнила

⁴⁷⁴ Paras Ral. Bharat–Myanmar raksha kutniti: ek mazbut sambandh ke taraph agrasar (2020) [Парас Рал. Оборонная политика Индии и Мьянмы: движение в сторону её укрепления (2020)]. URL:

<http://earp.in/en/2020/03/18/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A4-%E0%A4%AE%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%82%E0%A4%AE%E0%A4%BE%E0%A4%B0-%E0%A4%B0%E0%A4%95%E0%A5%8D%E0%A4%B7%E0%A4%BE-%E0%A4%95%E0%A5%82%E0%A4%9F%E0%A4%A8/> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁷⁵ Paras Ral. Bharat–Myanmar raksha kutniti: ek mazbut sambandh ke taraph agrasar (2020) [Парас Рал. Оборонная политика Индии и Мьянмы: движение в сторону её укрепления (2020)]. URL:

<http://earp.in/en/2020/03/18/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A4-%E0%A4%AE%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%82%E0%A4%AE%E0%A4%BE%E0%A4%B0-%E0%A4%B0%E0%A4%95%E0%A5%8D%E0%A4%B7%E0%A4%BE-%E0%A4%95%E0%A5%82%E0%A4%9F%E0%A4%A8/> (дата обращения: 20.06.2022).

взаимоотношения не только Мьянмы и Бангладеш (место приёма беженцев), но и Индии и Мьянмы. Индийцы не без оснований опасались, что потоки рохинджа хлынут на территорию Северо–Востока, что в очередной раз обострит обстановку в регионе. При этом позиция двух стран по отношению к исламским беженцам из Ракхайна существенно отличается – для индийцев это потенциальные радикалы, нелегально пересекающие индо–бангладешскую границу в районе Северо–Востока. Для граждан Бангладеш – это пострадавшие единоверцы, бенгальцы–мусульмане, насильно вывезенные английскими колонизаторами после 1930–1940–х годов в Аракан (Бирма)⁴⁷⁶.

Индия занимает в этом вопросе жёсткую позицию, не желая осудить геноцид против рохинджа, что вызывает по меньшей мере недовольство Бангладеш. Индийцы обеспокоены участившимися случаями преследований индуистов в Ракхайне и на территории НРБ. Подобные явления фиксируются международными организациями (Amnesty International). В Мьянме проживает около 250 тысяч индусов (0,5% населения страны), в штате Аракан их численность оценивается в 10 тысяч человек и 1 млн рохинджа⁴⁷⁷.

Взаимоотношения двух стран наталкиваются на ряд разногласий и уже практически не зависят от личных отношений Н. Моди и Ш. Хасины. Позиция НРБ, её сил безопасности и разведки остаётся «разнонаправленной», что объясняется отсутствием экономической и инвестиционной заинтересованности страны в Ракхайне. Защита же мусульман рохинджа является для НРБ политическим и во многом репутационным вопросом⁴⁷⁸.

⁴⁷⁶ Кулагин В. Пробудились. Буддисты взяли за оружие и громят мечети. За что они возненавидели мусульман? (2019). URL: https://lenta.ru/articles/2019/12/09/buddha_dhamma/ (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁷⁷ Brahmadeep Alunay. Bharat–Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (2018) [Брахмадип Алунай. Для разрушения отношений между Индией и Мьянмой осуществляется геноцид индуистов в Мьянме (2018)]. URL: <https://www.jagran.com/news/national-india-myanmar-relation-and-mass-killing-of-hindus-jagran-special-18083469.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁷⁸ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmy-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

Индийские и бирманские эксперты считают, что кампания агрессивного геноцида индуистов, совершаемая в основном боевиками ARSA, ведётся при негласной финансовой поддержке КНР, Пакистана и, частично, НРБ. Заподозрить последнюю в желании подорвать региональную стабильность едва ли представляется возможным. Однако можно допустить нежелание укрепления двусторонних отношений Индии и Мьянмы, которые, несмотря на разногласия, выходят на новый этап развития⁴⁷⁹.

Масштаб информационной войны сепаратистов АА и ARSA против бирманской армии, обвиняемой в геноциде рохинджа Аракана, вполне объясним. Вместе с тем, нельзя отрицать, что власти Мьянмы принимают жёсткие меры для подавления выступлений⁴⁸⁰.

В средствах массовой информации Индии обсуждалась возможность более активного участия войск в борьбе с ракхайнскими сепаратистами, бросившими вызов Индии, мешающими реализации её инвестиционных проектов, в частности, транспортного проекта «Манипур (штат Северо–Востока) – Мьянма – Таиланд». Перед Индией стоит серьёзная дилемма – с одной стороны, серьёзные экономические задачи (реализация проекта «Каладан» оценивается в 500 млн долларов) и социальные интересы Северо–Восточной Индии, территориально затрагивающие регион с многомиллионным населением. С другой стороны – Ракхайнская война, обострившаяся с 2016 года до критического уровня⁴⁸¹.

История знает множество примеров, когда национальная политика «малых стран» становилась поводом для разжигания крупных региональных и

⁴⁷⁹ Brahmadeep Alunay. Bharat–Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (2018) [Брахмадип Алунай. Для разрушения отношений между Индией и Мьянмой осуществляется геноцид индуистов в Мьянме (2018)]. URL: <https://www.jagran.com/news/national-india-myanmar-relation-and-mass-killing-of-hindus-jagran-special-18083469.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁸⁰ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁸¹ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

даже мировых войн. В таких ситуациях подрывается не только внутренняя конструкция безопасности, но и рушится общий политический баланс. Ракхайнская война в перспективе может стать если не прямой угрозой, то перманентным источником напряженности для всего региона.

Действия радикалов из АА и союзных ей группировок создают нестабильность на границах как минимум трёх стран. Радикальные организации Северо–Востока и НРБ имеют тесное взаимодействие с араканскими сепаратистами, АА имеет свои базы в Мизораме. Сложная сеть террористических группировок не позволяет стабилизировать ситуацию в приграничных штатах Индии (Ассам, Манипур, Мизорам и Нагаленд) и Мьянмы (Ракхайн, Качин, Шан). Агрессивные действия радикалов создают препятствия для развития экономического сектора, отпугивая инвесторов, не готовых вкладывать средства в политически нестабильные регионы⁴⁸².

Ситуация осложняется тем, что неудачи мьянманских регулярных войск связаны с отсутствием эффективной, отвечающей современным реалиям правительственной тактики, тогда как лагеря и базы АА как на территории Северо–Востока, так и самой Мьянмы, чрезвычайно мобильны. Представители бирманской армии признают, что прежние методы борьбы с сепаратистами (окружение и последующая «зачистка» районов, занятых сепаратистами), которая были относительно эффективны во времена Гражданской войны в стране (1948–2012), сегодня уже не работает. Правительственные силы нуждаются в помощи международных организаций или стран, способных содействовать борьбе против АА. В этой связи Мьянма возлагает надежды на Индию и Россию, которые весьма осторожно

⁴⁸² «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

высказывали позицию по рохинджа, в отличие от стран Запада, жёстко осудивших бирманские войска за «неоправданную агрессию»⁴⁸³.

В этой ситуации возникает вопрос о прямом военном участии Индии в конфликте. Такое решение (в случае официального разрешения со стороны руководства Мьянмы об участии регулярных индийских войск) может привести к непредсказуемым последствиям. Однако никак не реагировать на действия ракхайнских сепаратистов Индия не может – и здесь идёт речь не только о финансах и контрактах, но и о престиже страны⁴⁸⁴.

Реальным и эффективным решением проблем пограничья могли бы стать совместные действия в рамках общей борьбы с угрозой ракхайнского сепаратизма, включая мусульманских радикалов из ARSA. Однако лишь Индия и Мьянма интенсифицировали пограничное сотрудничество в 2017–2020 годах, проводя ряд совместных военных операций.

Как минимум неоднозначной является реакция на сотрудничество двух стран в оборонной и пограничной области со стороны Китая, Пакистана и Бангладеш. По мнению ряда индийских и бирманских экспертов, соседние государства, в частности, представители разведки, «оружейного лобби», вооружённых сил и пограничников, не проявляют заинтересованности в урегулировании проблем сепаратизма ни на Северо–Востоке, ни в регионе в целом. Звучат серьёзные обвинения в адрес КНР, Пакистана и Бангладеш об их не только политической, но и материальной заинтересованности, желании контролировать потоки оружия и нелегальных мигрантов. Фактически сегодня в регионе формируется геополитический треугольник «Китай – Пакистан – Бангладеш», противостоящий паре «Индия – Мьянма»⁴⁸⁵.

⁴⁸³ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁸⁴ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁸⁵ Brahmadeep Alunay. Bharat–Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (2018) [Брахмадип Алунай. Для разрушения отношений между Индией и Мьянмой осуществляется геноцид индуистов в Мьянме (2018)]. URL:

Ситуация складывается таким образом, что значительная часть региона Северо–Западная Мьянма становится проблемой для бирманских и индийских сил безопасности. Слабость правительственного пограничного контроля Мьянмы, мобильность сепаратистских группировок, новейшее (китайское) оружие, транзитом поступающее через бирманские штаты Ва и Шан, использование цифровых технологий позволяет АА установить практически полный контроль над Ракхайном⁴⁸⁶.

В настоящее время группировки Мьянмы (действующие в штатах Аракан, Качин, Ва и Шан) контролируют растущий поток наркотрафика, уступающий по обороту только афганскому, который проникает в Бангладеш (через Читтагонг) и на Северо–Восток (Чампхай, штат Мизорам). Возможности государства контролировать его ограничены, наркомафия имеет здесь мощное лобби, а для многих жителей региона наркотрафик – это практически единственный способ выжить⁴⁸⁷.

Правительственные силы Мьянмы проводят военные операции против радикалов. Так, в январе 2019 года бирманские пограничники провели операции в пограничных с Северо–Востоком районах, арестовав лидеров ULFA–N, PLAM, KYKL и целого ряда других. Захват штаб–квартиры NSCN–К в районе Сагаинг стала крупным успехом бирманских сил безопасности. Индия положительно воспринимает подобные решительные шаги⁴⁸⁸.

<https://www.jagran.com/news/national-india-myanmar-relation-and-mass-killing-of-hindus-jagran-special-18083469.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁸⁶ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁸⁷ Paras Ral. Bharat–Myanmar raksha kutniti: ek mazbut sambandh ke taraph agrasar (2020) [Парас Рал. Оборонная политика Индии и Мьянмы: движение в сторону её укрепления (2020)]. URL:

<http://earp.in/en/2020/03/18/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A-%E0%A4%AE%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%82%E0%A4%AE%E0%A4%BE%E0%A4%B0-%E0%A4%B0%E0%A4%95%E0%A5%8D%E0%A4%B7%E0%A4%BE-%E0%A4%95%E0%A5%82%E0%A4%9F%E0%A4%A8/> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁸⁸ Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move (2020). URL: <https://thewire.in/south-asia/myanmar-militant-northeast-handover> (дата обращения: 20.06.2022).

Сотрудничество двух стран в данной сфере подвергается испытаниям на прочность, поскольку поиск консенсуса затрудняется взаимными претензиями в «недостаточной бескомпромиссности» по отношению к базам радикалов. В лагерях АА в индийском Мизораме имеют возможность скрываться боевики с территорий Мьянмы. В бирманской прессе упоминается и лагерь АА в Палетве (штат Чин, вблизи границы с Манипуром и Мизорамом)⁴⁸⁹.

В этой связи одной из важнейших задач в настоящее время является ограничение миграции беженцев рохинджа через индо–бирманскую границу и недопущение их взаимодействия с сепаратистами Северо–Востока. Основной целью совместных действий является пресечение контактов между взаимодействующими сепаратистскими группировками Мьянмы (АА, ARSA, KIA / Kachin Independence Army) и индийскими (NSCN, ULFA, KLO / Kamatapur Liberation Organization и другие), представляющими серьёзную террористическую угрозу для региона⁴⁹⁰.

Подводя итог истории взаимоотношений Индии и Мьянмы в рамках борьбы с сепаратизмом в регионе, можно констатировать, что страны прошли периоды как интенсификации, так и довольно слабого взаимодействия (или его отсутствия), взаимного недоверия и охлаждения. С 2014–2015 годов отмечается положительная динамика, практикуются совместные операции и учения, направленные на противодействие радикалам, выдача экстремистов, сотрудничество пограничных и вооружённых сил двух стран. Однако сохраняется и немало проблем. Продолжающиеся вылазки радикалов по обе стороны границы, трафик наркотиков и оружия, нелегальная миграция, – всё это требует стабильности и преемственности политического курса,

⁴⁸⁹ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmy-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁹⁰ Brahma Chelani. Sharanartha nahin avodh pravasi hen rohingya (2017) [Брахма Челани. Рохинджа – это не беженцы, а нелегальные мигранты (2017)]. URL: <https://www.jagran.com/editorial/apnibaar-rohingyas-are-not-refugees-illegal-immigrants-16818707.html> (дата обращения: 10.06.2022).

направленного на сотрудничество в этой области. Мьянма не может решить эти проблемы самостоятельно.

Серьёзную опасность для региональной безопасности представляет Ракхайн и связанный с ним кризис рохинджа. Несмотря на общую заинтересованность в его разрешении, Мьянме, Бангладеш и Индии не удаётся выработать единой и согласованной позиции. Страны зачастую диаметрально противоположно оценивают ситуацию, обвиняя друг друга в предвзятых подходах в отношении беженцев (НРБ) и потенциальных террористов (Индия, Мьянма) рохинджа.

Тем не менее, снижение интенсивности конфликта после прихода к власти военного режима Мин Аун Хлайна в феврале 2021 года произошло в том числе после получения политической, военной и информационно–психологической поддержки от Индии, Китая, России. Бирманским войскам было передано современное оружие, технологии и средства мониторинга конфликтных районов, что позволило снизить интенсивность конфликта до приемлемых значений. В то же время страны Запада (США, НАТО, ЕС) осудили действия режима Мин Аун Хлайна, предпочитая разрастание конфликта в ущерб пусть и хрупкому, но миру. Так, Великобритания отказала Мьянме в поддержке по линии подготовки военных кадров⁴⁹¹. Однако данные действия не повлияли на политику действующего военного режима страны. Этот факт свидетельствует о способности находить решения в момент обострения ситуации, разрастании эскалации и насилия в регионе. Коллективные меры и совместные усилия в решении проблем Мьянмы дают возможность сохранить стабильность и устойчивость государственной власти, не допустив распад страны по национальному признаку.

⁴⁹¹ Ивашенцов Г.А. Мьянманская спираль (2021). URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2522> (дата обращения: 20.05.2023).

3.3. Перспективы решения проблем регионального сепаратизма на геополитическом уровне

Индия и Китай – основные претенденты на роль сверхдержав в многополярном мире. И от качества их взаимодействия, конфликтного или позитивного будет зависеть стабильность Азии и мира в целом. События последних лет наглядно демонстрируют взаимосвязь всех политических событий в любой точке мира и их влияние на мировую безопасность.

Прагматичное и стабильное взаимодействие по разным направлениям, от политики до экономики, в интересах обеих стран. Проблемы радикализма на Северо–Востоке доставляют беспокойство не только одной Индии. Трансграничный сепаратизм опасен общими проблемами для всего региона: терроризмом, контрабандой, наркотрафиком. Без решения этих вопросов затруднена реализация всех масштабных проектов экономического развития как Индии, так и КНР. Общие экономические проекты могли бы обеспечить достижение регионального и глобального устойчивого развития, энергетической, экологической и климатической безопасности, борьбы с различными вызовами современности⁴⁹². На практике обе страны относятся друг к другу с большой долей недоверия. Китай в отношении Индии традиционно использует тактику «стратегического окружения» по всему периметру её границ как на суше, так и на море. КНР пытается сдерживать геополитические устремления индийцев в Южной Азии и в прилегающих к ней регионах посредством оказания её соседям разного рода помощи, от экономической до военной. Все эти действия происходят на фоне заверений о дружбе и мире.

Р. Венкатесан так представляет отраслевую политику Китая: занимать позицию дружбы, когда это необходимо; запугивать Индию, если это выгодно; ослаблять её, подрывая внутреннюю и внешнюю безопасность;

⁴⁹² Индийская трактовка современных проблем КНР. М., 2013. С. 24.

распространять негативный образ Индии на международной арене; наращивать стратегическое присутствие КНР в Индийском океане»⁴⁹³.

Китайская политическая элита, признавая опасность эскалации напряжённости, официально придерживается последовательной линии страны на мирное решение проблем. В то же время СМИ Китая в традициях информационной войны проводят идеи об агрессивном настрое соседей, необходимости создания «единой китайской нации», включающей и население отдельных территорий Северо–Востока. В этой связи уместно упомянуть пример так называемой «картографической войны», приводимый И.П. Глушковой: «В 2012 году в отношении Аруначал–Прадеш ряд стран выразили Китаю протест против указания в новых паспортах принадлежности данной территории к КНР. В ответ индийские консульства стали штамповать свои варианты карты на визах, выдаваемых населению КНР»⁴⁹⁴.

Ситуация в Аруначал–Прадеш («Южный Тибет») всё ещё достаточно напряжённая, но за последнее десятилетие уровень конфронтации стал снижаться. Напротив, период с 2005 по 2014 годы характеризовался обострением конфликта: 2005 – строительство Китаем высокогорной железной дороги «Цинхай–Тибет» (Лхаса), Индия выразила протест; январь 2008 – протест Китая в отношении визита Манмохана Сингха в Аруначал–Прадеш; июнь 2008 – Далай–лама заявляет о принадлежности Аруначал–Прадеш Индии; 2009 – отмена визита индийской делегации в Китай после отказа КНР в выдаче визы представителю Аруначал–Прадеш; 2010 – антикитайские демонстрации в Индии; 2012 – «картографическая война»; 2014 – признание Ван И визовых проблем у жителей Аруначал–Прадеш⁴⁹⁵.

⁴⁹³ Индийская трактовка современных проблем КНР. М., 2013. С. 45–46.

⁴⁹⁴ Глушкова И.П. Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее // Проект «Под небом Южной Азии». М., 2016. С. 717–718.

⁴⁹⁵ Чжун Жуй. Тибетский фактор в китайско–индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI века. Дисс...к. и. н. М., 2016. С. 179–182.

Реакция Индии вполне предсказуема, с разной степенью эффективности она пытается предпринимать ответные и упреждающие действия, направленные на координацию политики её соседей (Бангладеш, Мьянмы, Бутана) с учётом собственных интересов и стремлению к сдерживанию геополитических интересов КНР. Зачастую действия эти малоэффективны и непоследовательны, что позволяет их ключевому конкуренту добиваться успехов даже в тех странах, которые Индия прежде считала своими традиционными и естественными сферами влияния (Мьянма). Именно на этом акцентировал своё внимание Р. Венкатесан⁴⁹⁶.

То, что противостояние двух великих цивилизаций представляет собой опасность для региона Южной и Восточной Азии, очевидно. Ядерный потенциал обеих стран – инструмент не только сдерживания, но и условие негативного сценария. Участвовавшие инциденты свидетельствуют о системных разногласиях, достаточно вспомнить пограничные столкновения в регионе Ладакх, произошедшие в 2020 году (Ладакх – часть бывшего штата, а с 2019 года союзной территории Джамму и Кашмир, потерявшего своё особое положение в том числе благодаря росту националистических настроений)⁴⁹⁷.

Недоверие индийцев к своим северо–восточным соседям имеет исторические корни. К примеру, они помнят пограничные конфликты 1959 (Лонгджу), 1962 (Аксай Чин) и 1967 годов (Сикким). Ставка первого премьер–министра Индии Дж. Неру на союз с КНР и на некое «духовное родство двух великих цивилизаций Востока» (в 1950–е годы) оказалась нежизнеспособной. Последовавшее бегство Далай–ламы из Тибета в Индию весной 1959 года, вооружённые столкновения на границе (включая «Линию Макмагона», не

⁴⁹⁶ Индийская трактовка современных проблем КНР. М., 2013. С. 49.

⁴⁹⁷ Куприянов А.В. Смена статуса: почему Джамму и Кашмир перестал быть штатом (2019). URL: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriianov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom> (дата обращения: 20.06.2022).

признаваемую КНР), стали причиной полноценной пограничной войне осенью 1962 года, в которой Индия потерпела сокрушительное поражение⁴⁹⁸.

Китай продемонстрировал высокую степень готовности к такому роду событий. Бертил Линтнер утверждает, что КНР целенаправленно готовилась к вооружённому конфликту с Индией в течение длительного времени. До октября 1962 года это была во многом так называемая «прокси-война» (следуя современной терминологии) с поддержкой повстанцев и сепаратистов Северо-Востока на территории Индии. Так, в июне 1962 года один из полевых командиров нага Мову Гвизан, которого называли «другом Китая», был задержан в Карачи на пути в Лондон, где он должен был встретиться с Ангами Запу Физо. По некоторым данным, Китай обещал нага помощь и это как минимум косвенное свидетельство участия КНР в данном конфликте⁴⁹⁹. Китай не прекращал поддержку повстанцев «проблемного» Северо-Востока и после 1980-х годов. Нага, ассамцы и манипури имели возможность покупать китайское оружие на так называемом «чёрном рынке» КНР. Пареш Баруа (лидер ULFA) длительное время проживал в Китае (провинция Юньнань), свободно передвигаясь по стране. В свою очередь, КНР парировал возможные обвинения Индии, заявляя, что это зеркальный ответ на предоставление Индией убежища Далай-ламе XIV. Нюанс заключается в том, что последний не является лидером радикальной или террористической группировки (в отличие от П. Баруа)⁵⁰⁰.

Объединённое участие КНР и Пакистана в поддержке сепаратистов Северо-Востока в то время очевидно. Первая поездка лидера повстанцев мизо Лалденги в Китай в июне 1968 года за покровительством была организована при участии Консульства КНР в Дакке (Восточный Пакистан). В сентябре 1970

⁴⁹⁸ Чжун Жуй. Тибетский фактор в китайско-индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI века. Дисс...к.и.н. М., 2016. С. 179–182.

⁴⁹⁹ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 17.

⁵⁰⁰ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 23.

года Лалденга встречался с Чжоу Эньлаем, который заверил его в продолжении поддержки. В апреле 1976 года небольшая группа повстанцев манипури оказалась в Тибете, где прошла подготовку с участием китайских военных. Если нага и мизо в основном получали китайское оружие, то манипури – ещё и идеологический и военный инструктаж в лагерях в районе Лхасы. Уже к 1979 была сформирована PLAM и RPFM, развязавшие жесточайший террор в Импхальской долине (Манипур)⁵⁰¹. Со стороны Индии последовал пересмотр внешнеполитических ориентиров (поддержка СССР в советско–китайском конфликте), модернизации войск и реализации военной ядерной программы. Действия Индии, изменили позицию КНР в том числе к сепаратистам региона, на время отказавшись от контактов с ними (1980)⁵⁰².

Испытания ядерного оружия 18 мая 1974 года в Покхране (штат Раджастан) понизил уровень опасности новой агрессии со стороны КНР. Стратегия противостояния изменилась, стала более гибкой. Китай сделал ставку на изматывание Индии посредством поддержки сепаратистского движения Северо–Востока. Активное участие КНР в подобных проектах можно датировать ещё июнем 1962 года (нага и Мову Гвизан). Подобная активность Китая не имела каких–либо ограничительных установок в отличие от Пакистана, опасавшегося жёсткой реакции Индии)⁵⁰³. Первыми лидерами отряда нага, отправленного на подготовку в Китай, стали ветеран национальной борьбы Тх. М. Кейхо и значительно более молодой Т. Муйва. Согласно индийским источникам, националисты нага до последнего времени не отказывались от контактов с КНР⁵⁰⁴.

Говоря о степени участия Китая в поддержке повстанцев Северо–Востока, следует подчеркнуть, что в последние три десятилетия она носит

⁵⁰¹ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 139.

⁵⁰² Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 295.

⁵⁰³ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 412.

⁵⁰⁴ Haksar Nandita, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers. New Delhi, 2019. P. 413.

скорее косвенный характер (в том числе через поставщиков оружия). При этом существует вероятность, что китайские спецслужбы курируют этот оружейный трафик, что вполне согласуется с геополитическими устремлениями КНР в регионе. Помимо предоставления убежища для П. Баруа и иным лидерам повстанцев, есть информация о посещении сотрудниками китайских спецслужб лагеря боевиков в бирманской Таке (Сагаинг)⁵⁰⁵.

События 2017 и 2020 годов на границах Индии и Китая требуют принятия рациональной концепции взаимного сосуществования в условиях неурегулированных пограничных и иных конфликтов. Накал противостояния в будущем может возрастать, и это напрямую связано с претензиями этих стран на роль глобальных держав в условиях изменений современного миропорядка. К числу острых проблем, которые препятствуют полноценной нормализации отношений эксперты, относят следующие: наращивание вооружений, нерешённые территориальные споры, тибетская проблема, пребывание Далай-ламы XIV в Индии, усиление конкуренции за энергоресурсы, инвестиции и рынки сбыта, тесные контакты КНР и Пакистана, возросшая активность Китая в Индийском океане. Но список взаимных противоречий этим, безусловно, не ограничивается⁵⁰⁶.

Индию не может не настораживать стремительная экономическая региональная экспансия Китая, проявляющаяся, в реализации различных проектов, в частности, «Бирманского коридора». Этот проект обеспечивает КНР возможность доступа к бирманским портам в Бенгальском заливе с последующим выходом в Индийский океан. Это не согласуется ни с экономическими, ни военными интересами Индии и обостряет взаимные

⁵⁰⁵ Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World. New Delhi, 2018. P. 263.

⁵⁰⁶ Емельянова Н.Н. Благородный гегемон: «мягкая сила» во внешней политике Индии. М., 2018. С. 34.

претензии, которые периодически перерастают в открытое военное столкновение, пусть и локального характера⁵⁰⁷.

В качестве противовеса Индия декларирует на территории Мьянмы и Северо–Востока программу строительства мультимодального транзитного маршрута «Каладан» между штатом Мизорам и бирманским портом Ситве (штат Ракхайн). И только напряжённая ситуация в Аракане препятствует исполнению этих планов, вынуждая Индию на более решительные меры в противодействии сепаратистам⁵⁰⁸. Расходятся позиции Индии и КНР и в части переговоров с террористами АА. Индия занимает довольно жёсткую позицию, вплоть до военного вмешательства, тогда как Китай склоняется к частичному компромиссу. В итоге под угрозой оказываются индийские проекты в Мьянме.

Партнёрские отношения Китая с Индией и Бутаном – необходимое условие для решения проблем регионального сепаратизма. Неурегулированный вопрос о границах КНР с Индией и Бутаном является острой проблемой, они до сих пор не демаркированы, что автоматически повышает уровень конфликтности. Много в данной ситуации зависит именно от позиции Китая, который, в отличие от Индии (так утверждают индийские источники) использует сепаратистскую напряжённость, решая собственные задачи. Об этом свидетельствуют и события 1960–1980-х годов на Северо–Востоке. Однако сегодня КНР официально дистанцируется от какой–либо поддержки радикалов региона⁵⁰⁹.

Подписание индийско–бутанского Договора 1949 года делегирует Индии защиту суверенитета Бутана, а, значит, и индийские официальные

⁵⁰⁷ Лебедева Н.Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП и индийские проекты Mausam, Spice Road, Sagar Mala и Cotton Routes (2015). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-initsiativy-epshp-i-mshp-vs-indiyskie-proekty-mausam-spice-road-sagar-mala-i-cotton-routes/viewer> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵⁰⁸ Subhajati Ghosh. Chottogramer dorja khulce, ki labh Uttor–Purbo Bharoter? (2019) [Ворота Читтагонга открываются, какую выгоду это принесёт Северо–Восточной Индии? (2019)]. URL: <https://www.bbc.com/bengali/news-45563864> (дата обращения: 10.01.2022).

⁵⁰⁹ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).

гарантии охраны этих границ. Пользуясь этим обстоятельством, бутанцы не признают территориальные претензии КНР и занимают твёрдую позицию в этом вопросе. Таким образом, в противовес Китаю сегодня сформировался союз Индии и Бутана, готовый отстаивать собственные интересы в регионе.

Положительным следует считать достижение стабильного контроля на индо–бутанской границе. Последняя по времени крупномасштабная операция пограничных сил прошла ещё в 2003 году (Operation All Clear / «Операция «Тотальная зачистка»). Взаимное сотрудничество в значительной степени обусловлено тем, что страны являются стратегическими союзниками и не имеют негативного опыта прошлого, как в случае Индии с Мьянмой и НРБ. Однако сепаратистские формирования Северо–Востока продолжают создавать нестабильность в регионе. Интересы радикальных группировок смещаются в экономическое поле, это касается массовой контрабанды уникального тибетского леса. Они успешно скрываются в гористой местности, выследить и обезвредить их является непростой задачей для местных пограничников. Это вынуждает страны к организации совместных патрулирований и дистанционного контроля над общей границей, реализации совместных программ по охране трансграничной заповедной зоны «Манас», с целью сохранения в том числе уникальной местной экосистемы⁵¹⁰.

Трансграничное использование вод остается проблемой, поскольку до сих пор страны не подписано соглашение о разделе водных ресурсов, что создает почву для потенциального конфликта. Так, события лета 2020 года, когда Бутан перекрыл ирригационные каналы на границе с Ассамом под предлогом борьбы с распространением COVID–19, оставив фермеров из приграничных районов Северо–Востока без воды, продемонстрировали условность многих устных договорённостей, не подкреплённых официальными двусторонними соглашениями. События 2020 года послужили

⁵¹⁰ Anwesha Dutta. Conflict, conservation, and cooperation across the India–Bhutan border (2020). URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/06/22/sambandh-blog-conflict-conservation-and-cooperation-across-the-india-bhutan-border/> (дата обращения: 20.06.2022).

поводом к многочисленным протестам населения Северо–Востока, выступившего с критикой правительства Индии⁵¹¹.

Но все вышеуказанные проблемы не сравнимы с «китайской угрозой», а именно территориальными претензиями КНР в отношении части территорий Индии и Бутана. Пекин вежливо, но настойчиво рекомендует индийцам не вмешиваться в процесс демаркации китайско–бутанской границы. Китай не смущает наличие Договора 1949 года о дружбе, согласно которому Индия несёт непосредственную ответственность за сохранение суверенитета Бутана. Противостояние длится десятилетиями, и позиции сторон пока остаются непримиримыми. Конфликт в Докламе в 2017 году подтвердил наличие напряжённости в этом регионе⁵¹².

Суть конфликта заключается в том, что КНР добивается передачи под свой контроль западной части существующей границы (включая плато Доклам и долину Чумби) в обмен на спорный участок северной границы. Бутан, в свою очередь, предъявляет права на эти территории, считая их неотъемлемой частью страны (равно как и заповедник Сакатенг на границе с Аруначал–Прадеш)⁵¹³. Возможности Индии выступить в этом конфликте в качестве «третейского судьи» ограничены стратегической заинтересованностью в поддержке Тхимпху. В случае противостояния Бутана и КНР последний может получить выход к стратегическому «коридору Шилигури» с крайне неприятными для Индии последствиями.

Считавшийся ранее (до 2017 года) относительно спокойным восточный участок LAC (Line of Actual Control) становится новой точкой трёхстороннего конфликта в связи с укреплением Китаем, Индией и Бутаном приграничных

⁵¹¹ Bhutan «cut off» irrigation channels near a border with India, Assam has deprived of water (2020). URL: <http://www.yidianzixun.com/article/0PiX8Vkd> (дата обращения: 10.07.2022).

⁵¹² Deepak Kapoor. South Asia Defense and Strategic Year Book–2009 // Pentagon Press, 2009. P. 151.

⁵¹³ Chin ne Bhutan ke sath sima vivad sulajhane ke lie package ka prastao rakha, Bharat ke lie pouda ho sakti he mushkil (2020) [Китай предлагает пакетное решение пограничной проблемы с Бутаном, Индия не может их принять (2020)]. URL: <https://www.bhaskarhindi.com/international/news/china–insists–on–package–solution–for–dispute–with–bhutan–146777?infiniteScroll=1> (дата обращения: 30.07.2022).

участков, и строительством дорог на спорных территориях. Дистанция пограничников трёх стран сокращается до минимума, провоцируя пограничные конфликты вокруг Доклама, которые могут привести к полномасштабному военному столкновению. По мнению ряда аналитиков, в Докламе был пройден некий «стратегический перекрёсток», после которого вероятность конфронтации возросла⁵¹⁴. Тем не менее, с 2021 года был возобновлён прерванный конфликтом вокруг Доклама переговорный процесс о решении пограничного вопроса между Бутаном и Китаем. Перспективы его разрешения не ясны, но без нормализации двусторонних отношений Пекин не сможет конкурировать с Нью–Дели в Бутане.

Если говорить о позиции Индии в целом, то в рамках так называемой концепции Индо–Тихоокеанского региона (ИТР) можно привести позицию А.В. Куприянова, который считает, что Индия нивелирует явно выраженный ранее антикитайский акцент в своей политике, признавая общность интересов и их приоритетность как в политических, так и в экономических контактах двух держав⁵¹⁵.

Подводя итоги третьей главы, следует отметить, что исследование проблем сепаратизма в регионе указывает на то, что он утрачивает черты внутрииндийского конфликта и имеет все признаки конфликта трансграничного масштаба. Это связано с расширением зоны деятельности радикальных сепаратистских организаций по периметру всей ЮА и ЮВА (включая Мьянму, Бутан, Непал и Бангладеш). Подобное слияние сил сепаратистских движений, радикальных объединений и организованной преступности свидетельствует о невозможности сохранения процесса в

⁵¹⁴ Уянаев С.В. 30 лет китайско–индийской нормализации: «возврат на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству? (2018). С. 123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/30–let–kitaysko–indiyskoy–normalizatsii–vozvrat–na–perekrestok–ili–vernost–sotrudnichestvu–i–dobrososedstvu/viewer> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵¹⁵ Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой (2020). URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2020/14-KUPRIYANOV.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

рамках эндогенного состояния. Нахождение в зоне противостояния Индии и Китая ряда пограничных государств (инсуляторов) вынуждает последних лавировать. Они зависят от системообразующих держав, которые имеют экономические, военные, политические и иные рычаги влияния на них. Все эти разногласия создают условия для межгосударственных конфликтов, вплоть до военных столкновений.

Исследование подтверждает наличие в регионе значительного конфликтного потенциала и целесообразность поиска возможностей для создания кластера устойчивой безопасности, предлагаемой Барри Бузаном и Оле Вэвером в рамках концепции ТКРБ, скорректированного относительно особенностей этноконфессионального своеобразия региона. Автор считает такой путь маловероятным сценарием в современных реалиях, поскольку уровень противоречий (в большей степени, между КНР и Индией) слишком велик, а уровень общих позиций и точек соприкосновения недостаточен. Тем не менее, существуют общие глобальные интересы, главным из которых является достижение общей безопасности, необходимой для стабильного существования и развития региона и каждого отдельно взятого государства. В этой связи вполне очевидным представляется тот факт, что Индия и Китай в реалиях современного миропорядка будут стремиться к сбалансированной политике сотрудничества с элементами обоюдного сдерживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новейшая история Северо–Восточной Индии в большей степени связана и ассоциируется с сепаратизмом и попытками правительства Индии ликвидировать его негативные проявления, такие как радикализм, терроризм, дестабилизацию общественных отношений. Последствием длительного противостояния местных народов федеральным властям стало отставание этого региона во всех аспектах развития и сохранение там социальной напряжённости.

Для достижения цели диссертационного исследования были решены следующие задачи:

Причины возникновения сепаратизма на Северо–Востоке имеют уникальный характер. Фундамент местного радикализма – это наличие особых исторических, этнокультурных политических, социально–экономических и иных противоречий и их столкновение в переломные периоды истории Индии с момента обретения независимости в 1947 году. Допущенные федеральными властями ошибки привели к ожесточённому сопротивлению этноконфессиональных меньшинств, не стремившихся к консолидации с индуистским большинством. Реформы государственного административно–территориального устройства, федерализация, образование крупных штатов с определённым набором языковых и иных привилегий (оказавшихся недостаточными) лишь временно и «условно» снижали конфликтный потенциал, не давая возможности региону полноценно развиваться.

Факторы, оказывающие влияние на эскалацию / деэскалацию внутреннего конфликта на Северо–Востоке:

* *Этнический фактор* – этническое многообразие местного общества, его фрагментация по этническому принципу и связанные с этим коммуникативные барьеры. Этнические стереотипы и предрассудки являются устойчивым явлением, практически не подверженные каким–либо изменениям. Исследование подтверждает, что местным народам и племенам,

принадлежащим к сино–тибетской группе, свойственен особый культурный, этнический, религиозный статус и идентификационные черты, отличные от индийской цивилизации.

** Конфессиональный фактор* – один из важных как консолидирующих инструментов для религиозных меньшинств региона, так и дезинтегрирующих (в условиях существования многоконфессионального сообщества). Местные жители формируют сложную конфессиональную среду, где религиозный радикализм и агрессивные амбиции лидеров вне зависимости от конфессиональной принадлежности создают условия для затяжного сепаратистского конфликта. Количественные изменения конфессионального состава региона сегодня находятся в зависимости от динамичного роста населения, что оказывает негативное влияние на весь спектр социокультурных параметров. Анализ поведения народов Северо–Востока подтверждает наличие особой специфики, связанной с местной религиозной идентичностью.

** Демографический фактор* связан с практически критическим ростом местного населения и взаимосвязанными с ним проблемами перенаселённости бедности, безработицы, изменением этнического и религиозного состава, что приводит к возникновению конфликтных бытовых ситуаций, гражданским столкновениям и сепаратистской активности. Достижения в области социальной политики, снижение уровня бедности, повышение грамотности, доступность медицинских услуг и медицинская грамотность, выполнение юридически закреплённого положения о верхней планке вступления в брак (18 лет), – это меры долгосрочной программы коррекции демографической проблемы. В политической сфере это может выражаться на уровне регионального взаимодействия и совместных межгосударственных проектов по оптимизации миграционных процессов.

** Географический фактор* – особое положение Северо–Востока, его географическая отдалённость. Роль «разлома» в данном случае отведена физико–географической (стык таких государств, как Индия, Китай, Бангладеш, Мьянма и Бутан) и «расовой» границе. Северо–Восток является

неустойчивым «лимитрофным пространством» не только относительно индийской цивилизационной платформы (как некий внутренний анклав), но и по отношению к китайской цивилизации, находясь на линии их прямого соприкосновения. Это во многом предопределяет высокий уровень конфликтности этих территорий и наличие неурегулированных противоречий.

** Политический фактор* рассматривается в рамках влияния религии на политику правительства Индии и курс на социально–экономическое развитие региона. Влияние религии на политические процессы может представлять опасность целостности страны. Это обусловлено деятельностью националистических партий, целью которых остаётся стремление к созданию коммуналистского государства с превалированием идей индуизма. Подобный сценарий может подталкивать отдельные штаты к сецессии. В свою очередь, правительство ВЈР пытается снизить уровень религиозной конфронтации в обществе, дистанцируясь от излишне радикальных проявлений агрессивного национализма, и этот процесс следует рассматривать как часть естественного развития политической и религиозной культуры. Внушает осторожный оптимизм то, что по крайней мере в отношении Северо–Востока деятельность правительства свидетельствует о том, что приоритетным становится достижение политической стабильности.

** Экономический фактор* – результаты исследования экономической политики государства, в большей степени деятельности правительства Н. Моди (с учётом ключевого рассматриваемого периода исследования, 2014–2021), а также представленные статистические данные по основным критериям развития, свидетельствуют о масштабах проводимых реформ. Однако они же подтверждают версию о катастрофической экономической ситуации на Северо–Востоке, находившемся в таком положении на протяжении десятилетий. В этой связи следует признать, что чувство экономического, социального и иного неравноправия является стимулом в стремлении к сецессии. Ярким примером является ситуация в штате Ассам, –

наиболее богатом в плане природных ресурсов и наиболее бедном по всем социальным параметрам и одним из наиболее сепаратистски настроенных.

Частью исследования стал ретроспективный анализ деятельности сепаратистских движений региона, в котором представлен процесс эволюции их идеологии, связанный со стремлением к отделению (с 1947 года), а также хронология событий и их динамика в контексте развития данных процессов на более поздних этапах (по 2021 год включительно). Сепаратистская активность снижается как по субъективным (процесс накопления эмоциональной усталости населения, осознания бесперспективности вооружённого сопротивления, которое выражается в снижении поддержки сепаратизма с его стороны), так и по объективным причинам (планомерная работа государства в области решения данной проблемы и готовность пресекать терроризм во всех его проявлениях). Текущие тенденции свидетельствуют о смене политического вектора требований лидеров сепаратистских объединений. Начиная с 2014–2015 годов заметен процесс постепенного замещения радикальных политических требований, таких как сецессия, до умеренных – оформление прав и статусов социальных и этнических групп, определённых привилегий в рамках единого государства, участие в политической жизни региона. В целом сепаратизм в регионе (за исключением штатов Манипур, Нагаленд и Ассам) находится в стадии деэскалации. Перевод радикальной конфронтации в состояние «реалистичного конфликта» и прагматичного восприятия позволяет сторонам взаимодействовать в общем политическом и правовом поле. Это подтверждается данными МВД за период с 2014 по 2021 годы, когда часть группировок прекратили свою деятельность в регионе, заключив с государством соглашения о перемирии.

В результате исследования были выявлены причины, влияющие на нормализацию или обострение ситуации в рамках двустороннего взаимодействия государства и региона. Они связаны с необходимостью социальных, экономических, политических и иных преобразований общества. Современная политика государства в отношении Северо–Востока направлена

на достижение консолидации общества и примирение сторон, повышение уровня диалога и договорённостей между конфликтующими сторонами, а в конечном счёте – создание единой индийской нации, органично включающей в себя и народы региона. Этот процесс может быть ускорен благодаря таким факторам, как экономическая, политическая, военная заинтересованность и историческая целесообразность, способность к религиозной терпимости и так далее. Приоритетным стало использование экономических механизмов возрождения и интенсивного развития территорий Северо–Востока, поскольку достижения в экономической сфере подразумевают достижения в других направлениях. Усилия правительства сопровождаются серьёзными капитальными вложениями в финансовый, политический, социально–культурный и образовательный секторы. Планы и программы развития, реализованные проекты свидетельствуют о целенаправленной политике и определённых достижениях.

В ходе выявления влияния внешних факторов на отношения внутри системы «Индия – Северо–Восток» было установлено, что конфликт в регионе по–прежнему поддерживается извне (хотя с меньшей интенсивностью, чем ранее). Представленные данные подтверждают версию индийских спецслужб о том, что местные радикальные движения используются и поддерживаются в конъюнктурных военных и политических целях ряда стран (Пакистан, частично Китай и Бангладеш).

В ходе исследования было установлено, что сепаратизм на Северо–Востоке имеет все признаки транснационального явления, не ограничиваясь территорией Индии. Его влияние распространяется практически на все страны региона, и в этот процесс оказываются втянутыми различные радикальные группировки и криминальные структуры, что подтверждается событиями в штатах Ассам, Манипур, Нагаленд, Аруначал–Прадеш, а также Бангладеш и Мьянме, где уровень этнической и конфессиональной конфликтogenicности и преступности остаётся высоким. Одним из вариантов консолидации регионального взаимодействия является концепция О. Вэвера и Б. Бузана,

которая учитывает приоритет создания системы общей безопасности, поскольку проблемы одной страны, как правило, отражаются на безопасности другой (взаимозависимость безопасности). Основы системы должны закладываться именно на региональном уровне, поскольку межгосударственные разногласия, связанные с обоюдными претензиями различного характера, не способствуют урегулированию конфликта в широком смысле, а государства ошибочно полагают, что могут сами справиться с такими вызовами.

Определение перспективных направлений внешней политики Индии, способных минимизировать негативные последствия сепаратизма в его влиянии на регион, предполагает признание всеми участниками этого процесса реальности террористических и сепаратистских угроз для этих стран. Развитие отношений по линии «Индия – Бангладеш – Мьянма – Бутан – Китай» должно определяться рамками единого регионального пространства и общими для всех угрозами, связанными с сепаратизмом. Успехи в этой сфере могут быть достигнуты в случае замораживания или отказа от взаимных территориальных претензий по линии текущего разграничения.

В ходе исследования также было установлено, что взаимовыгодные отношения на двусторонней основе возможны. Примером может служить взаимодействие Индии и Бангладеш, в том числе в рамках борьбы с внутренним и внешним сепаратизмом. Негативным является зависимость такого сотрудничества от текущей политической конъюнктуры в Бангладеш. В двусторонних отношениях Мьянмы и Индии ключевым аспектом является обеспечение стабильности в регионе. Однако расхождения индийской, бирманской и бангладешской позиций по вопросу деятельности радикалов Ракхайна и связанного с ними кризиса рохинджа минимизируют возможности согласованной позиции. Тем не менее, примером использования концепции ТКРБ может служить пример «вынужденного» сотрудничества этих стран в условиях возможного расширения зоны Ракхайнского конфликта в 2021 году, когда удалось избежать распространения кризиса на весь регион.

Взаимоотношения Индии, Китая и Бутана являются конкурентными и местами враждебными. Отсутствие Договора о демаркации границ между КНР на участке границы с Аруначал-Прадеш и рядом территорий Бутана, обустройство инфраструктуры по обе стороны границы свидетельствуют о готовности сторон жёстко отстаивать свои интересы. Бутан находится в регионе, где также сталкиваются интересы Индии и КНР.

Для разрешения региональных проблем был предложен следующий механизм действий: создание общих отраслевых центров безопасности, соблюдающих паритет интересов «малых стран» региона, оказывающихся на линии противостояния КНР и Индии; вовлечение в эту работу всех представителей SAARC и наблюдателей (Китай, Мьянма, Россия и другие); использование современных концепций безопасности, таких как ТРКБ (О. Вэвера, Б. Бузан), предполагающих расширение сферы взаимодействия с учётом конструктивных критериев и подходов к международным отношениям; сотрудничество в рамках двусторонних соглашений по линии SCO (Shanghai Cooperation Organization), BRICS (Brazil–Russia–India–China–South Africa) и других политических организаций; включение в систему многосторонних соглашений экономического и культурного сотрудничества (общие экономические проекты, культурное взаимодействие, туризм).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

на русском языке

1. Бюллетень Счётной палаты РФ. Цели устойчивого развития. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

2. Ганди И. Зло коммунизма: заявления в Народной палате 22.12.1967. Статьи, речи, интервью. Перевод с английского Н.В. Алиповой, Г.А. Прибегина. М., 1975.

3. Красинский В.В., Машко В.В. Кто есть кто в международном терроризме: справочник. М.: ИНФРА-М, 2019. – 128 с.

4. Неру Дж. (сентябрь 1946 – май 1949 гг.). Министерство информации и телерадиовещания Индии. Нью-Дели, 1967.

5. Посольство РФ в Бангладеш. Информация о Бангладеш. https://bangladesh.mid.ru/ru/press-centre/news/informatsiya_o_bangladesh/ (дата обращения: 10.08.2023).

6. Планета Земля. Историческая география (Индия). URL: <https://geosfera.org/aziya/indiya/> (дата обращения: 10.08.2023).

на английском языке

7. Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of Bangladesh on Combating International Terrorism, Organized Crime and Illicit Drug Trafficking (2010). URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/BG10B0066.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

8. Armed Forces Special Powers Act (1958). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/armed_forces_special_powers_act1958.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

9. Assam Rifles Act (2006). URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AssamRifesAct2006.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
10. Border Security Forces Act and Rules (1968). URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/bsfAct%26Rules_0.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
11. Census India. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html> (дата обращения: 10.02.2022).
12. Constitution of India. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI...pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
13. Framework Agreement on Cooperation for Development between India and Bangladesh (2011). URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5218/Framework+Agreement+on+Cooperation+for+Development+between+India+and+Bangladesh#:~:t>. (дата обращения: 15.05.2023).
14. India – Bhutan Friendship Treaty (2007). URL: <https://www.mea.gov.in/images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).
15. India and Myanmar Memorandum of Understanding on Border Cooperation (2014). URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/23315/India+and+Myanmar+sign+Memorandum+of+Understanding+on+Border+Cooperation> (дата обращения: 20.05.2023).
16. India and Myanmar Memorandum of Understanding on Defense Cooperation (2019). URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1580637> (дата обращения: 20.05.2023).
17. Indian Penal Code (1860). URL: <https://www.indiacode.nic.in/repealedfileopen?rfilename=A1860-45.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

18. Indo-Tibetan Border Police Forces Act (1992). URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/ITBP-Act1992.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
19. Ministry of Development of North-East Region (Annual report 2018–2019). URL: <https://mdoner.gov.in/contentimages/files/2018-19.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
20. Ministry of External Affairs of India. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl> (дата обращения: 20.06.2022).
21. Ministry of External Affairs of India. India–Bangladesh Land Boundary Agreement, 6.06.2015. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/25354_scan0006.pdf (дата обращения: 20.06.2022).
22. Ministry of Health and Family Welfare. URL: <https://mohfw.gov.in> (дата обращения: 20.01.2022).
23. Ministry of Home Affairs of India. URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency_NE_0.PDF (дата обращения: 20.12.2022).
24. North Eastern Council. Regional Plan (2017–2018 to 2019–2020). URL: <http://megplanning.gov.in/circular/NEC%20Regional%20Plan%202017-18%20to%202019-20.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
25. Terrorist/Insurgent Groups (Manipur). URL: https://www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/manipur/terrorist_outfits/ (дата обращения: 01.11.2022).
26. Unlawful Activities (Prevention) Act (1967). URL: <https://www.mha.gov.in/sites/default/files/A1967-37.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

на хинди

27. Purvattara kshetr me gatividhiya (adyayay 22). [Прогресс развития Северо-Восточной Индии (пункт 22)]. URL:

https://mohfw.gov.in/sites/default/files/22%20Chapter_HAN2018-19.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

ЛИТЕРАТУРА

на русском языке

28. Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 187 с.
29. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Краткий этносоциологический словарь–справочник. Ставрополь, 1994. – 99 с.
30. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2008. – 480 с.
31. Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВ РАН, 2013. – 472 с.
32. Аликберов Э. Ш. Взаимоотношения Китая и Индии на рубеже XX – начала XXI века: сотрудничество и конкуренция. Дисс. к. и. н. Казань, 2022. – 263 с.
33. Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско–американские отношения в современной мировой политике. Дисс. к. п. н. М., 2019. – 293 с.
34. «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод (2020). URL: <https://riafan.ru/1288546-armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voinu-na-fone-drevnikh-pagod> (дата обращения: 10.06.2022).
35. Ашрафян К.З. Феодалное государство и город в средневековой Индии (XIII – начало XVIII веков) // Сборник «Государство в докапиталистических обществах Азии». С. 229–238. М., 1987. – 332 с.
36. Баранов С.А. Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии. Дисс...к. и. н. М.: МГИМО, 2001. – 378 с.
37. Баранов С.А. Сепаратизм в Индии. М.: ИВ РАН, 2003. – 238 с.

38. Баширов Л.А. Онтологическая природа этнического и религиозного феноменов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. С. 173–185.
39. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. – 368 с.
40. Берталанфи К.Л. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
41. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации (научно–образовательный комплекс) / Под редакцией Воскресенского А.Д. М.: МГИМО, 2010. – 444 с.
42. Бонгард–Левин Г. М. Индия: Этнолингвистическая история, политико–социальная структура, письменное наследие и культура древности (сборник статей). М.: Наука, 2003. – 326 с.
43. Бочковская А.В. Контурь границ и пограничья. Проект «Под небом Южной Азии». М.: Наука, 2016. – 816 с.
44. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Альма Матер, 2023. – 523 с.
45. Бродель Ф. Очерки истории. М.: Академический проект, 2018. – 224 с.
46. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8.
47. Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Модернизация и демократизация в странах BRICS. М.: МГИМО, 2015. – 351 с.
48. Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука, 2014. – 343 с.
49. Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.: Кучково поле, 2014. – 287 с.
50. Васькин И.А., Коротаев А.В, Цирель С.В. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа (2018). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-rost-obrazovanie-i-terrorizm-opyt-kolichestvennogo-analiza/viewer> (дата обращения: 10.05.2023).

51. Вендина О.И., Белозеров В.С., Густафсон Э. Войны в Чечне и их влияние на соседние регионы // Евразийская география и экономика. 2007. Т. 48. № 1 (дата обращения 20.05.2023).

52. Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Памятник древнеиндийского права – Дхармашастра Нарады. М.: Восточная литература, 1998. – 259 с.

53. Володин А.Г. Индия в мире регионализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. С. 178–191.

54. Воронин С.А. Политическая культура, массовое сознание и проблемы лидерства на Востоке (теоретический дискурс). М.: Лабиринт, 2007. – 192 с.

55. Воскресенский А.Д., Лунёв С.И. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально–политическое и экономическое развитие // Сравнительная политика. 2016. № 3. Т. 7. С. 85–106.

56. Всемирная история. В 6 томах. Том 6. Мир в XX веке. Эпоха глобальных трансформаций. Книга 1. М.: Наука, 2017. – 642 с.

57. Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра. М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 344 с.

58. Галищева Н.В. Проблема бедности и пути её решения в современной Индии в условиях либеральных реформ // Мировое и национальное хозяйство (МГИМО). Серия «Экономика зарубежных стран». 2021. № 2 (55). URL: https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-02/india-poverty-problem?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения: 20.02.2023).

59. Гаурав Далмиа. Чем объяснить рост популярности партии BJP? (2024). URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/india-election-2024-explaining-modi-bjp-appeal-by-gaurav-dalmia-1-2024-05/russian> (дата обращения: 10.07.2024).

60. Глушкова И.П. Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее. Проект «Под небом Южной Азии». М.: Наука, 2016. – 816 с.
61. Гордон–Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М.: Восточная литература, 1963. – 326 с.
62. Гордон–Полонская Л.Р. Религия в политической культуре Индии // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Ключева Б.И. и Литмана А.Д.). М.: Наука, 1991. – 207 с.
63. Горохов С.А. География религиозно–общинных конфликтов в Индии. Дисс...к. г. н. М.: МПГУ, 1999. – 196 с.
64. Горохов С.А. Религиозный фактор в политической жизни современной Индии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. С. 95–100.
65. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI века: мир, регион, страна // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 85–90.
66. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 56–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-demografii-religioznyh-obschin-indii-v-nachale-xxi-v/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).
67. Горохов С.А., Христов Т.Т. Религии народов мира: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2016. – 584 с.
68. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М.: Учитель, 2016. – 496 с.
69. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. 1989. Выпуск 1.

70. Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 113–115.
71. Емельянова Н.Н. Благородный гегемон: «мягкая сила» во внешней политике Индии. М.: Аквилон, 2018. – 192 с.
72. Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений на примере Китая, Индии и Мьянмы. Дисс. к. п. н. М., 2004. – 223 с.
73. Зеегофер Е.Ю. Победа с лёгким привкусом разочарования: BJP удержала власть в Индии, но лишилась статуса партии большинства (2024). URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/pobeda-s-legkim-privkusom-razocharovaniya-bdp-uderzhala-vlasty-v-indii-no-lishilasy-statusa-partii-bolyshinstva> (дата обращения: 10.07.2024).
74. Зубжицки Дж. Краткая история Индии. М.: КоЛибри, 2023. – 304 с.
75. Ивашенцов Г.А. Мьянманская спираль. Международная жизнь. №6. М., 2021. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2522> (дата обращения: 20.05.2023).
76. Иликова Л.Э., Минзарипов Р.Г. Подходы к решению проблем в межконфессиональных и межэтнических отношениях: опыт России и Индии (учебно-методическое пособие). Казань: КГУ, 2019. – 90 с.
77. Индийская трактовка современных проблем КНР. М.: ИДВ РАН, 2013.
78. Индуизм и «хиндутва» как духовные скрепы? (2015) // Новости Монголии, Бурятии, Калмыкии, Тывы. URL: <https://asiarussia.ru/news/7208/> (дата обращения: 10.10.2022).
79. Карманов М.В., Киселёва И.А., Кузнецов В.И. Сравнительный статистический анализ: особенности и проблемы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Серия «Региональная и отраслевая экономика». 2023. № 2 (112). С. 65–74.
80. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. – 512 с.

81. Кисляк Н. В., Мариев О. С., Шорохова И. С. Статистические методы анализа (учебное пособие). Екатеринбург: УрФУ, 2015. – 300 с.
82. Китинов Б.У. Буддизм и национализм в идентификационных процессах в Азии в конце XIX – начале XX веков // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2022. № 4. С. 355–372.
83. Китинов Б.У. Буддизм в геополитике народов и империй от Тангута до Каспия // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2007. № 3. С. 75–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-v-geopolitike-narodov-i-imperiy-ot-tanguta-do-kaspiya/viewer> (дата обращения: 10.02.2023).
84. Китинов Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. М.: РУДН, 2019. – 368 с.
85. Ключев Б.И. Политический индуизм // Древо индуизма. Восточная литература, 1999. С. 452–469.
86. Корнев В.И. Феномен религии // Азия и Африка сегодня. 1994. № 1. С. 33–39.
87. Котин И.Ю. Ислам в Индии, Пакистане и Бангладеш. СПб: СПбГУ, 2019. – 216 с.
88. Котин И.Ю., Маретина С.А. Племена в Индии. СПб: Наука, 2011. – 150 с.
89. Кристин Бакке, Сюнь Цао, Джон О. Локлин, Майкл Д. Уорд. Социальная дистанция в Боснии и Герцеговине и Северо-Кавказском регионе России: межэтнические и внутриэтнические отношения и идентичности // Нации и национализм. Т. 15. М., 2009.
90. Крысько В.Г. Этническая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2002. – 320 с.
91. Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М.: Наука – Восточная литература, 1992. – 264 с.
92. Кулагин В. Пробуддились. Буддисты взяли за оружие и громят мечети. За что они возненавидели мусульман? (2019). URL:

https://lenta.ru/articles/2019/12/09/buddha_dhamma/ (дата обращения: 20.06.2022).

93. Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой (2020). URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2020/14-KUPRIYANOV.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

94. Куприянов А.В. Смена статуса: почему Дхамму и Кашмир перестал быть штатом (2019). URL: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriianov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom> (дата обращения: 20.06.2022).

95. Ландау А. Краткая история Индии. М.: Энциклопедия-ру, 2020. – 576 с.

96. Латова Н.В. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России // Международные исследования. Серия «Институциональный анализ сферы науки и образования». 2021. № 13 (4). С. 112–125.

97. Лебедева В.В. Политизация кастовой системы в Индии в XX веке // Гуманитарный акцент. Серия «Партийные системы». 2017. С. 40–45.

98. Лебедева Н.Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП и индийские проекты Mausam, Spice Road, Sagar Mala и Cotton Routes // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 26. С. 26–57.

99. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. – 399 с.

100. Листопадов Н.А. Проблемы отношений между Мьянмой и Индией: история и современность. М., 1995. – 100 с.

101. Лихачёв К.А. Проблемы терроризма в Южной Азии в конце XX – начале XXI века (на примере Республики Индия и Исламской республики Пакистан). Дисс...к. и. н. СПб: СПбГУ, 2010. – 300 с.

102. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7–19.
103. Лунёв С.И. Социальные протесты в Индии // Вестник МГИМО. Серия «Политические науки». 2015. № 4 (43). С. 198–207.
104. Майерс Д. Социальная психология. СПб, 1997. – 688 с.
105. Маккамбаев П.У. Международно–правовое регулирование пограничной безопасности интеграционных сообществ: на примере опыта СНГ, Союзного государства, ЕАЭС и ЕС // Образование и право. 2019. № 11. С. 95–100.
106. Маретина С.А. Этногенез и этническая история народов Южной Азии (Ассам, Мегхала). С. 157–185. М.: Наука, 1994. – 282 с.
107. Медведев И.А. Молодёжь и «цветные революции»: тенденции взаимодействия в современном обществе // Гуманитарный вестник. Серия «Политологические науки». 2019. № 6. С. 1–14.
108. Меликова К.А. Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. М., 2014. С. 57–62.
109. Микаелян Н.Р. Некоторые особенности перехода в ислам «неприкасаемых» Индии (конец XIX – XX век) // Индия: религия и политика в общественном сознании (под редакцией Б.И. Ключева и А.Д. Литмана). М.: Наука, 1991. – 207 с.
110. Митрошенков О.А. Культура и цивилизация (материалы лекции) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2, выпуск 2 (3).
111. Михайлов С.А. Проблемы современного общества и этнический сепаратизм в Северо–Восточной Индии // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. Т. 11. № 4. С. 315–328.
112. Михайлов С.А. Экономические и социальные меры правительства Нарендры Моди по решению проблемы сепаратизма в Северо–Восточной

Индии // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2020. Т. 12. № 1. С. 47–59.

113. Михайлов С.А. Северо–Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций» (по С. Хантингтону) // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2020. Т. 12. № 1. С. 324–337.

114. Михайлов С.А. «Золотой треугольник сепаратизма» – проблемы релевантного взаимодействия стран региона // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2022. Т. 14. № 2. С. 144–157.

115. Михайлов С.А. Военный и информационно–психологический аспект войны в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2025. Т. 17. № 2. С. 187–200.

116. Михайлов С.А., Жидкова О.В. Влияние «цветной революции» в Народной Республике Бангладеш на перспективы развития взаимоотношений с Индией и Российской Федерацией // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 5. С. 156–165.

117. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. Дисс...к. г. н. М.: МГУ, 2010. – 502 с.

118. Разин А.С. Специфика этноконфессионального фактора и формирование этноконфессиональных отношений // Вестник Волгоградского университета. 2010. № 2 (12). Серия «Философия, этика, религиоведение». С. 63–67.

119. Ракитов А.И. Историческое познание: системно–гносеологический подход. М.: Издательство политической литературы, 1982. – 303 с.

120. Родригес А.М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX век): монография. М.: МПГУ, 2011. – 224 с.

121. Рубин В. Выборы в Индии. Моды опять в моде (2024) URL: <https://iarex.ru/articles/131270.html> (дата обращения: 10.07.2024).

122. Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2021. – 520 с.
123. Серенко А.Н. Пакистанские спецслужбы пытаются руками джихадистов взорвать Кашмир (2020) // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/world/2020-05-07/100_rshmir07052020.html?id_user=Y (дата обращения: 20.06.2022).
124. Социальный протест на современном Востоке / Под редакцией Стрельцова Д.В. М.: Аспект Пресс, 2016. – 304 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bdf/socialnyj-protest-na-sovremennom-vostoke.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
125. Султыгов А.–Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях. М.: Социально–политическая мысль, 2005. – 328 с.
126. Топычканов П.В. Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI века: на примере Индии и Пакистана. Дисс.к. и. н. М.: ИСАА МГУ, 2009. – 305 с
127. Топычканов П.В. Царство, разделённое в себе. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2007-10-17/7_kingdom.html (дата обращения: 10.01.2022).
128. Ульциферов О.Г. Индия: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык–Медиа, 2003. – 584 с.
129. Уянаев С.В. 30 лет китайско-индийской нормализации: «возврат на перекресток» или верность сотрудничеству и доброседству? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. С. 121–139.
130. Фонд знания «Ломоносов». История ментальностей. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129505: article> (дата обращения: 10.01.2022).
131. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. – 603 с

132. Харина О.А. Конфликтная составляющая отношений в треугольнике «Пакистан–Индия–Китай». Дисс. к. п. н. М., 2018. – 232 с.
133. Ходатенко Е.Н. История правового регулирования борьбы с терроризмом в Индии (1947–2004): теория, практика, региональный опыт. Дисс...д. ю. н. Владимир: Владимирский юридический институт, 2011. – 394 с.
134. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями. URL: http://www.intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 20.06.2023).
135. Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии. М.: Восточная литература, 2012. – 391 с.
136. Чжун Жуй. Тибетский фактор в китайско–индийских отношениях во второй половине XX – начале XXI века. Дисс...к. и. н. М.: РУДН, 2016. – 294 с.
137. Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М.: Наука, 2007. – 324 с.
138. Чэнь Чжихао. Китайско–индийские отношения конца XX – начала XXI века. Дисс...к. и. н. М., 2015. – 200 с.
139. Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно–политической жизни Индии // Международная аналитика. 2021. № 12 (4). С. 106–122.
140. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб: Алетейя, 1996. – 156 с.
141. Щербатской Ф.И. Философское учение буддизма (лекция при открытии первой буддийской выставки в Петербурге 24.08.1919); URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=1035 (дата обращения: 10.02.2023).
142. Этническая психология: учебник / Под ред. Ермакова П.Н., Пищик В.И. М.: ИНФРА–М, 2024. – 317 с.
143. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. – 920 с.

144. Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике. М.: ИВ РАН, 2017. С. 69–125.

145. Яковлев А.Ю. Правовое обеспечение противодействия терроризму в Индии (2014). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-protivodeystviya-terrorizmu-v-indii/viewer> (дата обращения: 05.05.2023).

146. Яковлев А.Ю. Проблемы построения системы региональной безопасности в Южной Азии // Социально–гуманитарные знания. 2013. № 6. С. 282–293.

147. Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия. Дисс...д. п. н. М.: ГУУ, 2016. – 327 с.

на английском языке

148. Andrew Small. China–Pakistan Axis. Asia’s New Geopolitics. Oxford University Press, 2015. – 338 p.

149. Ankita Sharma. India’s North–East may become a growth engine (2019). URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/indias-northeast-growth-engine> (дата обращения: 20.03.2022).

150. Anwesha Dutta. Conflict, conservation, and cooperation across the India–Bhutan border (2020). URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/06/22/sambandh-blog-conflict-conservation-and-cooperation-across-the-india-bhutan-border/> (дата обращения: 20.06.2022).

151. Bamboo and Cane Development Institute. URL: https://paramparaproject.org/institution_BCDI.html (дата обращения: 20.01.2022).

152. Benjamin Elman, Shaldon Pollock. What China and India Once Were. The Past that May Shape the Global Future. Columbia University Press, 2018. – 365 p.

153. Berenice–Gyot Rechard. Shadow States: China, India and Himalayas, 1910–1962 // Cambridge University Press. New Delhi, 2017. – 321 p.

154. Bertil Lintner. China's India War. Collision Course on the Roof of the World // Oxford City Press. New Delhi, 2018. – 352 p.
155. Bhutan «cut off» irrigation channels near a border with India, Assam has deprived of water (2020). URL: <http://www.yidianzixun.com/article/0PiX8Vkd> (дата обращения: 10.07.2022).
156. C.K. Das. Sustainable development in North–Eastern India (India Water Portal). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable-development-and-eastern-india> (дата обращения: 20.09.2022).
157. Deepak Kapoor. South Asia Defense and Strategic Year Book–2009 // Pentagon Press, 2009. – 319 p.
158. Eight Years, Eight Frauds, BJP Government Failed (2022). URL: <https://inc.in/congress-sandesh/economy/8-years-8-frauds-bjp-government-failed> (дата обращения: 10.07.2024).
159. Encyclopedia of India–China Cultural Contacts. Vol. I, II. New Delhi, 2014. – 600 p.
160. Fen Libin, Tai Jhong. Tendency for building of infrastructure in NER and its influence on Chinese peripheral security (2019). URL: <http://www.aisixiang.com/data/117654-2.html> (дата обращения: 20.07.2022).
161. Harsh V. Pant. The China Syndrome: Grappling with an Uneasy Relationship. New Delhi, 2010. – 186 p.
162. Hemant Singh: Bharat ke sat Uttar–Purvi rajya: ek nazar me (2016). [Хемант Сингх. Семь сестёр Северо–Восточной Индии: обзор (2016)]. URL: <https://www.jagranjosh.com/general-knowledge/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A4%E0%A4%95%E0%A5%87-%E0%A4%B8%E0%A4%BE%E0%A4%A4> (дата обращения: 20.09.2022).
163. India ambush: Manipur rebels kill at least 20 soldiers (2015). URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-33007086> (дата обращения: 20.10.2022).

164. GNLA chief's close aides surrender (2017). URL: <https://dailynews360.patrika.com/story/news/gnla-chief-s-close-aides-surrender-9005.html> (дата обращения: 20.02.2022).
165. Government revises NER industrial and investment promotion policy (2016). URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/govt-revises-north-east-industrial-and-investment-promotion-policy/articleshow/56071886.cms?from=mdr> (дата обращения: 10.01.2022).
166. K.S. Subramanian. State, policy and conflicts in Northeast India // Routledge. New Delhi, 2016. – 213 p.
167. Kathryn Jacques. Bangladesh, India and Pakistan International Relations and Regional Tensions in South Asia. Macmillan Press Ltd, 2000. – 247 p.
168. Kim Young Chan. China–India Relations: Geopolitical Competition, Economic Cooperation, Cultural Exchange and Business Ties. Springer, 2020. – 239 p.
169. Kunal Ghosh, Vikas Kumar. Separatism in North–East India: role of language, religion and script // Suruchi Prakashan. New Delhi, 2008. – 268 p.
170. Malavika Murali (Hindustan Times, 2022). Around 3400 Communal Riots Took Place from 2016–2020: Centre. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/around-3-400-communal-riots-took-place-from-2016-2020-centre-101648611989880.html> (дата обращения: 01.11.2022).
171. Mikhailov S.A. History and Prospects of Cooperation between Russia, India and Bangladesh in the field of nuclear energy // RUDN Journal of World History. 2022. Vol. 14. № 4. P. 427–442.
172. Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move (2020). URL: <https://thewire.in/south-asia/myanmar-militant-northeast-handover> (дата обращения: 20.07.2022).

173. Nandita Haksar, Sebastian M. Hongray. Kuknalim. Naga Armed Resistance: Testimonies of Leaders, Pastors, Healers and Soldiers // Speaken Tiger Publishing Private Limited. New Delhi, 2019. – 454 p.
174. NER dwellers have been discriminating for 70 years, this is the most separatist region in India (2017). URL: http://www.globalview.cn/html/global/info_19168.html (дата обращения: 20.07.2022).
175. Parshotam Mehra. Essays in Frontier History: India, China and the Disputed Border. New Delhi, 2007. – 206 p.
176. Public Policy Research Centre (PPRC). Communal Riots. URL: <https://www.pprc.in/upload/A%20Fact%20sheet%20on%20communal%20riots.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).
177. Pew Research Center. The Global Religious Landscape. URL: <https://countrymeters.info/ru/India> (дата обращения: 10.02.2022).
178. Policy Wire. A Critical Analysis of BJP Loosing Grip (2024). URL: <https://policy-wire.com/a-critical-analysis-of-bjps-loosing-grip/> (дата обращения: 10.07.2024).
179. Prabodh Chandra Bagchi. India and China: Interactions through Buddhism and Diplomacy: Collection of Essays. New Delhi, 2011. – 255 p.
180. Rajiv Bhattacharya. NER Emerges as a Drug-trafficking Route between Myanmar and Bangladesh (2019). URL: <https://thediplomat.com/2019/05/indias-northeast-emerges-as-a-drug-trafficking-corridor-between-myanmar-and-bangladesh/> (дата обращения: 20.07.2022).
181. Rajiv Bhattacharya. Why has China given shelter to a rebel leader from India's North East? (2020). URL: <https://thediplomat.com/2020/02/why-has-china-given-shelter-to-a-rebel-leader-from-indias-northeast/> (дата обращения: 20.06.2022).
182. Rumki Basu. International politics: concepts, theories and issues // SAGE Publications Private Limited. New Delhi, 2012. – 440 p.

183. Sanjoy Hazarika. Strangers of the Mist. Tales of War and Peace from India's North East // Penguin Books. New Delhi, 2011. – 387 p.
184. Sarfraz Mirza. Pakistan–India Relations: Chronology (1947–2008). Lahore, 2010. – 862 p.
185. Sharlin Puppal. Constitutional Validity of Inner Line Permit System in North–Eastern India // Indian Journal of Law and Legal Research, 2021. Volume 2. Issue 1. P. 1–8.
186. Shishir Gupta. Sheikh Hasina at helm, India–Bangladesh economic cooperation sets a new milestone (2020) // Hindustan Times. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/sheikh-hasina-at-helm-india-bangladesh-economic-cooperation-sets-a-new-milestone/story-auufS6006TbOmRepnTmNSI.html> (дата обращения: 10.06.2022).
187. Subir Bhaumik. Troubled periphery: crisis of India's North East // SAGE Publications Private Limited. New Delhi, 2009. – 324 p.
188. Zhang Li. China–Indian Relations: Strategic Engagement and Challenges. IFRI, 2010. – 37 p.

на хинди

189. 30 sal se Tripura me sakriya NLFT ke 88 ugravadi surrender karenge (2019) [88 активных участников радикальной группировки NLFT в Трипуре, действовавшей в штате в течение 30 лет, задержаны (2019)]. URL: <https://www.bhaskar.com/national/news/militant-group-nlft-sd-will-surrender-88-militant-surrender-in-tripura-01614995.html> (дата обращения: 01.11.2022).
190. Alagavadi sangathan NSCN (IM) aur Modi sarkar ke bich hua etahasik Shanti samajouta (2015) [Сепаратистская организация NSCN (IM) и правительство Моды подписали «историческое» мирное соглашение (2015)]. URL: <https://aajtak.intoday.in/story/nscn-thuingaleng-muivah-signed-peace-agreement-with-modi-govt-1-826094.html> (дата обращения: 01.11.2022).
191. Bharat–Chin vivad: sakaratmak sahmati ki avashyakta (2020) [Конфликт между Индией и Китаем: необходимо достичь позитивного консенсуса (2020)]. URL: <https://dhyeyaias.com/hindi/current-affairs/perfect-7->

magazine/india-china-stand-off-requires-positive-consensus (дата обращения: 20.07.2022).

192. Brahma Chelani. Sharanarthi nahin avodh pravasi hen rohingya (2017) [Рохинджа – это не беженцы, а нелегальные мигранты (2017)]. URL: <https://www.jagran.com/editorial/apnibaat-rohingyas-are-not-refugees-illegal-immigrants-16818707.html> (дата обращения: 20.06.2022).

193. Brahmadeep Alunay. Bharat – Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (2018) [Брахмадип Алунай. Для разрушения отношений между Индией и Мьянмой осуществляется геноцид индуистов в Мьянме (2018)]. URL: <https://www.jagran.com/news/national-india-myanmar-relation-and-mass-killing-of-hindus-jagran-special-18083469.html> (дата обращения: 20.06.2022).

194. Chin ne Bhutan ke sath sima vivad sulajhane ke lie package ka prastao rakha, Bharat ke lie pouda ho sakti he mushkil (2020) [Китай предлагает пакетное решение пограничной проблемы с Бутаном, Индия не может их принять (2020)]. URL: <https://www.bhaskarhindi.com/international/news/china-insists-on-package-solution-for-dispute-with-bhutan-146777?infinitescroll=1> (дата обращения: 30.07.2022).

195. Nagaland me ugravadi hamla, ath javan shahid (2015). [Теракт в Нагаленде, восемь военных погибли (2015)]. URL: <https://www.amarujala.com/news-archives/india-news-archives/militant-attack-in-nagaland-eight-soldiers-martyr-hindi-news-rs> (дата обращения: 10.10.2022).

196. Paras Ral. Bharat – Myanmar raksha kutniti: ek mazbut sambandh ke taraph agrasar (2020) [Оборонная политика Индии и Мьянмы: движение в сторону их укрепления (2020)]. URL: <http://earp.in/en/2020/03/18/%E0%A4%AD%E0%A4%BE%E0%A4%B0%E0%A4%A4> (дата обращения: 20.06.2022).

197. Phir ubhara Manipur ke vilay ka mudha (2018) [Вновь возник вопрос о правомерности вхождения Манипура в состав Индии (2018)]. URL:

<https://www.dw.com/hi/%E0%A4%AB%E0%A4%BF%E0%A4%B0%E0%A4%8>
(дата обращения: 20.01.2022).

198. Pure Purvattara me kamal khilane me BJP (2018). [BJP начала предвыборную кампанию в Северо-Восточной Индии (2018)]. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (дата обращения: 20.01.2022).

199. Purvattara rajyon ke kuchh pramukh sakriya ugravadi sangathan [Самые активные радикальные группировки штатов Северо-Восточной Индии]. URL: <https://www.prabhatkhabar.com/news/other-state/mission-manipur-indian-army-para-commandos-carried-out-myanmar-hot-pursuit/470077.html> (дата обращения: 20.02.2022).

на бенгальском языке

200. Amitabh Bhatushali. Mizorame keno uthce «Biday Bharot, shagoto Chin?» (2019) [Почему в Мизораме возник лозунг: «Прощай, Индия, да здравствует Китай»? (2019)]. URL: <https://www.bbc.com/bengali/news-47058551> (дата обращения: 20.01.2022).

201. Subhajati Ghosh. Chhotogramer dorja khulce, ki labh Uttor-Purbo Bharoter? (2019) [Ворота Читтагонга открываются, какую выгоду это принесёт Северо-Восточной Индии? (2019)]. URL: <https://www.bbc.com/bengali/news-45563864> (дата обращения: 10.01.2022).

Литература китайских авторов

202. Лю Дэбинь. Индия – большое развитие «большого слона» (пер. с китайского). Чанчунь, 2010. – 182 с.

203. Ма Ин, У Юньнянь, Чжао Ганьчэн. Новые рассуждения о дипломатии Индии в XXI веке (пер. с китайского). Шанхай, 2004. 350 с.

204. Ма Цзяли. Внимание на Индию: становление державы (пер. с китайского). Тяньцзинь, 2002. – 235 с.

205. Сунь Шихай. Развитие Индии и её внешняя стратегия (пер. с китайского). Пекин, 2000. – 290 с.

206. Сюэ Кецяо. История культурного обмена между Китаем и Индией (пер. с китайского). Пекин, 2010. – 229 с.

207. Чжан Миньцю. Исследование индийско–китайских отношений (1947–2003) (пер. с китайского). Пекин, 2004. – 387 с.

Интернет–ресурсы на русском языке

208. Академик (электронный словарь). URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

209. Большая Российская энциклопедия (2004–2017). URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

210. Менее известная Индия – Северо–Восток (2021) (Sita travels). URL: <https://www.sita.in/ru/menее–izvestnaya–indiya–severo–vostochnaya–indiya/> (дата обращения: 10.11.2023).

211. Мировой атлас данных (Индия). URL: <https://ru.knoema.com/atlas/%d0%98%d0%bd%d0%b4%d0%b8%d1%8f> (дата обращения: 10.08.2023).

212. Население Индии. URL: <https://countrysimeters.info/ru/India> (дата обращения: 10.02.2022).

213. Научный словарь–справочник. Проблема коммунализма и фундаментализма в Индии. URL: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/problema_kommunalizma_i_fundamentalizma_v_indii/ (дата обращения: 10.02.2023).

214. Официальный сайт (портал) BRICS. URL: <https://infobrics.org/ru/> (дата обращения: 05.05.2024).

215. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 05.05.2024).

216. Официальный сайт ШОС. URL: <https://rus.sectesco.org/> (дата обращения: 05.05.2024).

217. Понятия и категории. URL: <https://ponjatija.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

218. Чайный портал Tea Terra. URL: <https://www.tea-terra.ru/> (дата обращения: 10.05.2023).

219. Численность населения Индии. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost> (дата обращения: 10.02.2022).

Интернет-ресурсы на английском языке

220. International Monetary Fund. India. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IND> (дата обращения: 20.05.2023).

221. Latest News from North-Eastern Region (NER). URL: <https://www.insidene.com/> (дата обращения: 20.12.2022).

222. South Asia Terrorism Portal. URL: <https://www.satp.org/> (дата обращения: 10.05.2023).

223. The Global Economy. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 10.05.2023).

224. Trading Economics. Индия. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/india/> (дата обращения: 10.08.2023).

225. Travelogy India. 15 Famous Festivals in North East India. URL: <https://www.travelogyindia.com/north-east-india/festivals-in-north-east-india.html> (дата обращения: 10.05.2023).

226. Vivace Panorama. Bharat me sanrakshata [Грамотность в Индии]. URL: <http://www.vivacepanorama.com/literacy-in-india/> (дата обращения: 01.12.2022).